

С 654

СОРОК ДЕВУШЕК

ДЕТГИЗ
1952

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

СОРОК ДЕВУШЕК

КАРАКАЛПАКСКИЙ ЭПОС

ЗАПИСАНО СО СЛОВ
НАРОДНОГО ПЕВЦА
КАРЯ - КЯЛЛЯКИИ

КУРБАНБАЯ ТАЖИБАЕВА

ПЕРЕВЕЛА И ОБРАБОТАЛА
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА
СВЕТЛАНА СОМОВА

ХУДОЖНИК
В.Алфеевский

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1952 Ленинград

Под редакцией
В. Казина и Л. Климовича

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неузнаваемо преобразилась наша социалистическая отчизна. В грандиозных работах по преобразованию природы, в великих стройках на Волге, Дону, Аму-Дарье, на Украине и в Крыму все ярче видны черты коммунизма.

В Ташиа-Таше, в центре Кара-Калпакской АССР, идет подготовка к сооружению грандиозной плотины и мощной гидроэлектростанции. Отсюда начнется Главный Туркменский канал Аму-Дарья — Красноводск, решение о строительстве которого принято Советом Министров Союза ССР по инициативе товарища Сталина.

В результате победы Великой Октябрьской революции и построения социализма в нашей стране осуществились невообразимые мечты и думы народов о человеческом счастье. Трудолюбивый, мужественный каракалпакский народ, впервые в истории получивший свою государственную самостоятельность, столетиями вынашивал эти сокровенные мечты, выражал их в своих любимых песнях, сказаниях, эпосе.

Одним из замечательных поэтических сокровищ каракалпакского народа, в которых нашли себе выражение его высокие идеалы, является эпос «Сорок девушек» («Кырк кыз»). Это произведение записано в 1940 году со слов каракалпакского сказителя Курбанбая Тажибаева. Выражая стремления своего народа, в течение столетий боронившегося за свои права, сказитель пел:

То было ли, не знаю я,
Но песне в лад мечтаю я,
Чтоб горе все с земли ушло,
Чтоб счастье светлое возшло...¹

¹ Стихи из эпоса «Сорок девушек» здесь и дальше — в переводе и обработке Светланы Сомовой.

Содержание эпоса красочно и богато; оно связано с важными событиями из жизни каракалпакского народа. В художественных образах эпоса нашла отражение негнбаемая воля народа к свободе и независимости, многовековая борьба каракалпаков за свою землю, против захватчиков, против разорителей и угнетателей народа.

Эпос начинается с рассказа о том, как Гуляим, дочь Аллаяра, правителя каракалпакской крепости Саркоп, получила в дар от отца местность, носившую название «Мевали» (точнее «Миуели», то-есть «плодоносная» или «фруктовая»). В этой местности, повествуется в эпосе, была построена для Гуляим крепость, имевшая медные стены, а ворота — из стали и чугуна. Земля в Мевали была вспахана, удобрена и орошена. «Мевали стала большим садом, и сердце Гуляим стало радостным». Вдали от всех, живя в Мевали вместе с сорока девушками, Гуляим подготавливала их к тому, чтобы они стали отважными богатырями, искусными воительницами.

Одна из девушек, Сарбиназ, раскрывает, почему пятнадцатилетняя Гуляим обучила своих подруг воинскому искусству, сделала воинами юных девушек.

«Калмыцкий хан, — говорит Сарбиназ, — готовится ограбить наш народ, разорить наши земли. В наших сердцах, — заключает отважная дева, — ненависть к захватчику. Мы должны быть готовы встретить его с оружием в руках, сделать все, чтобы победить врага».

Дальнейшие события, развертывающиеся в эпосе, полностью подтверждают слова Сарбиназ. Нападение калмыцкого хана Суртайши на Саркоп, гибель в битве с Суртайшой отца Гуляим — Аллаяра, разорение каракалпакских земель и увод саркопцев в плен — обо всем этом рассказывается в эпосе. Он передает также волнующую повесть о том, как Гуляим и ее сорок подруг, узнав о нападении калмыцкого хана на Саркоп, мстят за разорение и поругание своего народа, своих близких. Смелость, отвага и мужество, соединенные с верностью своей родине, приводят их к торжеству над врагами. Девушки побеждают хана Суртайшу, освобождают пленных саркопцев, обязывают разорителей возместить ущерб, нанесенный каракалпакскому народу.

Эпос ярко передает переживания главных героев: Гуляим, ее возлюбленного — хорезмского богатыря Арслана,

его сестры Алтыной, девушки Сарбиназ, богатыря Отбаскана и многих других. Общественные мотивы в эпосе всегда преобладают над личными и определяют конечную судьбу его положительных героев. Когда Арслан добивается любви Гульаим, еще до полной победы над ханом Суртайшой, мужественная девушка говорит ему о своей ответственности перед народом:

Я исполню клятву! Отомщу врагам,
Радость принесу я дорогим друзьям.
Мой Арслан, тебя я всей душой люблю.
Трудный долг исполнив, жизнь тебе отдам!

«Сорок девушек» — это эпос о богатырях, в котором отражена борьба каракалпакского народа против внешних захватчиков. В числе их эпос называет джунгарских (калмыцких) ханов, в XV, XVI, XVII и в первой половине XVIII века не раз совершавших грабительские нападения, угрожавших самостоятельности и самому существованию народов Казахстана и Средней Азии. В 1724—1725 годах вторгшиеся из Центральной Азии джунгары захватили Ташкент, Сайрам, Туркестан и нанесли серьезный ущерб жившим в этих местах казахам, узбекам, каракалпакам. Не раз нападали на каракалпаков и калмыцкие ханы, кочевавшие в то время в степях нашего Поволжья, в частности в годы власти Аюкихана (умер в 1724 году), этого расчетливого политика и деспота, действовавшего против России и тайно связанного с ее врагами.

Борьба народов Средней Азии против джунгаро-калмыцкой угрозы нашла отражение во многих эпических произведениях о легендарных богатырях. К таким сказаниям о богатырях, отстаивавших свою землю от нападений иноземцев и угнетателей народа, относится и эпос «Сорок девушек».

Очевидно, что в образе калмыцкого хана Суртайши и в описании чинимых им зверств эпос передал воспоминания и о насилиях других завоевателей, совершавших нападения на каракалпаков, в числе которых были и свирепые орды монголов. Не случайно и сейчас еще у каракалпаков есть предания о «калмыке Шынгызе», то-есть кровавом Чингиз-хане. Это же во многом характерно и для эпоса других народов Средней Азии и Казахстана, также подвергавшихся нападениям со стороны джунгар-

ских ханов. Этот факт не раз отмечался и русскими учеными, писателями и путешественниками. Так, передовой русский писатель В. Г. Короленко, слушавший сказителей-казахов во время посещения им Илецкой степи, писал: «Исторические воспоминания степи даже о сравнительно недавнем прошлом спутаны и неясны. Борьба с калмыками... составляет, кажется, главное содержание киргизского (казахского. — Л. К.) эпоса»¹.

Впрочем, эта тема не исчерпывает сюжета «Сорока девушек».

Существенной частью эпоса «Сорок девушек» является повесть о хорезмском богатыре Арслане и его сестре — богатырше Алтыной. В этой повести отражены некоторые характерные стороны каракалпакско-хивинских отношений. Здесь же, особенно в заключительных главах эпоса, посвященных походу войска Гульаим и Арслана против коварного Надир-шаха, повидимому отражена борьба каракалпакского народа против разорявших его земли хивинских ханов и прежде всего — иранского шаха Надира.

В 1740 году Надир-шах захватил Хиву, подчинил себе территорию Хивинского ханства. Надир-шах отнял у жителей Хивы и ее окрестностей имевшееся продовольствие и другие ценности, увел в плен значительную часть мужского населения. Поход Надир-шаха и последовавшая затем борьба среди феодальной знати привели к крайнему обнищанию края. В XVIII веке иногда в столице ханства, городе Хиве, оставалось не более сорока семейств.

Захват Надир-шахом Хивы вызвал в 1741 году крупное восстание местного населения против господства иранцев. Повстанцы осадили и взяли Хиву, убили наместника Надир-шаха, уничтожили его гарнизон.

Естественно, что эти события остались в памяти народа, им посвящены произведения художественного слова. Но, конечно, эпос передал нам и эти исторические факты в обобщенной и часто измененной до неузнаваемости форме, так что была оказалась переплетенной со сказкой. Не сохранил эпос и имен исторических деятелей, хотя в образе Надир-шаха, против которого борются герои эпо-

---

¹ Вл. Короленко, У казаков Поездка по верховым станциям. «Русское богатство», 1901, № 12, стр. 199.

са Гульаим, Арслан и Алтыной, очевидно, следует видеть иранского шаха Надира. Не случайно в эпосе господство Надир-шаха прямо связывается с кызыл-башами, то-есть иранцами (персами). Например, богатырь Арслан говорит Гульаим: «Уехал я из родной страны, разграбил Надир-шах хорезмскую страну, кызыл-баши захватили мою страну». И Гульаим, поднимая свое войско в поход на страну Арслана, Хорезм, восклицает: «Мой враг — Надир-шах, кызыл-баш! Садитесь на коней, померяемся силою с врагом!» Характерно также, что разбитый Гульаим и Арсланом Надир-шах бежит в Иран. Кызыл-баши (войска Надир-шаха), рассказывается в эпосе, перебиты. Тогда Надир-шах пытается бежать из Хорезма в Иран.

Но, несмотря на всю хитрость и коварство, Надир-шах не ушел от возмездия.

За шахом бросился Арслан,
Накинул на него аркан,
К себе за шею подтащил
И руки за спиной скрутил.

Так шах (проклятие ему!)
К Хорезму, к войску своему,
Перед Арслановым конем
Идет не шахом, а рабом,
Идет дорогою беды,
И топчет конь его следы.

Замечательной чертой богатырей эпоса «Сорок девушек» является их великодушие. После пленения Надир-шаха и прекращения сопротивления его войск Гульаим останавливает своих воинов. «Эти люди, — говорит она о жителях Хорезма, освобожденных от власти Надир-шаха, — нам не враги. Без хана они будут сыты».

У народов, подчеркивается в эпосе, нет взаимной вражды: лишь ханы и шахи, чиня злодеяния и обогащаясь, натравливают один народ на другой, истребляют невинных людей. Очень интересен в этом отношении эпизод на пиру у хана Суртайши. Приехавшие на пир увидели плененных ханом саркопцев со связанными руками. И тогда, возмущенные, они стали укорять Суртайшу. «В чем они провинились? — спрашивали они Суртайшу о саркопцах. — Почему ты их гнал, как скотину? Зачем ты их связал? Они тебя мучили? Или они разрушили твое жилище?.. Ты пошел и разграбил их страну, перебил людей

в их городе, окрасил кровью их поля, зажег их сады... Разве человек — перелетный гусь, что ты, кого ни увидишь, убиваешь? Ты заставил плакать целый народ, как будто мало у тебя своего имущества!.. Проклятье тебе, Суртайша! Не будем пировать на твоём пиру».

Защищая саркопцев, гости, созванные на пир к Суртайше, говорят и о своей участи. Они не поддерживают Суртайшу. «Мы были целым народом... Кто из нас был скотоводом, кто ловил рыбу... Ты не был нашей защитой, каждый день облагал налогами... как баранов, истреблял народ. Если наша коза приносила двойню, одного козленка забирал ты. Несчастья, бедствия на наши головы обрушил ты... Какие только мученья не причинял ты нам! Из наших людей ты был худшим. Проклятье тебе, Суртайша! Ты мучил пленных... Верни их на их родину!.. Дай пленным столько еды, чтобы хватило им, пока они дойдут до своей родины. О Суртайша, Суртайша, посмотри и на наши слезы!»

В этих словах выражены высокие чувства народа, осуждающего злодейство и алчность своих угнетателей. Эти чувства говорят об общности интересов народов, мечтавших о том, чтобы освободиться из-под феодального гнета ханов, своих притеснителей и эксплуататоров. Характерно также, что хан Суртайша жестоко наказывает даже созванных им на пир гостей, не побоявшихся сказать ему в лицо горькие слова правды.

Эпос показывает классовое расслоение в среде народа, подвластного Суртайше. Бедняки выступают против Суртайши и находящейся при нем знати, обогащающейся на разорении народа. Простые люди сочувствуют Гульаим и ее сорока девушкам и помогают им победить Суртайшу, освободить саркопцев из плена калмыцкого хана.

Жизненность эпоса «Сорок девушек» определена прежде всего теми патриотическими чувствами, которые в нем выражены. Это высокие чувства любви к родине, вера в ее светлое будущее, радость борьбы за свободу и независимость своего народа.

Образ богатыря, данный в эпосе, понимается как образ героя, борющегося за свой народ и родную землю. Очень хорошо эта мысль передана, например, в таких словах Гульаим, обращенных к своим соратникам перед боем:

Я скажу пред боем вам, богатыри:
Береги оружие, за конем смотри!

Без копья стального нет богатыря,
Без коня лихого нет богатыря!

Без стрелы ретивой нет богатыря,
Без земли родимой нет богатыря!

Верностью народу мы богатыри,
Битвой за свободу мы богатыри!

Верность своему народу — вот что ставится в эпосе выше всего. Предатели и трусы жестоко осуждаются, им нет оправдания. Так, в эпосе высказано презрение к сыновьям Аллаяра, оказавшимся предателями и трусами:

Вложив в ножны мечи свои,
Они, как вражки холоуи,
Забыли, что на свете есть
И честь, и мужество, и месть.

Даже от праха этих изменников отвернулась Гульаим, хотя она и была их сестрой. Гневны, но в то же время глубоко правдивы ее слова:

Не стану братьями их звать,
Землей не стану засыпать.
Изменникам родной страны
Обряды наши не нужны!

Когда бы копья их рука,
Как колья, вбила в грудь врага,
Когда б за родину в бою
Они пролили кровь свою, —
Тогда б, о старцы, лишь тогда
Была б я братьями горда!

Замечательны мечты о дружбе народов, отраженные в эпосе «Сорок девушек». Когда Гульаим и Арслан со всем своим войском сокрушили врагов и установили в Сарконе свое правление, при котором даже вдовы и сироты не были обижены, они, как рассказывается в эпосе, стали заботиться о том, чтобы хорошие старшины-управители были не только у каракалпакского народа, но и у узбекского, казахского и туркменского. Называя по именам старшин каракалпаков, узбеков, казахов, туркмен, Гульаим дает им наказ быть справедливыми к народу, править на пользу страны.

В рассказе о Гульаим и ее сорока девах-воительницах, а также частично в повести о воинской доблести Алтыной содержатся, повидимому, и весьма древние элементы, в частности следы эпохи матриархата, то-есть той первобытной эпохи, когда женщины занимали «не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое»¹. Именно девушка Гульаим и ее сорок соратниц освобождают из плена хана Суртайши своих сородичей. Гульаим становится правителем своей страны; за ней сохраняется власть даже тогда, когда она выходит замуж за хорезмского богатыря Арслана. Не она едет на родину к мужу, а он остается жить с нею в стране каракалпаков. И после замужества, говорится в эпосе, власть Гульаим продолжалась.

О древности этих элементов свидетельствуют и некоторые сходные мотивы в других сказаниях и легендах, также записанных в Кара-Калпакии.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть прогрессивности эпоса «Сорок девушек», в котором главным положительным героем является девушка Гульаим. Уже сам образ женщины-воина, мудрой и справедливой правительницы в условиях Средней Азии, где господствовали мусульманские законы, лишавшие женщину элементарных прав, принижавшие ее, не мог не иметь характера протеста против того, что защищали муллы и ишаны, что было «святым» для ханов, для феодальной знати.

Очень выразительны и подлинно народны характеры таких героев эпоса, как, например, саркопский богатырь Отбаскан или соратница Гульаим — Сарбиназ. Эпос показывает их как людей, сознающих свое достоинство и моральное превосходство над угнетающими их ханами, феодальной знатью. Очень характерен в этом смысле образ Отбаскана. Вот с какой речью плененный и подвергаемый унижениям Отбаскан обращается к хану Суртайше:

Ты разве человек? Ты пес,
Лакающий потоки слез!

Ты пасть набил костями их,
Чужих народов и своих.

. . . . .

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 438.

Я пред тобой стою в цепях --
Но нету слез в моих глазах!

Я на спине держу гранит —
Но я живу, я не убит!
Несчастлив ты, а я счастлив,
Я даже мертвый буду жив!

.....
Я вижу смелых молодых,
Освобожденных от оков.
Они разрушат твой дворец —
Придет тебе, тиран, конец!
Так будет! И тогда средь пих
Одним я буду из живых.

Характерна и речь Сарбиназ, своими воинскими подвигами заслужившей любовь соратников:

Эгей, калмыцкий хан, вставай,
Посла саркопцев принимай!

.....
Эгей, воители пришли,
Народа мстители пришли —
Не просто девушки сюда,
А победители пришли!

.....
Сдавайся в плен, калмыцкий хан!
На шею привязав колчан —
Покорности военной знак, —
В саркопский отправляйся стан.

А не сдаешься — битвы жди,
На поединок выходи,
И Гуляим двуострый меч
В твоей окажется груди!

Победив хана Суртайшу, Гуляим не проявляет алчности или тщеславия. Она требует возмездия лишь потому, что хочет добра народу. Гуляим мстит только хану и его приспешникам.

Гуляим так говорит об этом, обращаясь к Суртайше:

Грабитель! Все, что взял, верни,
На золото все оцени.
Саркоп, разрушенный тобой,
Ты вновь из мрамора отстрой;
Все двери башен городских
Из слитков сделай золотых,
По обе стороны дверей
Из драгоценных ты камней
По два светильника поставь —
Их тоже золотом оправь;

Сор с улиц пыльных подмети
И плитками их замости;
В сухих садах цветы возрасти
И соловьев в сады пусти;
Саркопцев всех освободи,
На скакунов их посади
И в новый город по степям
Их проводи смиренно сам.

Не сделаешь, как я велю, —
В крови тебя я утоплю,
Разрушу город твой, твой край!
Все зло, что сделал, испытай!

Народы — не враги друг другу; враги народа — кровожадные ханы, шахи, феодальная знать, — такова основная мысль, выраженная в этом эпосе.

Трудно исчерпать все богатство эпоса «Сорок девушек». Сколько тонкого наблюдения жизни и народного остроумия передано в сценах явления Джурин-Қаля в Мевали, обмана суеверного бая Аллаяра! С изумительным мастерством переданы сказителем и образы прислужников злодея Надир-шаха — зловредного старика Кулымсоя и старухи-колдуни.

С большой теплотой и мягкостью говорит эпос о боевых спутниках Гульаим, Арслана и Алтыной — их богатырских скакунах. Героям помогают и другие животные, даже тигры. Красочно рассказано об обрядах и народных развлечениях.

Есть в эпосе «Сорок девушек» и отражение феодальной идеологии, как, например, религиозные верования, суеверия. Нужно иметь в виду, что до Октябрьской революции в стране каракалпаков существовали патриархально-феодальные отношения, велико было засилие реакционного мусульманского духовенства. Отдельные религиозные и иные антинародные элементы могли вноситься в эпос и некоторыми его певцами, подвергавшимися в условиях власти ханов и беков чуждым воздействиям, своего рода «цензуре». Но эти чуждые народу мотивы не являются определяющими, почему они и опущены в сокращенном переводе и обработке эпоса, сделанном поэтессой С. Сомовой. То, что религиозные верования не являются определяющими для эпоса «Сорок девушек», подчеркивается в ряде мест, где разоблачаются религиозные представления.

Так, пастух Джуриин-Каль зло высмеивает бога. По его представлению, бог является не источником «милости», а, напротив, причиной общественного неравенства и несправедливости. Обращаясь к богу, Джуриин-Каль говорит:

День и ночь я имя божье поминал,
Ты б за это дал хоть вшивого козла!..

Пред тобой согнули бедняки горбы —
Что ж ты не изменишь нашей злой судьбы?
Ой, алла, на землю обрати свой взор —
Одичали в рабстве мы, твои рабы!

Образы Гульаим и ее отважных соратниц, положительных героев эпоса, также являются, как мы уже говорили, своего рода вызовом установлениям ислама — религии, принижающей женщину, проповедующей затворничество, борющейся против равноправия и свободы женщин. Мы также отметили, что эпизоды с Джуриин-Калем содержат много народного остроумия и тонкого знания жизни. Но образ Джуриин-Каля имеет и ряд противоречий и непоследовательностей. Так, этот бедный человек, находящийся в состоянии полного гнева слова для осуждения аллаха за тяжелое положение, в котором он очутился, ловко дурачащий бая Аллаяра, изображен вместе с тем хитрецом, сосредоточенным исключительно на мыслях о личном благополучии. Для достижения этого он обманывает не только бая Аллаяра, но и честного богатыря Арслана; не интересуется он и чувствами своей «невесты» Гульаим. Тем, что Джуриин-Каль более всего думал о себе, о своем личном счастье, эпос объясняет его неудачу как жениха. Конь Джуриин-Каля был подстать своему седоку. На свадебной скачке (байраке), когда надо было прибыть первым, он, как и Джуриин-Каль, «думал об одном себе»:

Он на пути в дорожном рву
Нашел медвяную траву.
Травы поел, попил воды
И... потерял коней следы...
Джуриин байрак тот проиграл —
Так он невесту потерял.

Содержащиеся в эпосе непоследовательности и противоречия, а иногда и отсутствие в нем идейной цельности могли явиться следствием ограниченности жизненного опыта и мировоззрения его создателей — крестьян, а так-

же воздействия на них чуждой, феодальной идеологии, особенно ислама. В непоследовательностях и противоречиях в трактовке образа Джурин-Каля сказались и характерная для феодальной идеологии тенденция сознательного принижения образа пастуха.

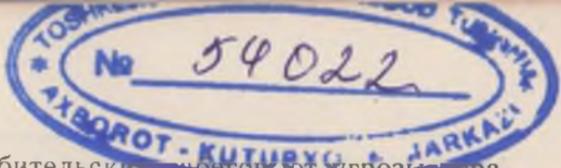
Обращаясь к эпосу «Сорок девушек», записанному со слов Курбанбая Тажибаева, нельзя однако не заметить, что сказитель, советский человек, многое переосмыслил в духе нашего времени и, что особенно ценно, развил содержащиеся в эпосе демократические мотивы. Последнее, впрочем, не значит, что эпос «Сорок девушек» не сохранил черт той отдаленной эпохи, когда он первоначально сложился.

Оружием героев эпоса являются мечи, копыя, луки и стрелы; богатыри сходятся в рукопашных схватках, в единоборстве. Осажденные в крепости сообщаются с войском Гуляим посредством бумажного змея. Вместе с тем в эпосе есть упоминания и об огнестрельном оружии. Следует отметить, что каракалпаки уже в XVII веке пользовались огнестрельным оружием. Как видно из документа, относящегося к 1698 году, каракалпаки (как и казахи), жившие в районах нижнего течения Сыр-Дарьи, уже в то время добывали свинец, красную медь, селитру и изготовляли порох. Свинцовые месторождения с давних времен разрабатывались в горах Кара-Тау, то есть как раз в тех местах, которые упоминаются в эпосе. Русский исследователь П. Рычков, впервые около середины XVIII века записавший исторические предания каракалпаков, сообщает, что каракалпаки не только изготовляли порох, свинец и ружья, но и продавали их казахам.

Таким образом, упоминание в эпосе об огнестрельном оружии не является позднейшей вставкой.

Приблизительно с этого же времени у каракалпаков устанавливаются торговые отношения с Россией. Еще в 1722 году каракалпаки отправили в Россию караван из тысячи верблюдов. В первой половине XVIII века каракалпаки изъявили желание вступить в русское подданство; в связи с этим они отправили посольства раньше в Оренбург, а затем, в 1743 году, в Петербург.

Присоединение страны каракалпаков, как и всей Средней Азии и Казахстана, к России положило предел кровавым междоусобицам ханов и защитило среднеази-

атские народы от грабительских походов, от угрозы порабощения со стороны султанов Турции, шахов Ирана и правителей других отсталых государств Востока, за спиной которых стояли английские капиталисты. Присоединение страны каракалпаков, Средней Азии и Казахстана к России сблизило, вопреки царизму и местным эксплуататорским классам, среднеазиатские народы с великим русским народом. Каракалпаки, как и узбеки, казахи, туркмены, таджики, киргизы, вошли в непосредственное соприкосновение и постоянную связь с представителями русского народа, с его рабочим классом — самым революционным классом во всем мире. Передовая русская культура оказывает мощное благотворное влияние на культуру каракалпаков, как и всех народов Казахстана и Средней Азии.

Ф. Энгельс писал К. Марксу 23 мая 1851 года:

«...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹.

Но только Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожившая эксплуататорский строй и режим колониального угнетения, привела каракалпакский народ к свободе и независимости.

В советской Кара-Калпакии, в условиях торжества ленинско-сталинской национальной политики, каракалпакская литература впервые стала предметом пристального изучения. Буржуазная наука, оскорбляя и принижая каракалпакский народ, пыталась отрицать наличие у каракалпаков своей оригинальной литературы. Эта ложь буржуазных ученых разоблачена и опровергнута советской наукой, выявившей и собравшей многие выдающиеся произведения письменной и устной каракалпакской литературы. Большой известностью пользуется творчество таких поэтов дореволюционной Кара-Калпакии, как, например, Жиеи Тагай-улы (XVIII век), с именем которого связан и эпос «Сорок девушек», Бердах Каргабай-улы (1827—1900) и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция, преобразившая всю жизнь каракалпакского народа, со-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. XXI, стр. 211

здала условия для подлинного и необычайного расцвета каракалпакской литературы. В советской каракалпакской литературе впервые развиваются художественная проза, драматургия и другие жанры. Огромное влияние на развитие каракалпакской литературы оказывают классическая русская литература и советская литература братских народов нашей Родины. Каракалпакская литература является неотъемлемой частью единой многонациональной советской литературы. Советская каракалпакская литература крепнет в борьбе против чуждых народу влияний, против космополитизма и буржуазного национализма.

Огромны перспективы, которые открывают перед каракалпакским народом, как и перед всеми народами Советского Союза, великие стройки коммунизма. Строительство Главного Туркменского канала, Тахиа-Ташской плотины и мощной гидроэлектростанции полностью преобразит облик Кара-Калпакской АССР, создаст мощную материальную базу для дальнейшего расцвета ее экономики, культуры, литературы, искусства.

Эпос «Сорок девушек» в переводе и обработке С. Сомовой, несмотря на сокращения и некоторые отклонения от оригинала, в целом доносит до читателя лучшие черты замечательной поэмы каракалпакского народа.

Нет сомнения, что эпос «Сорок девушек», красноречиво свидетельствующий о высокой одаренности каракалпакского народа и самобытности его фольклора, будет тепло принят нашими молодыми читателями.

Л. КЛИМОВИЧ

Песня первая

То было в давние века
В стране сыпучего песка,
Там, где теперь Аму-Дарья
Течет, пустыне жизнь даря.
Тогда селились степняки
По берегам Джаны-реки
И город с крепостью — Саркоп
Стоял средь караванных троп.

В той крепости жил старый бай,
Опора рода Азногай.
Носил он имя Аллаяр,
Владел он множеством отар,
Был почитаем в том краю
За доблесть прежнюю свою.
С ним жили шесть богатырэй,
Его любимых сыновей,
Жила с ним баловница дочь:
Лицо — заря, а косы — ночь.
На склоне жизни Аллаяр
Ее ценил, как лучший дар, —
Он Гуляим ее нарёк,
То имя значило — цветок.
Не только именем одним
Была прекрасна Гуляим.

Своих желаний тот достиг,
Кто увидал хотя б на миг
Летящий шелк ее волос,
Отливы чернокудрых кос,
Высокий лоб, румяный рот,
Лебяжий шеи поворот,
Изгиб миндалевидных век,
И зубы белые, как снег,
И щеки розы розовой,
И стрелы черные бровей,
И, как весенняя гроза,
Сверкали молнией глаза.
О нет, не именем одним
Была прекрасна Гуляим!

Соловей рассвета Гуляим-джаным¹,
Аромат шербета Гуляим-джаным,
Гибкая, как ветка тала на ветру,
Горячее лета Гуляим-джаным.

Почему джигиты «Гуляим» твердят?
Те, что не видали, «Гуляим» твердят.

---

¹ Дж а н ы м (от «джан» — «душа») — ласкательная приставка в смысле «милая».

Те, что увидали, потеряв покой,
«Жизнь за чаровницу отдадим», твердят.

Словом ли медовым подарит, смеясь,
Краешком ли глаза ранит, наклонясь, —
Все джигиты сразу ею сражены,
Разум потеряли, на нее дивясь.

Полночью безлунной выйдет на откос,
На ветру распустит блеск тяжелых кос —
Словно драгоценных перлов торжество
Кто-то в подземелье темное принес.

* * *

Вот Гульаим пятнадцать лет.
Пред нею меркнет солнца свет,
Ей равных нету в красоте,
И в доброте, и в быстроте.
Как вышедший из волн бобер,
Любила Гульаим простор,
Девической душой мудра
Была, как ясная Зухра¹.
Пробор среди ее волос
На волосинку не был кос,
И слова на ветер она
Не бросит, гордости полна.
Соскучившись в юрте сидеть,
На знатных женихов глядеть,
Отцу сказала Гульаим,
Склонясь почтительно пред ним:
— Мой отец любимый! Сжался, разреши
Высказать желанье жаркое души.
С сердцем соколиным родилась я,
Крылья подрастают, скучно мне в тиши.

Подари мне, добрый, часть твоей земли,
Местность, что название носит Мевали.
Девушек я сорок заберу с собой,
Заживу свободно я в степной дали.

---

¹ Зухра — планета Венера.

* * *

Отец велением своим
Исполнил просьбу Гуляим.
Поставили на крутизне
Из белых войлоков юрту,
Расшили шелковым шитьем
И бархатным, как степь в цвету.
Двенадцать старых мастеров
В пустыне провели черту,
Высокой медною стеной
Отгородили местность ту.
Свинцом весь залили порог,
Порог, который был с версту.
Чугунные, чернее тьмы,
Вели ворота в высоту:
Вбивали круглые столбы,
Тесали створок широту —
Год и еще сто двадцать дней
Ушло на эту маяту.
Отборных триста силачей
Тащили в гору тяжесть ту.
Золотокованой резьбой
Придали створкам красоту.
Повесили на воротах
Замок о десяти ключах...
И в крепость девушки вошли
И поселились в Мевали.

* * *

Гордись владением большим,
Вела хозяйство Гуляим.
Вспахавши землю, удобрив,
Водой речною напоив,
Заботливой рукой она
Разбрасывала семена.
Посевы в Мевали взошли,
Тюльпаны, розы расцвели,
Разросся персиковый сад,
Созрел сладчайший виноград.
И ветви яблонь по ночам
Приют давали соловьям,

И стала крепость Мевали
Великим чудом той земли.

* * *

Встает заря за гребнем гор,
Весь в золоте степной простор.
Летит по склонам золотым
Воительница Гуляим,
И сорок девушек за ней
Вздымают к небу пыль степей.
Уздами косы завязав,
Коней горячих оседлав,
Все в одеянии мужском
И в снаряженье золотом,
Летят они за рядом ряд,
Глаза, как молнии, горят.

То в джигитовке удалой
Они проскачут под горой,
То небо стрелами разят,
Иль саблями в степи звенят,
Иль аргамаков молодых
Купают в заводях речных,
То вдруг, по двадцать разойдясь,
На два отряда разделясь,
Ведут они между собой
Упорный богатырский бой.
Один отряд уж побежден,
Со всех сторон он окружен,
И побежденные кричат.
Им победители грозят,
С коней стащив их, в плен берут,
Ватагой шумною ведут;
И, вторя крикам боевым,
Хохочет звонко Гуляим.

Так длинноносые цвели,
Так тонкостанные росли
На радость всей родной земли
В своем селенье Мевали.

* * *

Однажды ночью в темноте
Сидела Гуляим в юрте.
Шумела вдалеке река,
Томила девушку тоска.

В смятении она встает
И сорок девушек зовет:

— Сестры, подойдите! Тяжко мне одной.
Сердце защемило, словно пред бедой...
Нынче в скачке конь мой, верный Актамкер,
В стороны бросался, словно сам не свой.

Конь мой, что коней всех в скачке обгонял,
Что из гор копытом пламя высекал, —
Будто что почуял конь мой Актамкер:
Вдруг остановился, жалобно заржал.

Я ему медвяный клевер поднесла,
Шею обнимала, ласково звала —
Отвернулся верный конь мой Актамкер,
В небо смотрит взглядом острым, как стрела.
А потом он резко вырвался из рук,
Вдоль ограды сделал для разбега круг,
Прыгнул через стену конь мой Актамкер,
И куда-то в степи ускакал он вдруг.

О подруги, тайну разгадайте мне,
Разрешить сомненья помогайте мне:
Что в степи почуял верный Актамкер?
Девушки, подумав, отвечайте мне.

Красавицы уходят прочь
И длинную всю эту ночь
Не спят под кровом тишины,
Загадкэй странной смущены.

* * *

Наутро звезды ярких глаз
В ручье омыла Сарбиназ.

— Подруги, — молвила она, —
Вставайте, уж заря красна.
Отправимся к свей аим¹,
О деле с ней поговорим. —
Моложе всех она была,
Но самой мудрою слыла.
Лицом, от солнца золотым,
Орлиным взглядом огневым,
Рукою крепкой, как кремень,
Улыбкой яркою, как день,
И словом твердым, как алмаз,
Была известна Сарбиназ.

И тридцать девять чередой
Пошли за ней, сороковой.
Перед подругой Сарбиназ,
Волнуясь, повела рассказ:

— Для тебя цветы я соберу весной,
Жемчуга достану из волны морской.
Вот как отгадала тайну я твою,
Вот что увидала я в тиши ночной:

Крепость ты воздвигла здесь, в краю степном,
Обнесла оградой, заперла замком.
Воинов отважных ты растишь из нас
В крепости высокой, в Мевали родном.

И недаром в битву рвутся скакуны,
Сабли искрометны, в жемчугах ножны,
Остры наши копья и тверда рука
И кольчуги наши белые прочны.

Гульям! Подходит испытанья срок.
Слышу издалека вражьи коней скок,
Вижу я сверканье вражеских мечей,
Политую кровью пыль степных дорог.

Минет шестилетье, и придет Сурша.
Наш Саркоп осадит и возьмет Сурша,
Великан калмыцкий, кривоглазый хан,
Кровью побежденных степь зальет Сурша.

---

¹ Аим («моя луна») — красавица.

Твой отец поедет на коне гнедом,
Но коня покроют черным чекменем¹.
В скорби непомерной ворот разорвав,
Ты, сестра, простишься со своим отцом.

Братьев твоих милых, беркутов твоих,
Их, месяцеликих, сразу шестерых,
Недруги повесят, родичам на страх,
Вздернут на арканах крепких шерстяных.

И тогда, кольчугу белую надев,
На коней поднявши сорок смелых дев,
Мстителем ты станешь за родной Саркоп,
На врагов рванешься яростно, как лев.

Если уши ставит Актамкер стойком,
Если даже клевер для него не корм,
Он, что нынче утром вырвался из рук,
Вырвется к победе с храбрым седоком!

Гульаим, подходит испытанья срок!
Актамкер почуял вражьих коней скок.
Шелковую гриву ветром расчесав,
Точит он копыта о кремни дорог.

Окончив этим свой рассказ,
Умолкла пери² Сарбиназ.
В смущенье девушки стоят,
Рассказу верить не хотят.
И Гульаим стоит бледна.
Взглянула на подруг она
И тихо стала говорить:

— Что суждено, тому и быть.
И нужно стать беды сильней,
Чтоб встретиться достойно с ней.
Спасибо, Сарбиназ, тебе,
Души моей алмаз, тебе!

¹ Чекмень — халат. Покрывают коня черным чекменем в знак траура.

² Пери — фея; здесь — красавица.

Да будет твой орлиный глаз
Моим помощником не раз! —
Она подругу обняла,
Халат парчовый поднесла,
Надела ожерелье ей,
Назвала умницей своей.
В юрте высокой расписной
Устроила богатый той¹.
Зарезав жирных жеребят,
Вскормленных молоком ягнят,
Насыпав сладостей вокруг,
Кормила досыта подруг...
Смеялись девушки в ночи,
А утром лязгали мечи,
Носился дробный звон подков
По склонам желтых берегов.
И грозной гордостью земли
Вставала крепость Мевали.

---

¹ Той — пир, торжество.

Песня вторая

где-то возле дальних рек
Жил одинокий человек.
Баранов пас он круглый год,
Обильно проливая пот,
Был низкоросл и некрасив
И... во всю голову плешив.
Завистлив он и жаден был,
С людьми делиться не любил,

Во всем обманывал людей
И жил на свете без друзей.
Он был хитрец, проныра, враль
И прозывался Джурин-Каль¹.

И вот однажды пред зарей,
Рассветной, серою порой,
Джурин, любовью распален,
Баранов всех собрал в загон,
Халат дырявый залатав,
Какой-то тряпкой подвязав,
Окинул взглядом сонный дол,
Махнул рукой и в путь пошел.
По выжженным холмам крутым
Пошел он в гости к Гульаим.
Дорога по степи длинна,
Нет у Джурина скакуна...
А может, конь-то тут как тут?
Он таловый срывает прут,
И, состругав кору ножом,
На прут садится Каль верхом.
Вот белый конь, прекрасный конь!
Но сокол нужен на ладонь...
А может, сокол тут — смекай!
И он снимает малахай.
Тот малахай на ремешке,
Как серый сокол на руке.

Джурин степенно, не спеша,
Проехал мимо камыша,
И пес его сторожевой,
Качнув косматой головой,
Собакой гончей сразу стал
И за Джурином поскакал.

Проходит день, приходит ночь.
Шарахаются степи прочь
Перед отважным седоком
На палке таловой верхом.

---

¹ К а л ь — распространенный образ в поэзии народов Востока; буквально: плешивый.

Бараны плачут там и тут,
Джурина милого зовут,
Но важно он глядит кругом,
Как будто не был пастухом.
И что с того, что путь далек,
Потрескались подошвы ног,
Что иней голову покрыл,
Что долго чаю он не пил,
Что даже тыквы не найти
Ему, голодному, в пути!..
Бараны пастуха зовут.
Быть может, волки их сожрут —
Убьет его за это бай..
Держись, приятель, не плошай!
Лети на таловом скакупе,
На деревянном скакупе,
Дорогами и без дорог,
Степами вдоль и поперек!
Узнаешь, как сладка вода,
Узнаешь, как ярка звезда,
И встанут башни Мевали
Перед тобой в ночной дали.

* * *

Той летней ночью Гульаим
Велела девушкам своим
На сазах¹ золотых играть
И удалилась отдыхать.
Наполнив медом пять пиал²,
Она на груди одеял,
На шелк узорный прилегла
И золотистый мед пила.
Потом, откинувшись назад,
На месяц обратила взгляд
И задышала на ветру,
Как ветка тала поутру.
И скоро обнял сон ее.
Лим спала. Заснуло все,

¹ Саз — музыкальный инструмент.

² Пиала — чашка без ручки для питья и еды.

Все тихо... Но не спал один
Неугомонный Каль-Джурин.

* * *

Пред ним ограда Мевали.
Ее высоко вознесли,
И па железных воротах
Замок о десяти ключах.
Джурин, прищурясь, вверх глядит
И палке белой говорит:

— Скакун мой верный! Мы вдвоем
Всю степь объехали кругом.
Не заблудились мы в песке,
Не утонули мы в реке.
И, может быть, не так страшна
И эта медная стена?
А ну, скакун мой, не плошай,
А ну-ка, на стену взлетай! —
Они взлетели в высоту,
Перемахнули стену ту.
И в темноту Джурин глядит,
И жалобно он говорит:

— Со степных просторов я собрал цветы,
Чтобы их, играя, рассыпала ты.
Отзовись на голос, пери Гульаим,
Выгляни из белой войлочной юрты!

Извела дорога белого коня,
Извела тревога бедного меня.
Выгляни скорее, пери Гульаим,
Дай погреться возле твоего огня!

Я на белоногом скакуне сажу,
Сокола степного на плече держу.
Я красив, как месяц, крепок, как скала,
Красотой мы схожи — так я нахожу.

Ты на одеяле прилегла заснуть,
Ветерку степному приоткрыла грудь.
Ох, души погибель, ты меня сожгла!
Отверни завесу, выгляни чуть-чуть.

Лежавшая у очага
Тут заворочалась янга¹
И полусонно говорит:
— Откуда взялся ты, джигит?
Зачем слоняешься с конем,
Когда все люди спят кругом?
Сон Гульаим не нарушай,
По делу утром приезжай.

— Нет, янга-хозяйка, так не говори,
Далеко до белой утренней зари.
Принимай с дороги гостя-жениха,
Выйди мне навстречу, двери отвори!

— Обратно, странник, уезжай,
Нас по ночам не поднимай.
Зачем нам дó света вставать,
Гостей незваных принимать?

— О янга, помилуй! Растопи снега,
Стань ко мне добрее, милая янга.
Разбуди скорее пери Гульаим,
Приготовь для свадьбы бусы-жемчуга!

— Однако ты нетерпелив
И что-то очень горделив...
Ответствуй мне: каков твой род
И чем владеет твой народ?

— Наконец ты умный разговор ведешь,
Косы распуская, ароматы льешь...
Все ты разузнаешь про мою родню.
Если сватьей важной к родичам придешь. —

---

¹ Янга — жена брата.

Здесь с одеял янга сошла,
Аим тихонько обняла,
Глядит, любуясь от души,
И молвит про себя в тиши:
«Ах, если бы глазам моим
Увидеть свадьбу Гуляим!»
И шепчет девушке своей,
На ушко розовое ей:

— Ах, звенят подвески в черных волосах!
В этих ты подвесках, словно ночь в огнях...
Гуляим, приехал в крепость богатырь,
У юрты стоит он с пикою в руках.

Конь под ним из света лунного отлит,
Сокол чернобурый на плече сидит.
Уезжать не хочет, требует тебя.
Видно, очень важен он и знаменит.

И потянулась Гуляим,
И улыбнулась Гуляим:
— А знаешь, кто приснился мне,
Кого я видела во сне?
Я видела, в мечтах паря,
Хорезмского богатыря.
Как лев, он мчался среди степей,
На нем был пояс из цепей —
Суровый богатырства знак,
А на холмах цвел красный мак,
По красным конь скакал цветам,
Вздымая шею к небесам.

И молвит Калю Гуляим
Певучим голосом своим:

— Кто ты, обогнавший птиц на скакуне?
Кто ты, проскакавший степи при луне?
Назови мне имя, прозвище твое.
Кто ты, помешавший спать сегодня мне?

Ах, звенят подвески в черных волосах,
Ах, живет прекрасный богатырь в мечтах!..

— Кто ты и откуда? Отвечай скорей,
Богатырь могучий с пикою в руках.

Джурин подслушал в темноте,
Что было сказано в юрте.
Он сразу все сообразил
И гордо так заговорил:

— Я любим тобою и в тебя влюблен,
Я к тебе приехал из чужих сторон!
Выходи навстречу, пери Гульаим,
Выходи — увидишь наяву свой сон!

Приюти скорее, роза, соловья,
Привяжи, о дева, моего коня!
Если ты помедлишь — повернусь спиной
И к другой уеду, золотом звеня!

Зардевшись, словно алый лал¹,
Вскочила пери с одеял.
Густые косы распустив,
На грудь небрежно уронив,
Высоким гребнем золотым
Причесывалась Гульаим;
Раскинув вороха шелков,
Искала лучший из платков.
Надела розовый наряд
И в зеркало метнула взгляд
И, как заря из темноты,
Выходит из своей юрты.

* * *

Вот сорок девушек стоят,
Вот сорок факелов горят.
И, нетерпением полна,
Глядит, глядит кругом она.
Но нет, не богатырь пред ней —
Обветренный в огне степей,

---

¹ Л а л — драгоценный камень, рубин.

Плешивый оборванец Каль,
Спесивый самозванец Каль.

Сидит он с каменным лицом
На палке таловой верхом
И вместо сокола за край
Облезлый держит малахай.
Разгневанная Гуляим
Кричит соратницам своим:
«Немедля человека взять
И руки накрепко связать!
Пусть за обман коварный свой
Расстанется он с головой!»

Окаменев, стоит Джурин
Среди воительниц один.
Они, накинувшись толпой,
Скрутили руки за спиной,
Всего измазали в пыли
И к Гуляим приволокли.
Вот он у ног ее лежит
И снизу на нее глядит
И слышит голос над собой:

— Что делать мне, Джурин, с тобой?
Сам смерть свою ты выбирай
И покороче отвечай!

Каль смотрит: пери хороша,
Но в ужасе его душа...
И хитрый он повел рассказ,
Не поднимая в страхе глаз:

— Я своей не стану смерти выбирать —
Все равно мне, пери, жить иль умирать.
Выслушай страдальца ты в последний раз,
Голову успеешь с плеч Джурина снять.

Там, где степь доходит до самих небес,
Где растет высокий камышовый лес,

Я стада баранов день и ночь пасу
В тугае¹, что носит прозвище Капес.

Я сидел однажды над своим костром,
Слушал, как шакалы плачут за холмом.
Вдруг ко мне подъехал чудо-богатырь
На коне крылатом, в платье золотом.

Я ему айрана² предложил попить,
Машем³ на бараньем сале закусить.
Гордой головою всадник покачал,
О любви он начал так мне говорить:

«Золоченой сабли не снимаю я,
Соловьев из сада не пугаю я.
Из Хорезма еду по тропе степной,
Потому что страстью весь пылаю я.

Проводи скитальца по пескам, пастух,
Проводи страдальца по степям, пастух,
Проводи к селенью пери Гульаим —
Золота тебе я много дам, пастух».

Услышав, что промолвил он,
Баранов я собрал в загон
И, лишних слов не говоря,
Повел к тебе богатыря.

Над степью плыли облака,
Была дорога далека.
Когда я выбился из сил,
Меня в седло он посадил.
Вдвоем летели во весь дух
Хорезмский всадник и пастух.
Купался в белой пене конь
И высекал из гор огонь.
Вздымался к облакам тулпар⁴,
И оседал на землю пар.

---

¹ Тугай — покрытые зарослями луга, обычно у излучины реки.

² Айран — напиток, приготовленный из кислого молока с водой.

³ Маш — растение из семейства бобовых, сорт гороха.

⁴ Тулпар — скакун, в сказках и эпосе — крылатый конь.

И вот ворота Мевали
Пред нами выросли вдали.
Перед стеною крепостной
Кричали долго мы: «Открой!»
Потом взлетели в высоту,
Перемахнули стену ту.
Тебя мы звали у юрты,
Но все не выходила ты...
Тут огорчился богатырь,
Тут оскорбился богатырь,
Тулпара на дыбы поднял,
Меня покинув, ускакал.

И удивилась Гульаим,
И огорчилась Гульаим.
Подруги на нее глядят,
Утешить Гульаим хотят.
Бегут за упряжью скорей,
Седлают удалых коней.
Чтоб обыскать кругом пути,
Назад хорезмца привести.
Но гордо молвит Гульаим
Вослед соратницам своим:

— Богатырь прекрасный снился мне во сне,
А когда проснулась — скрылся в тишине.
Эй, остановите, девушки, коней,
Вам промолвить слово разрешите мне.

Я б его тропинку подмела косой,
Полила своею жаркою слезой,
Но... остановите, девушки, коней:
Богатырь уехал — значит, он не мой.

Как мы жили раньше, так и будем жить,
Гордость и свободу бережно хранить.
Седла вы снимите, девушки, с коней:
Богатырь уехал — что его ловить!

Если есть на свете чудный всадник тот,
Если он в Хорезме дружеском живет,
За своей судьбою сам примчит сюда,
Рано или поздно встанет у ворот.

А теперь ступайте поскорее спать,
Чтобы утром рано скакунов седлать,
Чтобы на свободе средь родных степей
Ветер предрассветный в скачке обогнать.

Подруги, расседлав коней,
Ушли от госпожи своей.
Задумавшись, она стоит.
А Каль на Гульяим глядит:
Сверкает белое лицо,
Блестит алмазное кольцо,
Глаза закрыты, сомкнут рот
И нежен шеи поворот.

Тут, осмелев, подумал Каль:
«Меня ей, может, стало жаль...
Ах, мне б рукой луну достать
И девушку поцеловать!»
Но Гульяим, глаза подняв
И мысли Каля угадав,
Смеясь над ним исподтишка,
В степь отпускает чудака.

Песня третья

между тем в тот час, когда
Взошла вечерняя звезда,
Блеснула золотым лучом
Над степью и над тугаем,
Пришли огромных пять волков
Хозяйничать среди холмов.
Вот зарослями камыша

Они пробрались, не дыша,
Почуяли, что степь тиха,
Что овцы спят без пастуха,
И налетели, как орда,
На беззащитные стада.
Ой, сколько крови пролилось,
Овечьих воплей разнеслось!
Метались овцы у реки,
А волки рвали их в куски.
Пожрут, поспят и жрут опять —
Злодеев кровожадных пять.
Лежат, ворчат и кровь сосут
И кости белые грызут.
Наполнил степи крик и стон,
Долиной смерти стал загон,
Багровой сделалась река,
В крови и в шерсти берега, —
Так, не щадя своих клыков,
Хозяйничали пять волков.

* * *

Джурин в тоске глядит окрест,
Не узнает знакомых мест...
На сердце — смерть, и смерть кругом,
И воют волки за холмом.
Он стал живых овец собирать,
По пальцам громко их считать.
Живых он сотню насчитал
И мертвых сотню подобрал.
К востоку руки поднял он,
Был крик его похож на стон:

— Ой, за что меня ты наказал, алла?
Что ты, слез и горя не видал, алла?
День и ночь я имя божье поминал,
Ты б за это дал хоть шивового козла!

Пред тобой согнули бедняки горбы —
Что ж ты не изменишь нашей злой судьбы?
Ой, алла, на землю обрати свой взор —
Одичали в рабстве мы, твои рабы!

Видишь — я, безумный, пред тобой стою.
Только раз на пери я взглянул свою,
Ты же сто баранов искормил волкам,
Словно шел я сватать гурию¹ твою.

Что ж не отвечаешь? Утопи в крови,
Молнией небесной жизнь мою прерви.
Если ты пощады к нам не знаешь, бог, —
Душу мою, словно мышку, раздави!

Так долго-долго он кричал,
Но бог его не услышал
И не ответил ничего
На эти жалобы его.
К баранам подошел Джурин,
На камень сел среди равнин,
И лились слезы из очей
Озер соленых солоней,
И луч с небесной синевы
Играл на глянце головы.

И вот идет к нему баран,
Взбираясь важно на курган,
Как солнце круглый и большой,
Весь в мелких кольцах, завитой,
Весь белый с головы до ног,
И горделив, и круторог.
Баран к Джурину подошел,
Хвост опустил и речь повел:

— Я кучкар² твой белый, стад твоих вожак.
Я за всех баранов слово молвлю так:
В пасти серогривым отдал ты стада,
Потому в загоне кладбище и мрак.

То халат чинил ты, то ты песни пел,
Плохо ты за нами, бедными, смотрел.
Не напились вволю, не наелись мы,
На зубах бараньих лишь песок скрипел.

---

¹ Гурия — сказочная дева, обитающая в раю.

² Кучкар — баран

А потом напали пять больших волков,
Многие погибли от кривых клыков.
Что же ты наделал, лысый Джурин-Каль!
Сколько ты бараньих погубил голов!..

На песке лежала старая овца,
Тяжко умирала старая овца.
Сморщенные смертью веки приоткрыв,
Вот что мне сказала старая овца:

«О кучкар мой белый! Если будешь жив,
С пастухом беспечным встретишься, счастлив,
Передай Джурину от меня поклон,
От меня, что гибнет, жизни не прожив.

Это преступленье я прощу ему,
Если будет верен делу своему.
Коль его полюбит пери Гульаим,
Это прегрешенье отпущу ему».

Это завещанье ты, пастух, прими,
Согнутые горем плечи распрями.
Расскажи скорее, как твои дела,
А потом травую стадо накорми!

Внимая умной речи той,
Бараны дружною гурьбой
К Джурину-Калю подошли,
В траве у ног его легли
И, круглые глаза раскрыв
И чутко уши наострив,
Ответа терпеливо ждут
И жвачку медленно жуют.
Джурин, скорбя, на них глядит
И так им гордо говорит:

— Про свою дорогу вам я расскажу,
Про свою тревогу вам я расскажу.
Бедные бараны, в утешенье вам
О прекрасной пери сказку расскажу.

С посохом пастушьим шел я в тишине,
Вижу — кто-то в белом виден на стене.

Гуляим, как месяц, предо мной взошла,
Козочкой навстречу спрыгнула ко мне!..

Он долго хвастал, одинок,
И лились слезы на песок.
И овцы слушали его,
Не отвечая ничего.

Потом овец он напоил,
Травую свежей накормил.
Он окровавленной рукой
Сто мертвых туш сложил горой.
Растерян, возле них сидит
И в небо синее глядит.
Не знает он, как дальше быть,
Кого о помощи просить.

* * *

Мигнула в небесах звезда,
И вороненок из гнезда,
Шумя крылами, прилетел.
Он на плечо к Джурину сел,
В глаза участливо глядит
И в ухо самое пищит:

— Джурин, Джурин! Не унывай,
Горячих слез не проливай!
Что суждено, тому и быть,
Зачем же попусту тужить!
Шашлык поджарь ты поскорей
Из всей баранины своей,
Зеленым луком начини
И праздник радости начни.
Всех тварей собери степных
И угости получше их.
Потом, по слову моему,
Надень на голову чалму,
Надень коричневый халат
Из мягкой шерсти верблюжат.
Прикинься старцем ты святым
С дорожным посохом большим
И поспедай, прекрасный мой,
В Саркоп дорогою прямой.

Как Хызр¹, пересеки пути,
Через поток перелети,
Сквозь стены толстые пройди
И к Аллаяру в дом войди.
Прислушайся к моим словам.
Что дальше — угадаешь сам!

Так вороненок пропищал,
И крыльями он замахал
И улетел в гнездо опять
Свой сон вороний досыпать.

— Спасибо! — Каль сказал ему,
Надел на голову чалму,
Надел коричневый халат
Из мягкой шерсти верблюжат,
Прикинулся он старичком
В чалме и с белым посошком,
Степной дорожкой пошел
И к полночи в Саркоп пришел.

* * *

Один в полночной темноте
В широкой войлочной юрте
На груди мягких одеял
Бай Аллаяр спокойно спал.
Довольно улыбался он —
Ему приснился сладкий сон.

Каль оглянулся — ни души.
Прокрался к спящему в тишине,
Подобрался ползком, тихим
И вдруг на бая сел верхом,
Коленями его сдавил,
Руками горло обхватил,
И слабой головой поник
Полузадушенный старик.
Насилу он глаза открыл,
Насилу слюни проглотил,
Глазами дикими глядит
И видит — Хызр¹ на нем сидит.

---

¹ Хызр — легендарный пророк.

Сам Хызр, с чалмой на голове,
Пред ним в полночной синеве.
В смятенье Аллаяр молчит,
А Хызр угрюмо говорит:

— Ах, нечестивый Аллаяр,
Владелец множества отар,
Себе ты весь доход забрал,
Аллаху ничего не дал!
Сейчас я кровь твою пролью
И душу заберу твою.

Заплакал горько Аллаяр:
— О господин! Я глуп и стар.
Виновного простите вы,
И душу не берите вы!
Услышьте жалобы мои
И в тугае у Ак-Дарьи
Возьмите вы для нужд своих
Баранов десять молодых!

Колена вновь Джурин сдавил,
За горло старца вновь схватил:
— Нет, жадный, если хочешь жить,
Нас лучше должен угостить!
Отдай еще нам сотню, сын,
Из тех, что сторожит Джурин!

Пинает он его в живот
И посохом жестоко бьет.
Старик сознание потерял.
Едва очнувшись, прошептал:
— Бесценный мой, не убивай,
Моих баранов забирай.
В Капесе сотню можешь взять
И к ним еще в Саркопе пять.
Пусти меня! Мне ничего
Не жаль для Хызра своего.

Тут, отпустивши старика,
Джурин откинулся слегка,
Лицо от бая отвернул
И к небу руки протянул,

Запел: «Алла, алла акбар! ¹
Живи на свете, Аллаяр!
Живи счастливо, только знай —
Джурина ты не обижай!
Алла, алла! Алла акбар!
Прощай покуда, Аллаяр...»

Пропел он так и вышел вон...
Бай огляделся: явь иль сон?
Растаял призрак в темноте —
И никого в пустой юрте.
Баранов жалко отдавать,
И рук отекавших не поднять,
И грудь его горит огнем.
Он успокоился с трудом
И, обессиленный, упал
На грудь мягких одеял.

Над тихой степью ночь стоит,
Звезда зеленая блеснит.
Джурин, довольный сам собой,
Идет дорогою степной.

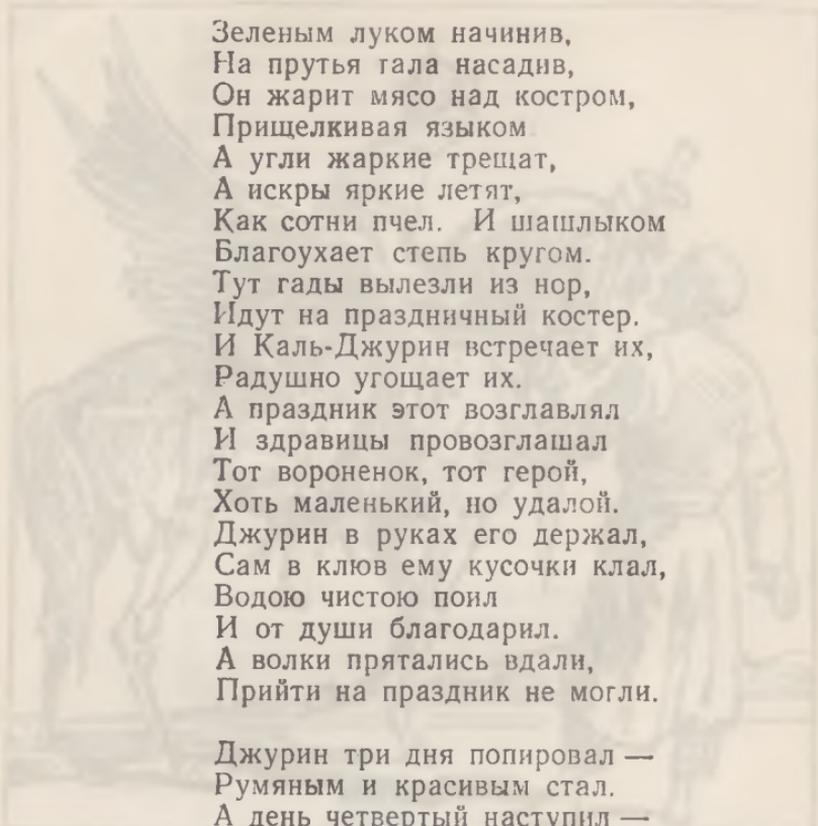
¹ «Алла акбар!» — «Велик бог!»

Песня четвертая

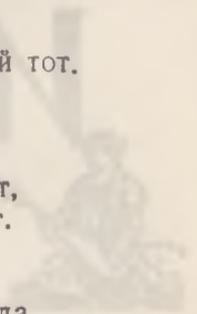
И вот опять пред ним Капес,
Зеленый камышовый лес.
Под ветром камыши шуршат,
Бараны к пастуху спешат.
И горделиво, как герой,
Он их приветствует рукой.
Сбирает туши он овец,
Разделяет их, хитрец.

Зеленым луком начинив,
На прутья гала насадив,
Он жарит мясо над костром,
Прищелкивая языком
А угли жаркие трещат,
А искры яркие летят,
Как сотни пчел. И шашлыком
Благоухает степь кругом.
Тут гады вылезли из нор,
Идут на праздничный костер.
И Каль-Джурин встречает их,
Радушно угощает их.
А праздник этот возглавлял
И здравицы провозглашал
Тот вороненок, тот герой,
Хоть маленький, но удалой.
Джурин в руках его держал,
Сам в клюв ему кусочки клал,
Водю чистою поил
И от души благодарил.
А волки прятались вдали,
Прийти на праздник не могли.

Джурин три дня попировал —
Румяным и красивым стал.
А день четвертый наступил —
Приказ от бая поступил
Джурину в путь стада вести,
У Ак-Булака их пасти.

* * *

Пришел он в край цветущий тот.
Направо — Ак-Булак течет.
Вода прозрачна, как роса,
В лазури ясной небеса,
Налево — древний путь идет,
В страну Хорезмскую ведет.

Приволье, травы и вода!
Джурин пастись пустил стада,
Соорудил себе шатер,

Развел пастушеский костер,
Сидит один среди цветов,
Средь пышных шелковых лугов,
Сидит перед костром своим
И думает про Гульаим.

Но вдруг от топота копыт
Хорезмский древний путь гремит.
И Ак-Булак с пути свернул,
Услышавши подземный гул.
И овцы в страхе со всех ног
Бежать пустились наутек.
Джурин вскочил, и видит он:
Закрыв собою небосклон,
С крутых боков роняя пар,
Летит темногнедой тулпар.
Гремят копыта по кремням
И пламя мечут по степям.
Размахом соколиных крыл
Он небо целое покрыл,
Он, как буря степной, храпит,
Ушами тучи шевелит,
И пынут жарко, как гроза,
Его алмазные глаза.
Скакун тот крылья подобрал,
Как вкопанный на месте стал.
Взглянул Джурин поверх коня
И видит: всадник ярче дня
На бархатном седле сидит,
Небрежно сверху вниз глядит,
И кольца гривы золотой
Перебирает он рукой.
Прекрасен всадник и высок,
Загар его точеных щек
Пшеничным золотом блестит,
Взор, словно молния, горит.
Кулак его, как молот, бьет,
Он в землю недруга вобьет.
Железо он, как глину, мнет,
Литую сталь, как ветку, гнет,
И скалы твердые пред ним
Песком рассыплются сухим.

Вот он каким могучим был,
Тот, что коня остановил!
Не только человек, а лев
Пред ним падет окаменев.
Таким он грозным был, друзья,
Что рассказать не в силах я.
А что Джурин? Он задрожал,
От страха разум потерял,
Стал, как верблюдица, орать
И, где бы спрятаться, искать.
Потом, себя уговорив,
Почтение изобразив,
Непрощенному гостю он
Отвесил до земли поклон:

— Ваши степи ливнем увлажнятся пусть,
Все желанья ваши совершатся пусть...
Вы куда-откуда, богатырь-ага?¹
По какому делу держите вы путь?

Панцырь ваш в застежках блещет золотых,
В сорока колчанах много стрел лихих,
Лук у вас огромен, богатырь-ага, —
Будете стрелять вы в недругов каких?

А богатырь в ответ вздохнул,
Поводья крепче натянул,
Сказал: — Пастух, слова мои
Расскажут только о любви.

Я овсом полгода скакуна кормил,
Саблю я три года на огне калил,
Из хорезмской бронзы выковал свой лук
И копьё арчовой ручкою снабдил.

Пред тобой — хорезмский богатырь Арслан.
А зачем покинул он родимый стан —
Это тайна сердца. Услыхав ее,
Обратятся камни горные в туман.

---

¹ Ага — уважительное обращение к старшему.

Ты, пастух, блуждаешь, и блуждаю я.
Резвого тулпара погоняю я,
Из Хорезма еду по тропе степной,
Потому что страстью весь пылаю я.

Девушку я как-то увидал во сне,
И с тех пор померкло солнце в вышине.
Без нее не в силах я на свете жить,
Без нее нет счастья и покоя мне.

Проводи скитальца по степям, пастух,
Проводи страдальца по пескам, пастух,
Проводи к селенью пери Гульаим —
Золота тебе я много дам, пастух!

И, этот слушая рассказ,
Не сводит Каль с красавца глаз:
Как горделив и статен он,
Какой красою наделен!

Что делать Калю? Деньги взять?
Хорезмцу Гульаим продать?..
Но тут лукавый огонек
Глаза у пастуха зажег.
Каль говорит: — О лев степей!
Я речи не пойму твоей.
Прекрасен ты, как летний день,
С тобою рядом солнце — тень.
Так для чего ж тебе нужна
Моя чумазая жена?

Ты, одурачен сном своим,
По свету ищешь Гульаим.
А что искать, когда она
Сидит перед котлом моим!

В девичестве еще она
Бывала изредка нежна,
Ну, а сейчас, как ведьма, зля
Моя раскосая жена.

Так вот о ком твои мечты,
Вот для кого твои цветы!..
Я без гроша ее отдам —
Владей моей дурнушкой ты!

А чтоб посмешищем не быть,
Себя позором не покрыть,
Не лучше ли тебе, герой,
Назад коня поворотить?

У слушавшего тот рассказ
Погасли звезды ярких глаз.
Сраженный вестью, как стрелой,
Согнулся всадник молодой.
Доверчивый, он задрожал
И не слоном, а мошкой стал.

Арслан от гнева запылал,
Ни слова Калю не сказал
И, опустив брезгливый взгляд,
Поворотил коня назад.
Так обманув богатыря,
Джурин, волнением горя,
Кричит: — Обделал дело я,
Теперь красавица моя!

И день идет, и ночь идет.
Пастух, как раньше жил, живет
И о прекрасной Гульаим
Мечтает над костром своим.

Песня пятая

еперь расскажет мой дутар¹
О том, как старый Аляяр
На бархатном ковре лежал,
От слабости изнемогал:
В него ночной зловецкий «дух»
Вселил мучительный недуг.

¹ Дутар — струнный музыкальный инструмент.

Ни силы, ни покоя нет,
И не глядят глаза на свет.
И вот на весь саркопский край
Кричит раскатисто карнай¹,
Сурнай² заливчато поет,
Табибов³, знахарей зовет.
Табибы отовсюду шли,
Пучки целебных трав несли,
Водили бая вокруг огня.
Зарезав жирного коня,
Кровавой печенью его
Кормили бая своего,
Кормили кислым молоком
И перца красного стручком.
Табибы съели кобылиц,
Наговорили небылиц,
Но все выздоровленья нет,
От хвори исцеленья нет.
Кричит и стонет Аллаяр,
Над ним вздыхает млад и стар,
И связывают шесть сынов
Шерстинок шесть шести цветов,
Чтоб силы все свои собрать,
Отцу выздоровленье дать.
Но все выздоровленья нет,
От хвори исцеленья нет.

Тогда смятенный Аллаяр
Припомнил свой недавний дар:
«Я Хызру отдал сто овец —
Так пусть поможет мне отец.
Поплачу у могилы я,
Прибавлю, может, силы я,
Могилу посетив его,
Отца родного своего».
Тулпару гриву заплели,
Тулпара к баю привели.
Поводья бай тряхнул чуть-чуть

¹ Карнай — духовой инструмент, род гигантской трубы.

² Сурнай — духовой инструмент, род гобоя.

³ Табиб — лекарь.

И тронулся в далекий путь --
Туда, где был отца мазар¹,
Один поехал Аллаяр.

* * *

Джурину близ того пути
Пришлось стада свои пасти.
Увидевши, что пыль летит,
Услышавши, что бай кричит,
Он, догадавшись обо всем,
За баем бросился бегом.
Бежал он день и ночь бежал,
В пыли по горло утопал,
И наконец, набравшись сил,
Он всадника опередил.
В могилу влез, держась за край,
И ждет, когда приедет бай.
И вот почтенный Аллаяр,
Владелец множества отар,
В халате шелковом своем
Склоняется перед холмом,
За стоном испускает стон
И горько жалуется он:

— Дод, ата!² Я черной скорбью поражен!
Вся семья страдает, горем дом сожжен...
За твоей защитой я пришел сюда,
Помоги страдальцу, милый ата-джан!

Пятерня берущего душу тяжела,
А меня она уж за бедро взяла...
Попроси святого отпустить меня,
Помоги исправить мне свои дела.

Я его желанья свято исполнял,
Сто овец просил он — я сто десять дал.
Мне выздоровленье испроси, ата,
Вкруг твоей могилы выстрою дувал³. —

¹ М а з а р — гробница.

² Д о д — крик о помощи; а т а — отец.

³ Д у в а л — глинобитная стена.

Замолк охрипший Аллаяр,
Шуршат пески, молчит мазар.
И вдруг глубоко под землей
Раздался голос гробовой:

— Ну что ты попусту орешь,
Покоя мертвым не даешь?
Ну как же помощи просить,
Не потрудившись ни на грош?

Что значат сто твоих овец,
Когда пришел тебе конец
И тысячи твоих грехов
Не может замолить отец!

Нет, нечестивый Аллаяр,
Оставь мой глиняный мазар.
Не помощи достоин ты,
А новых и жестоких кар.

Руками камень обхватив,
Дрожа от страха, еле жив,
Старик седую головой
Прижался к глине вековой.

— О, сжальтесь надо мной! — кричит. —
Я не пойду домой! — кричит. —
Простите грешного меня!
Поверьте: с этого же дня
Я весь свой лучший скот отдам,
Заступники святые, вам.
Отец, не я ль тебя любил?
Не я ль послушным Хызру был?
Когда он горло мне сдавил,
Меня к постели придавил,
Не рассердился я на то,
Я дал ему баранов сто,
И пять еще, и снова пять...
Да что о том напоминать!..
Оставь, отец, меня в живых,
Подумай про детей моих...
За это снова отслужу,
Худого слова не скажу. —

Тут испугался наш пастух,
Что бай сейчас испустит дух,
Решил беднягу ободрить,
Приветливо поговорить:

— Аллаяр! Ты — глаза моего зрачок,
На кусте гороха золотой стручок.
Запасись терпением. Чтоб тебе помочь,
Быль сейчас одну я расскажу, сынок.

Как-то жил на свете бедный человек,
Пас овец хозяйских у иссохших рек,
Был рабом покорным твоего отца,
В нищете и горе коротая век.

Чуть его погонишь — сразу он уйдет,
Позовешь — и ночью он к тебе придет,
Остановишь — будет, словно столб, стоять...
И гроша не стоил горемыка тот.

И зимой и летом он баранов пас,
Слезы проливая из горячих глаз.
Этого беднягу звал отцом Джурин.
И попался в руки мне он как-то раз.

В гневе я беднягу этого убил,
Саблею изрезал, псами затравил
И, меж трех чинаров тело разорвав,
Воронам голодным труп его скормил.

Но к чинарам ночью ангелы пришли
И отца Джурина в небо вознесли.
Перед ним широко распахнул пророк
Райские ворота в голубой дали.

Тут Кавсар¹ алмазный, синий, золотой,
Перед ним сверкает яркою волной.
Там джида², как будто вся из серебра,
Не плоды — рубины прячет под листвою.

Кавсар — сказочный райский источник.
Джида — дикорастущее фруктовое дерево.

Сам пророк подходит к пастуху тому,
Малахай бобровый подает ему
И халат парчовый и алмазный меч
Дарит дорогому гостю своему.

С ароматным пловом там котлы стоят,
Одеяла грудой шелковой лежат.
Ангелы, козленка в клочья разорвав,
На конях крылатых по саду летят.

Вот какое счастье заслужил бедняк!
Вот каких достоин оказался благ!
Всем богатствам мира стал хозяин тот,
Кто скопить не в силах был один пятак!

Я же, самый знатный бай и богатей,
Я, что был несчастьем для живых людей,
Мертвым не пришелся тоже по душе,
Не увидел райских золотых дверей.

И пока могилу рыли вы среди гор
И свои молитвы пел ишанов¹ хор
И пока вы ели жирных жеребят,
Ангелы вершили неба приговор.

А отец Джурина с облака глядит.
«Как здоровье ваше, бай-ака? — кричит. —
Век свой издевались вы над бедной,
Знаете, как палка душу горячит».

И шайтан² меня тут в горы поволок
И столкнул в пучину, как тряпья мешок.
Сколько я мучений ни терпел в аду,
Все грехи земные искупить не смог.

Слушай мое слово, слушай, Аллаяр!
Чтоб отца избавить от загробных кар,
Чтоб на свете долго и счастливо жить,
Принести ты должен самый ценный дар.

---

¹ Ишан — духовное лицо, глава религиозной общины.

² Шайтан — чорт, бес.

Лебедь молодая на Джаны-реке,
Рыбка золотая на морском песке,
Алый цвет граната в вешнем цветнике,
Кушанья отрада — соль на языке,
Девушка, что носит имя Гульаим, —
Вот что будет даром этим дорогим!

Пастуху Джурину дочь свою отдай,
Лучшие отары Калю передай.
Жемчугом бесценным из аральских вод
Молодых на пышной свадьбе осыпай.

И голос гробовой замолк...
Трясется Аллаяр, как волк,
Затравленный ватагой псов,
Не сыщет для ответа слов,
Стучит зубами Аллаяр,
Шуршат пески, молчит мазар.
И наконец, как бы прозрев
И руки к небесам воздев,
— Что ж, ладно, — молвил Аллаяр, —
Отдам тебе я этот дар,
Отдам я пери Гульаим,
Аллах заплатит мне калым¹. —
Сел на коня он под джидой
И тихо тронулся домой.
Тут вылезает из земли,
Весь в черном прахе и в пыли,
Восставший из земли мертвец —
Наш хитроумный удалец.
Стирает грязь с лица рукой,
Сзывает стадо: «Хой-хой-хой!»,
Готов от радости плясать,
Готов баранов целовать.
Выпчивая гордо грудь,
Он к Ак-Булаку держит путь.
Он по траве степной идет
И песню радости поет:

---

¹ Калым — выкуп за невесту.

«Со степных просторов я собрал цветы,
Чтобы их, играя, рассыпала ты!
Эй, моя невеста, пери Гульаим,
Выгляни из белой войлочной юрты!

Эге-гей! Как солнце пышет в синеве,
Солнечные зайцы скачут по траве.
Облако! Ты с неба синего спустишь,
Белою чалмою стань на голове.

Чем я не красавец, чем я не пророк,
Коль такого бая одурачить смог,
Коль такую пери в жены приобрел!
Мчись скорее, время, приближайся, срок!

Извела дорога белого коня,
Извела тревога бедного меня.
Завтра я отраду сердца — Гульаим
Голыми руками выну из огня.

Эге-гей! Дороги доброй, Аллаяр!
Вспоминай почаще глиняный мазар,
Чтоб завидной стала доля пастуха,
Чтобы всем об этом рассказал дутар.

Песня шестая

Теперь послушайте о том,
Как на коне своем гнедом
Домой вернулся Алляяр
Под ветви дедовских чинар.
Его ссадили сыновья
С разгоряченного коня,
Приветствия произнесли,
К юрте высокой повели...

И, выпавшись в юрте своей,
Бай Аллаяр созвал людей,
Старейшин он к себе созвал,
О происшедшем рассказал.
Поведав о событиях им,
Он призывает Гульаим.
Вот все ушли. И в тишине
Он молвит ей наедине:

— Дочка моя, лебедь на речной волне,
Дочка моя, рыбка на аральском дне,
Лишь в тебе спасенье старого отца!
Будь же милосердна, ласкова ко мне.

Смерть моя лихая встала предо мной,
Душу, словно мошку, стиснула рукой.
О, как не хотелось землю покидать,
Оставляя родную дочку сиротой!

Я седлом узорным скакуна седлал,
По пути к мазару на копе скакал.
Но святой услышал жалобы мои
И тебя мне выдать замуж приказал.

Приготовься к свадьбе, пери Гульаим,
Не считай Джурина женихом плохим.
Чтоб спасти от смерти старого отца,
Выйди за Джурина, будь довольна им.

Тут за руки сн дочку взял,
Рыдая, перед ней упал,
И головой об землю бьет,
И волосы седые рвет.
Услышанным потрясена,
Испуганно молчит она,
Горит, как веточка в огне,
Дрожит, как струйка на волне,
И слезы катятся из глаз,
Как за алмазом вслед алмаз.
И, наклонившись над отцом,
Прильнув к плечу его лицом,

Скорбь разделив с отцом своим,
Чуть слышно молвит Гуляим:
— Отец мой! Ты на склоне дней
Дождался дочери своей.
Она была тебе милей
Шести любимых сыновей,
Она росла луны белей
Под небом доброты твоей, —
Скажи, бесценный мой, на что
Пожаловаться было ей?

Ты золотой бешик¹ ей дал,
Шелк для пеленок покупал,
Быстрей, чем мать, к ней подбегал,
Ребенку слезы осушал,
Ночами колыбель качал
И песни дочке напевал, —
Отец, бесценный мой, на что
Пожаловаться было ей?

Когда исполнился ей год,
За ручку взявши, взад-вперед
Ты сам ходить ее учил;
В юрте овечий пух стелил,
Чтоб вдруг не ушибиться ей,
Веселой девочке твоей...
Отец, бесценный мой, на что
Пожаловаться было ей?

И умывал ее ты сам
Водой целебной, как бальзам,
И полумесяц золотой
Подвесил к черным волосам.
Как в небе звезд не сосчитать,
Так счета нет твоим дарам, —
Балованной отцом, на что
Пожаловаться было ей?

Когда ей девять лет прошло,
Ты дочку посадил в седло,

---

¹ Б е ш и к — люлька.

Открыл пред ней степную ширь,
Сказав: «Расти, как богатырь».
Она скакала средь степей,
И мчался ветер вслед за ней, —
Пожаловаться ей на что,
Счастливой дочери твоей?

А как пятнадцать лет прошли,
Воздвиг ты крепость Мевали,
В ней дочери позволил жить
И сорок девушек учить.
Отказывать всем женихам
Ты разрешал ей, гордой, сам, —
На что ж пожаловаться ей,
Свободной дочери твоей?

Ты знал ли, мой отец, тогда,
Что к дочери придет беда,
Что ей назначено судьбой
Стать Каля лысого женой?
Ты крылья девушке растил —
Своей рукою обломил,
Ты розы для нее сорвал —
Своей ногою растоптал...

Но я любой беды сильней
И, если надо, встречусь с ней.
Не думай, что мне не подстать
Между тобой и смертью встать.
По капле кровь свою пролью,
Отец, за доброту твою!

* * *

Наутро степь из края в край
Потряс торжественный карнай.
Джигиты в барабаны бьют,
Джигиты по степи идут.
Поспешно ускоряя шаг,
Идут они на Ак-Булак.
В тюльпанах красных степь цветет.
Джурин, услышав шум, встает,

И всходит, словно важный хан,
Он на тюльпановый курган.
К нему пришельцы подошли,
Приветствия произнесли
И предложили сесть ему
На белоснежную кошму.
Джигиты по степи идут,
Джурина на кошме несут.
Блестит он лысой головой
Над белой свадебной кошмой,
Надменно смотрит он кругом,
Как будто не был пастухом.
А для него уж поднята
Из белых войлоков юрта,
Покрыт ее порог ковром...
Каль оказался женихом!
Халат парчовый Каль надел,
Бобровый малахай надел
И, словно утомясь от дел,
На мягкую подушку сел.

Шумит трава степных равнин,
В юрте богатой спит Джурин.

* * *

Пять дней прошло. А на шестой
Чуть небо вспыхнуло зарей —
От четырех больших костров,
От закипающих котлов
Веселый заструился дым,
Вещая свадьбу Гуляим.
Шумит долина, как базар.
Забывший горе Аллаяр
Доволен множеством гостей
На свадьбе дочери своей.
И сазы звучные кругом
Звонят певучим серебром.

Когда настал вечерний час,
Когда последний луч погас,
На праздник Гуляим пришла,
Блистающая, как алмаз.

Как в полнолуние луна
Толпою звезд окружена,
Великолепная, пришла
Со свитой девушек она.

Из глубины своих очей
Свет рассыпая на людей,
Спокойная, она пришла,
Всех бед и горестей сильней.

И женщины теснятся к ней,
Хваля одежд ее атлас,
И юноши стремятся к ней,
С лица ее не сводят глаз, —
На праздник Гульяим пришла,
Блестящая, как алмаз!

* * *

Гремят карнаи, поднят флаг —
Так начинается илак¹.
Толпа джигитов молодых
Летит на скакунах лихих.
Всех каждый хочет обскакать,
Козленка на скаку отнять.
Прищурившись, вдогонку им
Взглянула пери Гульяим
И девушек подозвала:
— Ну, девушки, пора пришла!
Скорей седлайте скакунов
И победите молодцов! —
И девушки, потупив взор,
Украдкой покидают двор.

Узлами косы завязав,
Коней горячих оседлав,
Все в снаряженье золотом
И в одеянии мужском,

---

¹ Илак — скачки с козлодранцем.

Они, отвагою полны,
Внезапно с левой стороны
Наперерез толпе летят,
Глаза, как молнии, горят!
Пыль, топот, за козла борьба...
Народ кричит: — Товба, товба! ¹ —
Вот кони понеслись гурьбой,
Все громче крик, все жарче бой.
И вот наездник, изловчась,
С коня на всем скаку склоняясь,
Хватает вдруг козла с земли
И исчезает с ним вдали.
То — девушка! Товба, товба!..
Но продолжается борьба,
Несутся сорок всадниц вскачь.
Косматого козла, как мяч,
Кидают ловкою рукой
Наездницы одна другой.
Никто из славных храбрецов,
Наездников и удальцов,
Из тех, что, словно львы, грозны,
Как тигры, ярости полны,
Не мог наездниц обогнать,
Козленка на скаку отнять.
Не верят все глазам своим,
Глядят на пери Гульаим
И восклицают: — О товба!
Вот небывалая борьба! —
И в удивлении сказал
Один столетний аксакал ²:

— О доченьки! Отчизны цвет,
Живите много-много лет!
Все сорок вы одна к одной,
Как стрелы, что готовы в бой.
Пусть ваше счастье расцветет,
Пусть ваша сила возрастет!
Живите вы на счастье нам,
На горе и позор врагам! —

¹ Товба — восклицание, выражающее удивление и восторг.

² Аксакал — старейшина

И повторил за ним народ:
— Пусть ваше счастье расцветет!
О доченьки, вам равных нет!
Живите много-много лет!

Все радовались. Лишь Джурин
Тихонько злобствовал один:
Наездниц смелых торжество
Терзало завистью его.
Сев на чубарого конька,
Он пояс подтянул слегка,
Покрякал, плюнул на песок,
Взглянул лениво на восток
И величаво, словно хан,
На круглый выехал майдан.
Опять погоня и борьба,
Опять народ кричит: — Товба!
Нашелся среди мужчин герой,
Хотя и с лысой головой! —
Но как чубарый ни скакал,
Ни девушек он не догнал,
Ни пыли, что от них летит,
Ни даже топота копыт!
Наездниц строй назад спешит,
А им навстречу пыль пылит, —
Летит на взмыленном коньке
Джурин с нагайкою в руке,
Нагайкой девушкам грозит
И так и сяк он их честит.
Схватили девушки его,
Лихого всадника того,
И положили, как козла,
Джурина поперек седла.
Коленями его прижав
И на дыбы коней подняв,
По кругу мчатся всей гурьбой,
Увлечены своей игрой.

Над странным зрелищем таким
Смеется пери Гульаим,
И, оглушая небосвод,
Хохочет весело народ.

Когда окончился илак,
 То байрака¹ поднялся флаг.
 Богато убранных коней
 Ведут сюда с округи всей
 И ставят тех коней подряд,
 А возле флага ставят в ряд
 Кобыл, верблюдов, жеребят,
 Курчавых золотых ягнят.
 Весь этот скот получит тот,
 Чей конь коней всех обойдет.
 На свадьбах же байрак такой —
 Проверка доблести мужской:
 Коль хочешь ты жену добыть,
 Ты должен в скачке победить.
 Да, коль на свадьбе начата
 Игра, хозяином скота
 И победителем других
 Всегда бывает сам жених.

Горят под солнцем, как огонь,
 И золотой и красный конь,
 Гнедой скакун призывно ржет,
 А белый удила грызет.
 Один, как цапля, тонконог,
 Другой, как слон, в груди широк.
 Они копытами стучат
 И настороженно храпят.
 А между ними, горделив,
 Хоть не особенно красив,
 Чубарый конь с пятном на лбу,
 Несущий жениха судьбу.

И Актамкера Гульаим
 Ведет, гордясь конем своим,
 И светлосерый Актамкер
 Прекрасен свыше всяких мер.
 Сверкает сбруей он цветной
 И гривой, в кольца завитой.

¹ Байрак — скачки.

Аим ту гриву завила,
Коню водицы поднесла
И горбу с жареным пшеном,
Разбухшим в масле золотом
Конь шерстью глянцевою блистал,
Он глаз с хозяйки не спускал.

И Гуляим, лицо склонив,
Коня за шею обхватив,
О затруднении своем
Тихонько говорит с конем:

— Ты был мне спутником всегда,
Не догоняла нас беда.
О, помоги мне, Актамкер,
Не бойся этого труда!

Кудрявой гривую тряхни,
Подковой по степи блесни,
Коней всех и того коня,
Чубарого, ты обгони!

А не обгонишь в этот раз —
Несчастье постигнет нас...
Ах, если можно, Актамкер,
Коней сегодня обгони!

Ведь с малолетства за тобой
Сама ухаживала я,
Кормила сочною травой,
Поила свежеею водой,
Тебя выхаживала я.
Стальной подковою тебя
Сама подковывала я,
Из шелка алого, любя,
Попону шила и тебя
Сама оседывала я.

Прислушайся к моим словам,
А как исполнить — знаешь сам.

Прискачешь первым, Актамкер, —
Вернется свет к моим глазам.

Кудрявой гривой тряхни,
Всех скакунов перегони,
И главное — того коня,
Коня Джурина, обгони.

А не обгонишь в этот раз —
Получит Каль с тобою нас.
Ах, если можно, Актамкер,
Свободу мне и честь верни!

Все понял конь, и тронул конь
Губами Гуляим ладонь.
Он встrepенулcя под седлом,
Поставил уши он стойком,
Взглянул на скакунов других,
Как бы измерив силу их,
Копытами переступил,
Крутую шею наклонил
И одобрительно заржал
И в путь-дорогу ускакал.
Умчались кони в даль степей.
И через десять только дней
Они назад к черте придут,
Позор иль славу принесут.

* * *

И срок истек. С той стороны,
Как бы прилив большой волны,
Послышался далекий гул.
К земле пригнулся саксаул,
И пыль, взметенная столбом,
Закрыла небеса кругом...
Сбежался на майдан народ,
Коней своих с дороги ждет.

Вот мчит, как молнии удар,
Тот серый, в яблоках тулпар,
Как бы покрытый сотней лун,
Приметный издали скакун,

Бежит красавец Актамкер,
Подавший доблести пример!

К черте он первым подбежал,
Как вкопанный на месте стал.
Аим к тулпару подошла,
Его колени обняла —
И чуть качнул он головой:
Что вот, мол, долг исполнил свой!
И много времени спустя,
Насилу двигаясь, кряхтя,
Весь жир, все мясо потеряв,
Бока поджарые поджав,
Пришли за скакуном лихим
Те кони, что скакали с ним.
Хоть конь Джурина был пригож,
С хозяином был нравом схож:
Его несчастье было в том,
Что думал о себе одном.
Он на пути в дорожном рву
Нашел медвяную траву.
Травы поел, попил воды
И... потерял коней следы...
Джурин байрак тот проиграл —
Так он невесту потерял.

Промолвил дочке Аллаяр:
— Спасибо, дочь, за сердца дар!
Отвагой славною своей
Ты удивила всех людей,
И, мужество твое любя,
Сама судьба спасла тебя.
Цвети свободно, как цвела,
Живи на свете, как жила!

И, у народа на виду
Доставши байрака звезду,
Стоит аим среди людей,
Гордясь победою своей.
Забрать приказ она дает
Скопившийся у флага скот

И всех, что на байрак пришли,
Зовет на праздник в Мевали.
А в Мевали на трех холмах,
На трех кострах в больших котлах
Дымится мясо для гостей,
Собравшихся с округи всей.
Как пили там, как ели там!
Плясали как и пели там!
Туда пришла со всех концов
Толпа танцоров и певцов,
И бронзою гремел карнай,
И золотом звенел сурнай.
И над просторами земли
Звучали песни Мевали.

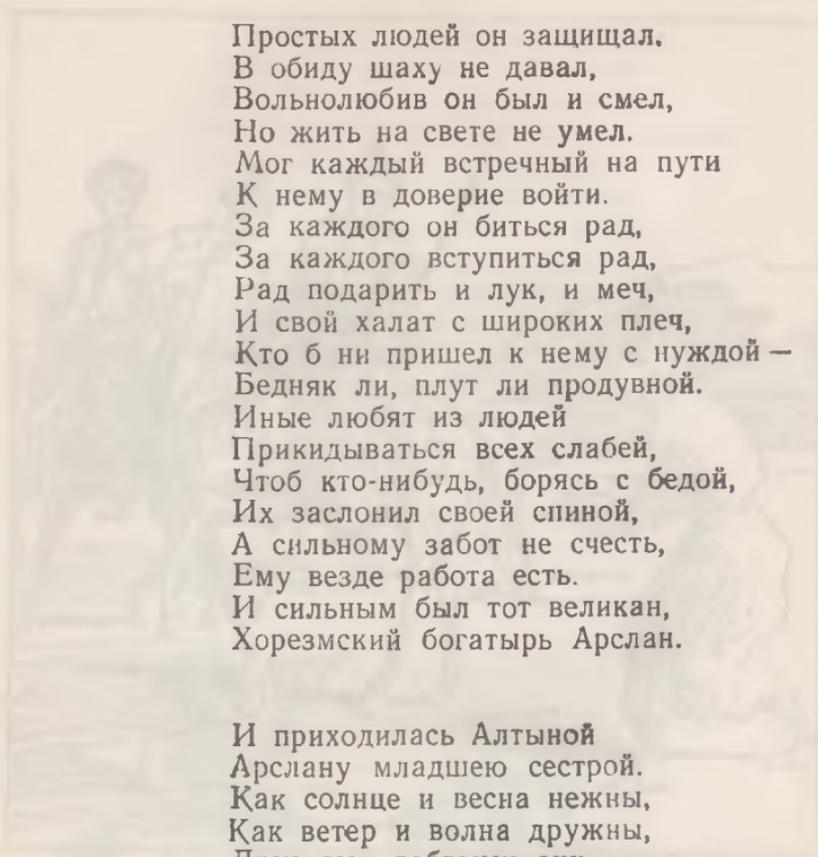

Песня седьмая

еперь дутар расскажет мой
О том, как над большой рекой
Жил простодушный великан,
Хорезмский богатырь Арслан.
Ему бы жить да поживать
Да к силе силу прибавлять,
А он для богатырских дел
Большого сердца не жалел,

Простых людей он защищал,
В обиду шаху не давал,
Вольнолюбив он был и смел,
Но жить на свете не умел.
Мог каждый встречный на пути
К нему в доверие войти.
За каждого он биться рад,
За каждого вступиться рад,
Рад подарить и лук, и меч,
И свой халат с широких плеч,
Кто б ни пришел к нему с нуждой —
Бедняк ли, плут ли продувной.
Иные любят из людей
Прикидываться всех слабей,
Чтоб кто-нибудь, борясь с бедой,
Их заслонил своей спиной,
А сильному забот не счесть,
Ему везде работа есть.
И сильным был тот великан,
Хорезмский богатырь Арслан.

И приходилась Алтыной
Арслану младшею сестрой.
Как солнце и весна нежны,
Как ветер и волна дружны,
Друзьями добрыми они
В согласье коротали дни.
Во чреве матери родной
Начало было дружбы той.
И вырастали близнецы,
Красавцы стали, удалцы.
И как сосали грудь рядком,
Так рядом на конях верхом:
К реке, где белая гора, —
Куда Арслан, туда сестра;
В поля, где иволги звенят, —
Куда сестра, туда и брат.
Так средь ребяческих забав
Товарищем Арслану став,
В охоте, в скачке, а потом
И в состязанье боевом, —

Известна стала Алтыной
И силою и красотой...

Немало уж богатырей
Сгорало от тоски по ней.
И к девушке дары везли
Они со всех краев земли.
Но горделиво Алтыной,
Блеснув подковой золотой,
Скакала мимо на коне,
Подобна золотой луне,
Скакала мимо женихов,
Не замечая их даров.

И был в хорезмских тех краях
Правитель некий Надир-шах.
Душой — шайтан, собой — урод,
Нешадно мучил он народ.
Он пил живую кровь людей,
Терзал он женщин и детей,
И злое имя «Надир-шах»
Вселяло ужас в кишлаках.
Тот ненасытный людоед —
Исчадье зла, причина бед! —
С широкой круглой бородой,
Раскрашенной рыжей хной,
Был весь щетиною покрыт
И черной оспою изрыт.
Был взгляд его блудлив и кос,
Торчал его огромный нос,
Как согнутая кочерга
У брошенного очага.
И этот старый изверг злой
Влюбился в пери Алтыной.

И вот однажды Надир-шах
Разлегся на своих коврах
И в бархатный зовет покой
Слугу по кличке Кулымсой.
Он говорит: — Друг верный мой!
Я жажду пери Алтыной,

И утолить не могут страсть
Ни золото мое, ни власть.
Украсть бы эту Алтыной,
Похитить бы во тьме ночной,
Но брат ее, ты знаешь сам,
Известен силой и упрям.
Арслана не осилить мне
Ни пешему, ни на коне.

Эй, раб! Приказ исполни мой,
К Арслану подползи змеей.
К нему в доверие войдешь
И хитрость ты изобретешь,
Чтоб брат поспорился с сестрой,
Чтоб стала та моей женой.

* * *

Вот подъезжает Кулымсой
К высокой крепости степной,
И видит он: на скакунах
И с соколами на руках,
В бобровых шапках набекрень,
Прекрасные, как летний день,
Два бека едут не спеша
Среди степного камыша.
Один — Арслан, а бек другой
Похож на пери Алтыной.
Кулым навстречу им спешит,
Перед Арсланом он юлит,
Не отставая ни на шаг,
И этак льстит ему и так,
Он просит гостя приютить,
О деле с ним поговорить.

Вот всадники с коней сошли,
В ворота крепости вошли.
Уходит в свой покой Алтын.
Вот с хитрецом Арслан один,
И, изловчившись, наконец
Таковую речь повел хитрец:

— О богатырь! Тебя сильней
Нет на земле богатырей.

Ты — камень тверже всех камней,
Ты — меч, крепчайший из мечей,
А люди зависти полны,
Их мысли и сердца черны...
Я плачу... Как мне не рыдать!
Как дальше речь мне продолжать?
Ах, мой Арслан, будь вечно жив,
Будь ты и знатен и счастлив!
Мой жеребеночек Арслан,
Подул в глаза твои буран,
Средь лета выпали снега,
По льду скользит твоя нога.
Верблюду по льду идти устал,
И на колени он упал!
Ах, слезы горькие текут,
Рассказывать мне не дают...

Арслан глядит в лицо ему:
— Да в чем же дело? Не пойму. —
А тот «ах», «ох» скулит опять:
— В чем дело, трудно рассказать!
— Коль трудно, так молчи! — Но вмиг
Гадюкой зашипел старик:
— Так слушай: люди говорят,
Что ты сестре своей не брат,
Что Алтыной тебе жена
И что поэтому она
Другим согласия не дает
И замуж до сих пор нейдет.
— Что? Что за глупость! — Нет, Арслан,
Не глупость это, а буран
Бесстыдной самой клеветы.
Ее терпеть не должен ты.
Чем опозоренному жить,
Не лучше ль на коня вскочить
И прочь уехать? Алтыной
Что за беда пожить одной!
О мой родник, текущий с гор,
Сними с души своей позор!
Дорог немало на земле,
Мягка подушка на седле...

Я все сказал. Тебе решить,
Что дальше делать, как тут быть.

Так молвит, брызгая слюной,
Старик зловредный Кулымсой;
Зубами выбивая дрожь,
На ложь нанизывает ложь.
И уползает он змеей
Из мирной крепости степной.

А простодушный наш Арслан
Стал желт от горя, как шафран.
Поверив шахскому рабу,
Клянёт он горькую судьбу,
Решить не может он, как быть:
Иль грудь свою копьем пронзить,
Иль выбрать стрелы поострей
И истребить всех злых людей,
Иль из Хорезма ускакать,
Другую родину искать...

А в этот час, взяв в руки лук,
Сбираясь на прибрежный луг,
Чтобы фазанов настрелять
Иль за косулей поскакать,
И светлолика и быстра,
К Арслану подошла сестра.
На брата Алтыной глядит
И удивленно говорит:

— Брат мой драгоценный, свет моих очей,
Что с тобой случилось, что в душе твоей?
Кушанья не тронул, чаю не попил,
Отвернулся хмуро от сестры своей.

Или умер кто-то из твоих друзей,
Или враг нагрянул из чужих степей,
Или кто на скачках обогнал тебя?
Что с тобой случилось? Расскажи скорей!

Тайну мне поведай. В жизни в первый раз
Ты не поднимаешь предо мною глаз.

Мы всегда делили радость и беду,
Почему же друга ты отверг сейчас?

Арслан, задумавшись, молчит
И наконец так говорит:

— Моя отрада, Алтыной,
Испытанный товарищ мой!
Меня в пути настигла ночь,
И ты не можешь мне помочь.
Обида в чем и скорьбь моя,
Тебе сказать не в силах я.
В лицо мне не гляди — оно
От сажки клеветы черно.
Глаза мои рукой не тронь —
Враги метнули в них огонь!
Терпеть нет силы у меня,
Решил я оседлать коня
И прочь уехать из страны,
Где люди злобою полны.

Прощай, Хорезм! Сестра, прощай!
Меня в дорогу провожай!
Отважна ты, сильна, умна,
Не пропадешь ты и одна!

— Постой, — сказала Алтыной —
Не этот ли старик кривой
Злых слов тебе наговорил
И так искусно с толку сбил?
А ты уже на все готов,
Готов оставить отчий кров.
И что сестру — отчизну ты
Бросаешь из-за клеветы!
А если враг сюда придет
И кровью нашу степь зальет,
Ты будешь из страны чужой
Смотреть, как встали мы на бой?
Ты будешь слушать лязг мечей
Вдали от родины своей?..
О нет, — сказала Алтыной, —
Не поступает так герой!

В тебе не разум говорит,
А кровь горячая кипит.
Во всяком деле сгоряча
Не надо вынимать меча.
Остынь, подумай, посиди,
Спокойно дело рассуди.

Давно стремится Надир-шах
Хозяйничать в степных краях.
Уйдешь ты — он сюда придет,
Народ наш в рабство уведет,
И, дом наш обратив в золу,
Меня привяжет он к седлу.
О нет, Арслан! Родимый край
Грабителю не отдавай.
Ты сын народа своего,
И щит его, и меч его!

Арслан глядит на Алтыной,
Ей руку жмет своей рукой.
Как благородна и мудра
И как права его сестра!
Он не уедет никуда.
А вражья злоба — не беда.
Коль добр к тебе подлец иль вор,
Тебе любовь его — позор,
А если ненавидит он —
То значит прав ты и силен!

Опять Арслан с сестрой своей
Седлают вороных коней.
С тугими луками в руках
И с соколами на плечах
Они гарцуют по степям,
Карабкаются по горам.
Все огорчения забыв,
Средь диких гор шатры разбив,
Бодры и счастливы, они
В охоте коротают дни.

* * *

Меж тем зловредный Надир-шах
От нетерпения зачах,

Не может спать, не ест, не пьет.
Вновь Кулымсой он зовет
И говорит: — Презренный раб,
Умом ты оказался слаб,
Ты — с жалом вырванным змея,
И хитрость ни к чему твоя.
Нет, нужен способ нам другой
Арслана разлучить с сестрой.
Скачи, лети, копьем звеня,
Три ночи и четыре дня.
Как тень, скрывайся за скалой
И в тихой темноте ночной
К шатру Арслана подползи,
Арслану в грудь копьё вонзи.
Я за услугу отплачу —
Тебя, мой раб, озолочу!

Вот меч блестит, вот конь храпит,
А Кулымсой так говорит:
— О милосердный Надир-шах!
Там звери дикие в горах,
В низинах — змеи и туман,
И очень страшен мне Арслан.
Чтоб дело выполнить твое,
Мне нужно не одно копьё —
Взывает раб смиренный твой
К тебе о помощи другой.

В становище у черных вод
Колдунья старая живет.
При помощи волшебных трав
Все тайны естества узнав,
Она поможет нам с тобой
Добиться пери Алтыной.
Она летает над землей,
Гадюку обратив камчой,
Дракона обратив конем
И ослепляя мир огнем.
На лед подует — тает лед,
Мигнет горё — гора уйдет,
Ей ничего не стоит — взять
И обратить потоки вспять.

О мудрый шах! Старухе той
Вели отправиться со мной.
И я клянусь, что мы вдвоем
Расправимся с богатырем,
Что Алтыной мы с ней вдвоем
К тебе, великий, привезем!

И вот летят средь темных гор
Два седока во весь опор.
К седлу пригнулся Кулымсой,
Прям, как скелет, седок другой.
Клубами дыма — волоса,
Кошачьи желтые глаза,
Изогнут клювом хищный нос,
А рот — не рот, а кровосос.
Старуха над седлом торчит,
Костями на скаку стучит,
И паутиною она
Зловонною оплетена.
Спешат колдунья и злодей,
Торопят загнанных коней
Лихие шахские гонцы,
Наемники и хитрецы;
Спешат туда, где за горой
Живут Арслан и Алтыной.

* * *

Цветет среди скалистых гор
Лугов тюльпановый простор,
И водопад над крутизной
Блестит жемчужною волной.
Тропинки козы вверх бегут,
Сверкают камни там и тут,
Порос предгорья склон крутой
Зеленобархатной травой.
Прохладен воздух и душист,
Роняет мальва алый лист
В теснины синих родников,
И сторожит алмаз снегов
Арча, узорна и стройна, —
Прекрасна горная страна!

Вот узкой горною тропой
Спускаются Арслан с сестрой,
И быстрый киик¹ вдалеке
Мелкает тенью на песке.
Привстав на крепких стременах,
С огнем в прищуренных очах,
Лук натянула Алтыной —
Стрела поет над тетивой!
А конь послушный захрапел,
На ноги задние присел,
И меткая Алтын стрела
В лодыжку киику вошла.
И тот лежит на берегу,
Стрелой пронзенный на бегу.

И мужественный наш Арслан
Перед сестрой склоняет стан,
Он поздравляет Алтыной
С удачной этою стрелой,
И говорит он ей, смеясь,
С седла узорного склонясь:

— Мой светильник яркий, что во тьме горит,
Мой родник, разбивший надвое гранит,
Да благословенно мужество твое!
Быстроногий киик вмиг тобой убит!

И лицом красива ты, моя луна,
И всегда со мною храбростью равна.
Киика, прошу я, подари ты мне,
Зависти досадной грудь моя полна.

Раньше меня лук свой ты приподняла,
Ты опередила — вот твоя стрела!
Киика, прошу я, ты мне подари
Киика, чью тень ты на прицел взяла!

Если птицей стану — ты мои крыла,
Если меч достану — ты, как меч, светла!
Киика в подарок этого прошу,
Привяжи его мне к торокам седла!

---

¹ Киик — горный козел.

И, раскрасневшись, как заря,
Алтын, смущением горя,
За рожки киика берет,
В подарок брату отдает.
По тропке меж седых стремнин
Летит охотница Алтын,
В седле качается Арслан,
Полдненным солнцем осиян.
И эхо гулкое гремит
В горах от цокота копыт.

Когда косые тени гор
Закрыли солнечный простор
И звезды крупные взошли
В темнолазоревой дали,
Тогда Арслан с сестрой своей,
Усталые, сошли с коней.
Тулпаров потных расседлав,
Неподалеку привязав,
На двух холмах седой горы
Они поставили шатры.
Звенит огниво о кремень,
Огонь отталкивает тень,
И хворост весело трещит,
И золотой костер горит,
И в красных отблесках костра
Разделявает дичь сестра,
А брат поджаривает вмиг
Из мяса киика шашлык.
Потом, чтоб от своих шатров
Прогнать невидимых врагов,
Из медных луков наугад
Стреляют в темь сестра и брат.
И вот в шатер высокий свой
Уходит каждый на покой.
На мир нисходит тишина,
Ночь предосенняя темна.
Она неслышную стопой
Скользит над горной крутизной
И звезды прячет в синей мгле,
Чтоб не мешали спать земле.

И полночью предгрозовой
Сон страшный снится Алтыной;
Как ядовитый скорпион,
Ее пронзает болью он.
В испуге сон стряхнувши тот,
Она стремительно встает,
Глядит вокруг — в горах рассвет,
И никого с ней рядом нет.
Тогда, тревогою полна,
В шатер другой спешит она —
Спокойно спит ее Арслан,
Спокойно дышит великан,
Он лег на камень головой,
Что с жернов был величиной,
И улыбается во сне
В рассветной свежей тишине.

Выходит на гору Алтын.
На гребнях снеговых вершин,
Желтея, рассыпая свет,
Встает шафрановый рассвет.
Спокойно все. Ручьи шумят.
Лихие кони стоя спят,
Крутые шеи опустив
И веки чуткие прикрыв.

Подавлена недобрым сном,
Алтын перед своим конем
Простоволосая стоит,
На спящего коня глядит
Проснувшийся скакун всхрапнул
И голову к ней повернул,
И гриву черную рукой
Перебирает Алтыной.
В тревоге, стоя на горе,
Алтын рыдает на заре:

— Ах, мой тулпар, товарищ мой!
Мне сон привиделся плохой.
Тревога мне сдавила грудь,
Она мешает мне вздохнуть.

Я чувствую — сюда, сюда
Неслышно крадется беда,
Она над головой кружит,
Арслану милому грозит...
Ах, туча бродит в вышине
И предвещает горе мне! —
Так, стоя на крутой горе,
Алтын рыдает на заре.

Арслан, услышав этот крик,
С постели вскакивает вмиг
И подбегает к Алтыной:
— Ну что ты, что ты! Что с тобой?
Зачем встревожилась с утра
И плачешь почему, сестра?
Коня за шею обхватив,
На землю косы уронив,
Одна стоишь ты на горе,
Рыдаешь горько на заре.

Ой, что случилось? Что с тобой?
Ответь скорее, Алтыной!
Над черным камнем склонена,
Ты безутешна и бледна,
Неудержимых слез ручей
Струится из твоих очей.
Откуда на заре пришло
Страданье, что тебя прожгло?
Что возмутило твой покой?
Ответь скорее, Алтыной!

Услышав звуки речи той,
Сильнее плачет Алтыной
И, слезы удержав едва,
Такие говорит слова:

— Брат мой ненаглядный, свет средь темноты,
Не сердись на слезы неразумной ты.
Страшный сон сегодня посетил меня,
И темницей стали горные хребты.

Слушай по порядку: я, когда спала,
Видела степного серого орла.

Над рекой кровавой тот орел кружил,
Реку запрудили мертвые тела.

А потом вползает огненный дракон,
С ним ведут джигиты бой со всех сторон.
Но дракон глотает их, не прожевав,
Весь народ хорезмский истребляет он.

А передо мною мертвый брат лежит,
И на сердце рана красная горит.
Разметалось пламя грозное вокруг,
А скакун твой черным чекменем покрыт.

Стоит Арслан, потупив взор,
В груди его горит костер,
Горит, как саксаул степной,
Зажженный молнии стрелой.
Тревогу побеждает он,
Подругу утешает он:

— Не плачь, мой милый соловей,
Не умножай беды моей.
Не огорчайся, Алтыной,
Твои тревоги — звук пустой!
Ведь сны, как говорит народ, —
Мгновенный отблеск быстрых вод.
И, как видения волны,
Изменчивы людские сны.
Я мертвым был перед тобой —
Так значит буду я живой.
Скакун был трауром покрыт —
Он в скачке всех опередит!
Накрыла степи тень орла,
Река из крови потекла —
Ну что же! Враг придет войной,
И зашумит над степью бой!
А огнедышащий дракон —
Богатырям не страшен он.
В бою отважный наш народ
Свою свободу обретет,
Окрепнут наши племена,
И станет родина сильна!

Вот как я сон толкую твой,
Моя отрада Алтыной.
Ты дальнорка и храбра,
Ты богатырь, моя сестра.
Так слабость женскую забудь,
Богатырем и дальше будь!

И говорит Алтын ему:
— Я верю слову твоему.
Меня за слезы не вини,
На солнце высохнут они.
Какая б ни пришла беда,
Я не заплачу никогда.
Я об одном прошу тебя,
Почтительно прошу, любя:
Поедем к матери своей
И посоветуемся с ней.
В суровый час перед бедой
Она — наш кров над головой!

Они, отважны и быстры,
Собрали белые шатры
И, в торока их увязав,
Коней горячих оседлав,
Спускаются с высоких гор,
В степь выезжают на простор.

* * *

И как уехали, они
Так едут ночи, едут дни.
И проезжают тугаем,
Густым зеленым камышом.
Звенят кузнечики в тиши,
Шуршат по ветру камыши.
И вот навстречу, тут как тут,
Два тигра медленно идут.
Их шерсть под солнечным лучом
Горит оранжевым огнем.
Два тигра узкою тропой
Идут к Арслану с Алтыной.
Уверенным движеньем рук
Арслан натягивает лук,

В лоб тигру целится. А тот —
Как раньше шел, так и идет,
Огромен, важен и ленив,
К земле усища опустив.
В охотничий бьет барабан,
Чтоб зверя оглушить, Арслан.
А тот и ухом не ведет —
Как раньше шел, так и идет.
Тигрица рядом с ним идет
И тоже ухом не ведет
И даже весело хвостом
Виляет пред богатырем.
От гнева запылал Арслан:
— Иль я уже не великан,
Что даже среди бела дня
Зверь не пугается меня?
Иль я не воин со стрелой —
Смеются тигры надо мной! —
Он — к тиграм. Но его рукой
Остановила Алтыной:

— Брат, и снег и ветер к нам придут зимой,
Ты не накликай их этою стрелой.
Жизнь двух этих тигров подари ты мне,
В первый раз подарок я прошу такой.
Посмотри, с доверьем к нам они спешат,
Посмотри, надеждой их глаза горят!
У красавцев этих жизнь не отнимай —
Эти тигры тоже и сестра и брат.

Хоть они и юны, тигров вожаки,
Как стальные копыя, их остры клыки,
Каменные когти их огромных лап
Крепче стрел, летящих от твоей руки.

Тигр хвостом не станет попусту вилять,
Благородство наше хочет испытать.
Посмотри, о брат мой: головы склонив,
Кротко просят тигры их не убивать.

Не стреляй, охотник! В тигров не стреляй!
На доверье зверя злом не отвечай.

Я в подарок этих тигров двух прошу,
Чтоб не посетили бедствия наш край.

Но, жарким гневом обуян,
Не слушает сестру Арслан,
Не может он перенести,
Что тигры встали на пути.
И вот гудит, как буря, лук,
И вот стрела летит из рук,
И с той стрелою талисман
Роняет на песок Арслан.
И вытянулся тигр пред ним,
Обрушась тополем сухим.
Как белый тополь, он упал,
Как тополь, тихо умирал.
Смущенно смотрит Алтыной:
С опущенною головой
Тигрица рыжая стоит,
На тигра горестно глядит,
И слезы катятся из глаз,
Как окровавленный алмаз.
Вот вздрогнула она и вот
К Арслану медленно идет,
Глаз не сводя с богатыря,
Как бы беззвучно говоря:
«Меня ты тоже застрели!»
Перед Арсланом до земли
Склоняет голову она
И ждет, спокойствия полна.
Арслан не смог ее понять,
Ее моления услышать.
На пятки вставши в стременах
И медный лук зажав в руках,
Он в голову тигрицы той
Короткой целится стрелой.
И навзничь падает она,
Стрелой жестокой пронзена!

И молвила Алтын тогда:
— Ах, милый брат, придет беда:
Ты на доверчивых напал,
В склопнвших головы стрелял.

И знай: какой-то недруг злой
Так поразит и нас с тобой.
Не смог ты тигров услышать,
Язык их не сумел понять,
Моих ты не послушал слов,
Так будь к несчастью готов!

А тигры поперек пути
Лежат. И их не обойти.
Примета это или нет?
В защиту от дурных примет
Арслану матерью был дан
Хорезмский древний талисман.
Ты думаешь, алмаз? О нет!
Тот камень, излучавший свет,
Особым свойством обладал —
Несчастья он предотвращал.

Про этот вспомнив талисман,
Мешочек достает Арслан,
А камня нету... Впопыхах,
Должно быть, он забыт в горах.
И без оглядки наш герой
Летит обратной тропой...
Не зная, что случилось с ним,
С ее джигитом дорогим,
Алтын за братом по следам
Летит по кручам, по камням.
Гремят копыта их коней,
Свистят удары их камчей!
Как с гор сорвавшийся поток,
Хороших и плохих дорог
Арслан не видит. Мчится к той
Стоянке на горе крутой.

Тут ночь неслышно подошла.
Стоянка прежняя. Зола.
Арслан копается в земле,
В костре угаснувшем, в золе.
Подъехавшая Алтыной
Кричит Арслану: — Что с тобой? —

И отвечает ей Арслан,
Что потерялся талисман,
Что завтра он его найдет,
Лишь солнце над горой взойдет.
Они решают, что опять
В горах придется ночевать,
И ставят каждый свой шатер
Они на двух вершинах гор.
А ночь была черна, длинна,
И, словно год, текла она.

* * *

А перед ночью Кулымсой
С помощницею — ведьмой злой,
Как звери, рыскали среди гор,
Обнюхивая весь простор.
Вершины обскакали все,
Теснины обыскали все —
Нашли они следы шатров
На возвышеньях двух холмов,
Костер потухший у воды
И в степь бегущие следы.
Не дав передохнуть коням,
Летят они по тем следам,
Коней торопят во всю мочь.
Смеркается. Подходит ночь.
Лежат два тигра на пути,
Их невозможно обойти.
А за спиной у тигров двух
То вспыхнет, то, глядишь, потух
Огонь какой-то не простой —
Зеленый, красный, голубой.
Взглянула ведьма в красный луч
И видит: между горных круч
В шатре своем сидит Арслан,
Сердит и мрачен великан.
А в луч взглянула голубой
И видит: пери Алтыной
Уже в шатре своем зажгла
Светильник, косы заплела.
А около старухи — вой:
Крутя пробитой головой,

Тигрица рыжая ревет,
Хвостом своим о землю бьет
И просит вытащить скорей
Стрелу из головы у ней.
Старуха плюнула в ответ.
Тогда погас волшебный свет,
Затихло все... В тиши ночной
Обратно узкою тропой
Злодеи крадутся к горам,
К широким войлочным шатрам.
Как тени снов, как сумрак гор,
Они вползают в тот шатер,
Где спит, раскинувшись, Арслан.
Старуха колдовской коран
Из-под подола достает,
Кривляясь и визжа, поет,
Чертит вокруг юноши она
Таинственные письмена.
Три раза плюнула она,
Три раза дунула она —
И вот Арслан без чувств лежит,
Неколебимый, как гранит.
Идут они в шатер другой,
Где спит спокойно Алтынсй.
Старуха, войлок приподняв,
Сожгла пучок снотворных трав.
Три раза плюнула она,
Три раза дунула она —
И вот Алтын без чувств лежит,
Неколебима, как гранит.

Хохочут громко хитрецы,
Довольны шахские гонцы,
Приплясывает Кулымсой,
Трясет колдунья головой.
Так тешились они вдвоем
В веселье мерзостном своем,
Покуда не взошла заря,
Рассыпав зерна янтаря,
Покуда солнце не взошло
И новый день не привело.

Тут заколдованный Арслан
Проснулся, прынул, как буран.
Его терзает колдовство,
В смятенье гордый дух его.
Он прямо под гору бежит,
Туда, где конь его стоит.
И вот на яростном коне
По неприступной крутизне,
Над пропастью и над горой
Арслан летит. Он сам не свой,
Летит — и горы вслед гремят.
Летит куда глаза глядят...

Стоят злодеи под горой
И говорят между собой.
Старуха предлагает — взять,
Веревками Алтын связать,
И разбудить на полпути,
И к Надир-шаху отвезти.
А боязливый Кулымсой
Будить боится Алтыной.
Он молвит: — Сядем на коней,
Поедем к шаху поскорей,
Оставивши в горах Алтын.
Примчавшись к шаху в миг один,
Сначала скажем, как вдвоем
Расправились с богатырем.
Получим суюнчи¹ — как есть! —
За эту радостную весть.
Наполнит золотом карман
Тебе и мне довольный хан.
А получивши Алтыной,
Наполнит хан карман другой.
Чтоб две награды получить,
Известье нужно разделить. —
Так порешив, они скорей
Взобрались на своих коней.
И едут злые хитрецы,
Тирана черного гонцы,
Оставив в войлочном шатре

---

¹ Суюнчи — подарок за радостную весть.

На заколдованной горе
Уснувший розовый цветок,
Морозом скованный поток,
Беспомощную красоту
С кудрями, как сунбуль¹ в цвету,
С глазами, словно миндали...
Они скрываются вдали.
Награду получить спеша,
От алчности едва дыша,
Летят колдунья и злодей,
Торопят взмыленных коней,
И золото, что даст им шах,
Уже звенит у них в ушах.

---

¹ Сунбуль — гиацинт.

Песня восьмая

З

а ночью ночь и день за днем
Проходят над крутым холмом.
В пустом шатре Алтын лежит,
Ресницы опустивши, спит,
Густые косы разметав
И землю серую обняв.
А конь ее, послушный конь,
Дрожит, как на ветру огонь,

И день весь бродит вокруг шатра
И ночь всю бродит до утра.
Ручьи стучатся о гранит,
Алтын в шатре высоком спит.
Желтеет горная трава.
Алтын, быть может, не жива...
Подслушивая каждый звук,
Все бродит, бродит конь вокруг,
Вокруг хозяйки бродит он,
Покоя не находит он.
Прошло уже четыре дня,
И нет терпенья у коня.
В шатер к хозяйке он идет,
Губами за руку берет,
Он ржет призывно, но она
Не пробуждается от сна.
И вот проходит пятый день,
Спускается на горы тень.
А в полночь из-за тугаев,
К горам крадутся шесть волков,
И семь волков путем другим
Ползут во тьме к горам крутым.
Соединившись над ручьем,
Ватага дикая бегом,
Скачками по горам летит,
Зрачками темноту сверлит.
Спешит ватага к той горе,
Где спит красавица в шатре.

Вот, не сводя с шатра зрачков,
Ползут тринадцать злых волков.

Врагов почуяв, конь храпит,
Копытом о кремень стучит,
Из-под копыт летит огонь —
В волков огонь швыряет конь.
Отпрянут те, боясь огня,
И окружают вновь коня.
А конь, закрыв Алтын собой,
Один ведет неравный бой.
Он волка одного лягнет,
Другому горло раздерет,

А третьего в полночной мгле
Копытом пригвоздит к земле.
С коня течет ручьями кровь,
А волки наступают вновь.
Тогда ударами копыт
Раскалывает конь гранит
И мечет в стаю злых волков
Гранит из-под своих подков.
Так защищал тулпар Алтын,
Пока над гребнями вершин
Не встала желтая заря,
Рассыпав зерна янтаря.
Попятившись перед зарей,
Вдруг волки свой сломали строй
И, проигравши бой, бегут
В низины темные. И тут
Тулпар внезапно устает;
Шатаясь, он к шатру идет,
На спящую Алтын глядит,
Ложится около, хрипит.
А кровь коня течет струей
По белой груди Алтыной,
И кровь горячая его
С Алтын смывает колдовство.

Вот пробудилась ото сна,
Открыла звезды глаз она.

Зовет Арслана — тишина.
Привстать пытается она
И видит — конь ее пред ней
В крови купается своей.
Алтын бежит, Алтын кричит —
Но тишина кругом стоит.
Исчез Арслан с своим конем
И с боевым своим мечом,
И трупы серые волков
Разбросаны среди холмов,
А на тропинке перед ней
В песке следы чужих коней —
Уходят в степь следы подков,
Следы коней двух седоков.

Алтын все горы обошла,
Арслана след она нашла.
Как вырубленный топором,
Зиял на камне вековым
Тулпара исполинский след,
Скрывавший злые тайны бед.
Он шел по каменной стене,
По неприступной крутизне...
Куда, какой бедой объят,
Над пропастью промчался брат,
Ее он бросил почему,
Алтын не знает... К своему
Тулпару медленно идет,
С коня смывает кровь и пот,
Коню умелою рукой
Врачует раны Алтыной.
Тулпара к жизни возвратив
И голову к нему склонив,
Красавица, дыша едва,
Такие говорит слова:

— Ах, куда скатилась ты, моя звезда,
Ах, откуда ночью подошла беда?
Как одна осталась я в горах глухих,
Своенравный брат мой ускакал куда?

СКАКУНОМ была я — кто копыта сбил?
СОКОЛОМ была я — крылья кто сломил?
Недруг наш коварный — старый Надир-шах,
Он, быть может, горы ночью посетил?

Белый сокол в клетке крыльями не бьет,
На скале безводной роза не растет,
Человек без друга — без огня очаг,
Он лишен участия и земных щедрот.

Ах, куда уехал своенравный брат?
Видно, что недаром старики твердят:
«В жизни — простофиля, в битве — богатырь».
«Богатырь — младенец», люди говорят.

Мне теперь придется быть богатырем,
Возвращусь к народу в материнский дом,

Надир-шаха злого в битве разобью
Иль сама погибну в поединке том.

Так порешив, Алтын встает,
К источнику она идет.
Омывшись горною водой,
Веселою и ледяной,
И вытершись вся докрасна,
Тюльпаноликая, она,
Спокойствие себе вернув,
Потуже пояс затянув,
Тулпара чистит свосго,
Готовит в дальний путь его.
Тулпару гриву расчесав,
Седлом узорным оседлав,
Промолвила: — Товарищ мой,
Одни остались мы с тобой.
За службу я благодарю,
За дружбу я благодарю!
Когда бы не твоя любовь,
По свету не скакать мне вновь.
Прошу: еще мне послужи,
Еще мне милость окажи.
Опять нас в путь судьба зовет —
Вперед, мой добрый конь, вперед!

* * *

И как уехала она,
Так едет, мужества полна.
Когда же в солнечной тиши
Пред ней предстали камыши,
Охотница сошла с коня.
Она при помощи кремня
Огонь достала, жжет костер,
Глядит на гребни темных гор.

И вдруг, откуда ни возьмись,
Из камышей, что поднялись
Непроницаемой стеной,
К остолбеневшей Алтыной
Тигрица по траве ползет,
С укором головой трясет:

Застряло в голове ее
Стрелы Арслана острие.
И стыд сшибает с ног Алтын.
Как ключ, сорвавшийся с вершин
И остановленный горой,
Она перед тигрицей той
В слезах упала на пути,
Без слов ей говоря: «Прости!»
Тигрица ближе подползла
И за полу Алтын взяла
И смотрит на нее с тоской,
Как бы зовет идти с собой.
Алтын, волнуясь и спеша,
Идет за ней в глубь камыша.
А в логове, среди прелых трав
Большое тело распластав,
В жару красавец тигр лежит
И дрожью мелкою дрожит.
В том логове, среди двух зверей,
Как в крепости родной своей,
Алтын хозяйство приняла.
Она берлогу убрала,
Травы постлала посвежей
И принялась лечить зверей.
В пасть тигра смелою рукой
Целебный льет она настой.
Тигрицу ласково обняв,
К своей груди ее прижав,
Стрелу Арслана достает
Из головы ее... И вот
Здоровы тигры. И домой
Устало едет Алтыной.
Спустилась ночь на камыши,
А в чернobarхатной глуши
Как будто бы огонь какой
Догнать стремится Алтыной.
Летит, летит за ней вослед
То голубой, то красный свет,
То изумрудною волной
Плывет огонь за Алтыной.
Алтын, тулпара придержав,

Глядит назад. Среди темных трав
Красавец тигр несется тот
И в пасти талисман несет;
Тигрица скачет рядом с ним,
Озарена огнем живым.
Отдали камень Алтыной
И скрылись тигры в тьме ночной.

Алтын чудесный камень тот
В мешочек шелковый кладет
И выпрямляет гордый стан,
Как перед битвой великан.
Ее торопит ветер с гор,
Ее зовет степной простор.
Навстречу молодой луне
Алтын летит на скакуне.

* * *

Зубчатой обнесен стеной
Хорезмский город небольшой.
Среди узких улочек, садов
В одном из глиняных домов
Жила, отдельно от детей,
Седая мать богатырей.
Забеспокоившись о них,
Послала мать гонцов своих
В степную крепость. Был ответ,
Что в крепости хозяев нет,
Что на охоте среди гор
Они разводят свой костер.

С тех пор прошло немало дней,
Но нет известий от детей.
На палку опершись рукой,
Поникнув старой головой,
На перекрестке мать стоит,
Изнемогая, в даль глядит.
И вдруг, певучий как ручей,
Знакомый голос слышен ей.
Тот голос, плачущий вдали,
Тот всадник, скачущий в пыли, —
Не кто иной, как Алтыной,

Да, Алтыной, никто иной!
Но почему в слезах она?
И почему она одна?

Рванулась мать навстречу к ней,
К любимой дочери своей.
Она пред всадницей стоит,
Держась за стремя, говорит:
— Мой светик ясный Алтыной,
Явилась ты с бедой какой?
Ты почему одна, Алтын?
Где брат твой старший, где мой сын?
О, говори скорей, скорей
Всю правду матери своей!

И, соскочив с коня стремглав
И нежно мать свою обняв,
Алтын рассказывает ей
О всех событиях прошлых дней.
А мать глядит в вечерний мрак
И отвечает дочке так:
— Права ты, что причина зла —
Надира черные дела.
Давным-давно мечтает шах
Зажать наш род в своих руках.
И нет в роду у нас людей
Отважней дочери моей,
Сильнее сына моего
И независимей его.
Вам козни Надир-шах плетет,
Чтоб весь наш покорить народ.
Но не грусти, не плачь, Алтын:
Куда б ни поскакал мой сын,
Не совершит дурного он —
Он благороден и силен.
Сотри с лица кручины тень,
Кольчугу белую надень,
Ту, что осталась от отца,
Воителя и храбреца.
Потуже пояс подтяни,
Как воин, саблею взмахни,

И если кровопийца тот
На наши пастбища придет,
На Надир-шаха в грозный бой
Ты поведешь народ родной.
Пойдем к народу своему,
Расскажем о делах ему.
В тяжелый час перед бедой
Народ — наш кров над головой.

Так вот что дочери своей
Сказала мать богатырей.

* * *

Вот блещет солнечный восход,
Вот собирается народ.
Алтын на площади стоит,
Алтын народу говорит:

— О народ Хорезма! В час перед бедой
Я хочу услышать мудрый голос твой.
Не сегодня-завтра падишах Надир
На селенья наши двинется войной.

Покорить он хочет гордых стариков,
Юношей свободных обратить в рабов,
Пятнадцатилетних девушек забрать,
Загубить цветенье солнечных садов.

О народ Хорезма! Брат мой дорогой,
Щит наш драгоценный, меч наш боевой,
Ускакал куда-то ночью по горам,
И одна осталась я перед бедой.

Волосы на пряди разделяю я,
От волненья разум свой теряю я.
Что теперь нам делать? Как теперь нам быть?
Расскажите, люди! К вам взываю я.

Сочувственно народ степей
Внимает дочери своей.
И, окружив ее стеной,
Он отвечает Алтыной:

— Бесценная народа дочь,
Гони свою тревогу прочь —
Тот, кто рожден богатырем,
Не отступает пред врагом!

Владеть родимую землей
Не будет кровопийца злой.
Мы не уроним нашу честь,
Пока хоть капля крови есть,
Мы примем с Надир-шахом бой —
Вот наша воля, Алтыной!

Мы обращаемся к тебе —
Будь предводителем в борьбе!
Ты благородна и сильна,
С Арсланом в мужестве равна.

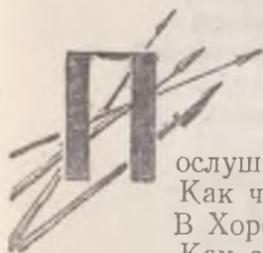
Мы просим — пояс подтяни,
Стальнойю саблею взмахни
И в битву за родимый край
Нас повести согласье дай!

Так, сердце девушки раскрыв
И мужество в него вложив,
Вождем ее избрал народ,
Так храбрость показал народ.

Песня девятая

ослушайте, друзья мои,
Как черные дела свои
В Хорезме Надир-шах вершил,
Как зло народу он творил.

Когда зловредный Кулымсой
С костлявой ведьмою седой
В покои шахские вошли
И поклонились до земли,

Известиям об их делах
Весьма обрадовался шах.
Узнав, что ускакал Арслан,
Что помутил его дурман,
Шах до упаду хохотал
И слезы счастья вытирал.
Узнав, что пери Алтыной
Уснула на горе крутой,
Шах награждает хитрецов
И ублажает хитрецов.
Шах ставит старика своим
Хорезмским визирем¹ вторым.
Старуху назначает шах
Советчицей во всех делах.
Презренные, они втроем
На теле родины большом,
Как злые пауки, живут
И кровь народную сосут.

* * *

И вот на весь окрестный мир
Готовит свадьбу шах Надир.
Повсюду стелются ковры,
Проветриваются шатры;
Примеривает шах к плечу
И шелк, и бархат, и парчу.
Молву о свадьбе разгласив,
Гостей почетных пригласив,
Шах услышал, что Алтыной
Вернулась в город свой степной.
«Ну что ж, — он думает, — она
Повиноваться мне должна.
Алтын к себе я заберу,
Весь род к рукам я приберу,
И станет челядью моей
Заносчивый народ степей».
И вот шесть сватов, как один,
К степному городу, к Алтын,
Не отдыхая, держат путь...

---

¹ Визирь — министр, сановник.

Шесть сватов выпрямляют грудь,
Шесть скакунов призывно ржут,
Верблюдов шесть дары везут.
Подъехал к дому Алтыной
Надира караван цветной.
Верблюд передний закричал
И на колени в пыль упал,
И все верблюды вслед за ним,
Красавцем вожаком седым,
Колени клонят, как один,
Перед воротами Алтын.
Алтын выходит из ворот,
Из ножен саблю достает.
Над головой ее подняв,
Алмазной саблей засверкав,
Промолвила: — Вот мой ответ!
Другого ведь для шаха нет!

* * *

Не верит шах своим послам,
Сбирается в дорогу сам.
Наряды выбирает он,
И войско собирает он
И едет тропкою степной
За непокорной Алтыной.
И вот пред ним Алтын стоит,
И вот что шах ей говорит:

— Цветок пустыни Алтыной,
Послал я сватов за тобой,
Послал богатые дары —
Рубины, бархат и ковры,
Послал арабского коня, —
Что ж не уважила меня?

Я возмущенья не сдержал,
Сам с целым войском прискакал.
Смотри, гордячка Алтыной,
Сам шах приехал за тобой!
Я говорю в последний раз,
И сватовство мое — приказ.

Садись на белого коня,
Невестой впереди меня,
Покорно голову склонив,
По ветру косы распустив,
В мой главный город поезжай,
А людям приказанье дай,
Чтобы они со всей земли
Мне подать новую несли.

Приказ мой выполняй скорей,
Не то мы, не сходя с коней,
Покажем вам, как горячи
У войска шахского мечи!..

Но, не дослушав речи той,
Расхохоталась Алтыной:

— Ты очень грозен, Надир-шах,
Но толку нет в твоих словах.
Приезжий! Слушай мой ответ:
Здесь шаха не было и нет!
Не будем мы тебе служить,
Не будем подати платить.
Обратной уезжай тропой
Иль выходи на бой со мной!

В седле согнулся Надир-шах,
Огонь померк в его глазах,
Весь почернел он от стыда,
Как с неба павшая звезда.
Ни с чем уехал он домой
От непокорной Алтыной.

* * *

Коня торопит, скачет шах.
Чем дальше он, тем меньше страх,
Тем жарче гнев в его груди.
Увидев город впереди,
Он в барабаны грозно бьет
И новых воинов зовет:

— Эй, войско храброе мое!
Геройство покажи свое

И власти покори моей
Спесивых жителей степей!
Захватим земли степняков,
Джигитов превратим в рабов,
По камню город разнесем
И кровью вражеской зальем!
Скорее, воины, за мной!
Скачите в бой, летите в бой!

* * *

Пока он речь такую вел,
Накрыла пыль пустынный дол.
Когда ж ту пыль, плотней парчи,
Пробили яркие лучи,
Из-за ближайшего холма
Явилась Алтыной сама.
Степного войска во главе,
С цветной джигой¹ на голове,
Сверкая в солнечных лучах,
С бобровым мехом на плечах,
В кольчуге белой под плащом,
С алмазным выгнутым мечом,
С арчовой пикою в руке, —
Стоит она невдалеке
И, словно ястреб диких гор,
Оглядывает весь простор.
Ослабив повод скакуна,
Надиру говорит она:

— Скакуна лихого клячей не считай,
Золото ты медной сдачей не считай.
Ты подумай, раньше чем начать войну,
И меня ничтожной мошкой не считай!

Если угнетает слабого силач,
Если обирает бедного богач,
За свое злодейство в срок ответит он
И петлей задушен будет сам палач.

---

¹ Джига — головной убор воина.

Ты идешь на степи вольные войной.
Подожди, быть может и не нужен бой —
На единоборство я зову тебя,
Бейся в поединке с женщиной, со мной!

Надир той речью поражен,
Не выйти в бой не может он.
Кривым мечом бряцает он,
Сражаться выезжает он,
Но всадников к себе манит,
Через плечо им говорит:

— Позор для шаха — кровь свою
Разбрызгать с женщиной в бою!
Следите издали за мной.
Чуть мы сойдемся с Алтыной —
Нагряньте с левой стороны,
Ударьте с правой стороны
И, окружив со всех сторон,
Возьмите Алтыной в полон.
Я еду. — И, мечом звеня,
Поднявши на дыбы коня,
С усмешкой в сумрачных очах,
На поединок едет шах.
Спешит со стороны другой
Навстречу шаху Алтыной.
Цветущей юной красоты
Исполнены ее черты.
Идет Алтын — весна сама,
А шах — как страшная зима.

И войско с двух сторон следит,
Как солнце на мечах блестит,
Как ширятся коней шаги,
Как приближаются враги.
Вот шесть шагов, вот пять, но вот
Шах знак какой-то подает,
И всадники его толпой
Бросаются на Алтыной.
По-богатырски Алтыной
Неравный принимает бой,

А храбрые Алтын войска
Следят за ней издалека,
Скорей на помощь к ней спешат.
Войска сошлись — мечи гремят!

Сошлись пять тысяч с десятью,
Скрестились копыа их в бою.

Гремит о меч шербатый меч,
И головы с покатых плеч,
Как ядра круглые, летят,
И пушки шахские палят.

И дыбом вскинулась земля,
У неба помощи моля.

Сильнее шахские войска,
На помощь к ним издалека
За ратью — снова рать идет
И с новой силой бой ведет.
Что будет с бедной Алтыной
И с родиной ее степной?
Что будет? Ах, мои друзья,
Вести рассказ не в силах я...

Но не боится Алтыной,
Ведет, не уставая, бой,
Копьем врагов бесстрашно бьет,
«Тиза-тиза», копые поет.
О чью-то грудь копые сломав
И меч зазубренный подняв,
С пятеркой верных удалцов
Она ворвалась в стан врагов
И шаха ищет — не найдет.
Да как найти — в сторонке тот!
Зато войска его идут...
Так много их собралось тут,
Что солнце, словно тучей злой,
Затмилось вражеской ордой.
И сорок вражеских стрелков
Алтын, красавицу песков,
Берут мгновенно на прицел,
В нее вонзают сорок стрел.

На ней надето семь кольчуг,
Но все они распались вдруг,
И свет в ее глазах померк.
Она взметнула руки вверх
И тихо рухнула ничком
На землю черную лицом.
В овражек темный под горой
Упала пери Алтыной.

* * *

Над полем битвы пыль стоит,
Надир за битвою следит.
Земля в крови. Пылает бой.
Нигде не видно Алтыной.
К овражку всадники спешат,
Друг друга на скаку теснят.
Шах видит: посреди земли
В крови запекшейся, в пыли
Простерто тело Алтыной,
Как мак, растоптанный ногой.

Шах торопливою рукой
Приподнимает Алтыной,
В седло свое ее берет,
Из фляги в рот ей воду льет.
Открыв глаза, Алтын дрожит
И еле слышно говорит:

— Жалостью меня ты, шах, не убивай,
Режь меня ножами, стрелами пронзай!
Если только каплей крови я жива,
За народ пролить мне и ее ты дай.

Я умру, завяну утренним цветком,
Но твоей не стану и на свете том.
Не жалей, мучитель, вырви мой язык,
Чтобы о злодействе мир не знал твоим.

И отвечает шах-злодей
Несчастной пленнице своей:

— О нет, отрада Алтыной,
Я сохраню тебя живой,
Построю золотой дворец
Тебе, владычица сердец!
Царицею ты будешь жить
И над Хорезмом всем царить,
И ежегодно твой народ
Тебе подарки понесет.
Зачем тебя мне убивать —
Такую где мне отыскать!

Он снова воду ей дает
И в свой шатер ее везет...
Шах дальше продолжает бой,
А стражники стоят стеной
Над полумертвою Алтын...

Над ширью сумрачных долин
Костры победные горят.
Шах пламенным их вспышкам рад.
Народ свободный победив,
Весь по пятеркам разделив,
Собрал злодей с него зякет¹,
Корыстью удивив весь свет.
А чтоб свою упрочить власть,
Всех баев накормил он всласть,
К себе приблизил, обласкал,
И деньги им и землю дал,
Своей опорой сделал их,
Предателей степей родных.
А сам, уехав в город свой,
Забрал и Алтыной с собой.

* * *

Но не сумел тот изверг злой
Сломить упорство Алтыной —
В сражении добра и зла,
Она богатырем была.
Вот шах, палач кровавый сам,

---

¹ Зякет — подать.

Приказывает палачам,
Велит им девушку он взять,
И руки за спиной связать,
И цепью шею обкрутить,
И так по городу водить.

Шах говорит: — Мне жаль сейчас
Убить души моей алмаз.
Быть может, пыткой такой
Я обуздаю Алтыной.
В удел ей стан высокий дан —
Сломите гордый этот стан!
Лебязья шея ей дана —
Пусть шея будет склонена!
Пусть цепи ноги обовьют,
Пусть цепи руки изотрут!
Гоните, причиняя боль,
Через пустыню к Корык-коль.
Пусть в дикой местности живет,
Овец чесоточных пасет,
Пока не покорится мне!
Ну, исполняйте! — В тишине,
В хорезмской сумрачной ночи
Алтын схватили палачи.

Вот цепи на ее ногах,
Вот цепи на ее руках,
Вот шея нежная ее
В железе, а не в жемчугах.

О нет, не сломлен гордый стан!
И факелами осиян
Спокойный и открытый лик,
Румяный, как степной тюльпан.

Рыдая, весь простой народ
Глядит, как пленница идет.
И молвит людям Алтыной:
— Не плачьте, воля к нам придет!

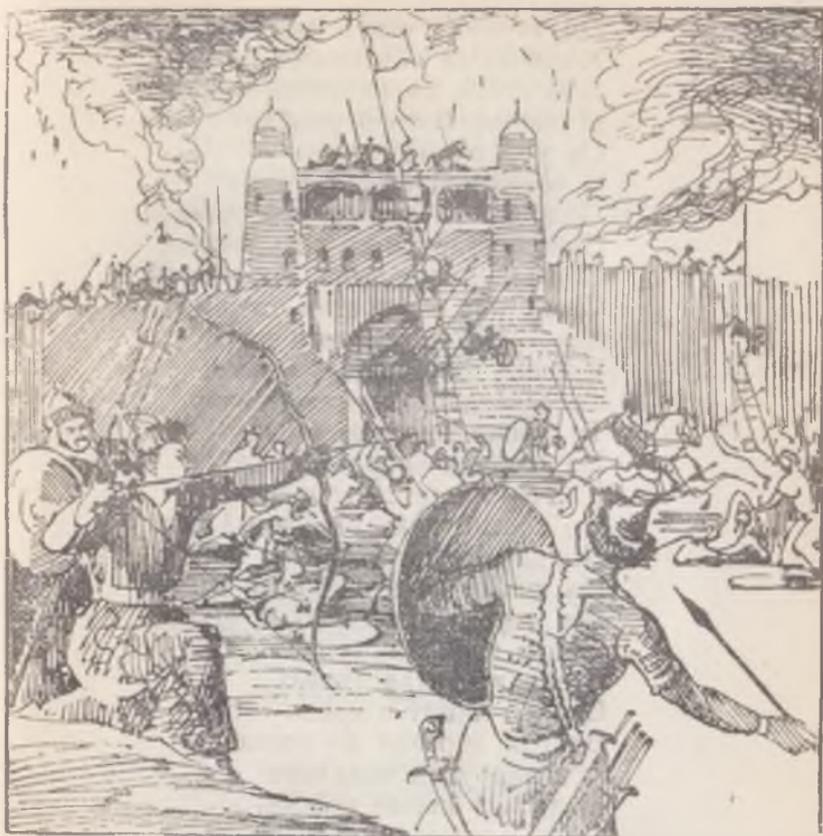
Нет пытки, чтобы обломать,
Нет цепи, чтобы заковать
Богатыря большой души!

...Далеко от людей, в глуши,
Одна красавица живет,
Овец чесоточных пасет.

* * *

И одинокую Алтын
Средь голых, выжженных равнин,
В лохмотьях грязных и в цепях
И на руках и на ногах,
Алтын, что, карауля скот,
Уж потеряла суткам счет,
Оставим мы, друзья, пока...
О жизни повесть велика,
И чтобы всю ее узнать,
Повсюду нужно побывать.

Песня десятая

а мирный край, на Туркестан
Пошел войной калмыцкий хан.
Разбойничьего барыша
Любитель жадный, Суртайша
Решил к Джаны-Дарье сходить,
Народ прибрежный победить.
Он сорок тысяч войск берет,
Шесть месяцев войну ведет.

Он, перейдя через Чирчик,
Колючками стальными пик
Всю степь дарьинскую покрыл,
И лагерь боевой разбил
Он у Саркопа самого,
С восточной стороны его.
Подполз он ночью, как дракон,
Сдавил Саркоп со всех сторон,
Пошел на приступ... Дикий вой
Стоит над крепостью степной.
Хвостатый стяг враги несут,
Кричат, из самопалов бьют.
То откатившись, как прилив,
То снова силы накопив,
Не уставая свора их
У стен толпится городских.
На третий день окружный ров,
Наполнясь кровью, стал багров.
На пятый день по крови вброд
Ров перешел проклятый сброд.
Смола горящая трещит,
Стена зубчатая горит!
Саркоп кипит в крови своей,
Врагом отрезан от степей,
А к недругам издалека
Подходят новые войска.

И на седьмой осады день,
Чуть солнце разогнало тень,
Из крепости к своим врагам
Бай Аллаяр подъехал сам.
Подъехал, в думу погружен,
Так Суртайше промолвил он:

— Чего ты хочешь, Суртайша?
Ужель еще твоя душа
Пролитой кровью не сыта?
Ведь ты, не вытирая рта,
Семь суток кровь народа пьешь,
Не уставая бой ведешь.
Скажи мне, чем, пришелец злой,
Мы провинились пред тобой?

Принес народу моему
Ты смерть и горе почему?
Ты извещенья не прислал,
Исподтишка на нас напал.
Приличия не знаешь ты,
Обычая не знаешь ты...
Зачем ты в наш явился край?
Чего ты хочешь? Отвечай!

Тут хан от злости захрипел,
Как будто бы колючку съел.
Взмахнувши саблей на скаку,
Он подъезжает к старику,
Зубами черными скрипит
И Аллаяру говорит:

— Привык ты речи говорить,
Людей приличиям учить.
Я ж разговор вести с врагом
Привык наточенным мечом.
Давай-ка выедем с тобой
На поединок боевой!

Так хан калмыцкий отвечал.
Он, рот разинув, заорал,
И голос был его как гром...
Как на горе гора верхом,
Он возвышался на коне
В своей грохочущей броне.

И поседевший Аллаяр,
Степного племени сардар¹,
Он тоже мужественным был:
Когда отчизне враг грозил,
Свирепым становился львом
Бай Аллаяр в бою с врагом.

Щитом литым загородясь,
Мечом наточенным грозясь,

---

¹ Сардар — военачальник

Исполнен мести, зол и яр,
К врагу подъехал Аллаяр:

— А ну, разбойник Суртайша,
А ну, ублюдок Суртайша,
Единоборство начинай!
Чем хочешь биться, отвечай!

Кичливо говорит калмык,
Что пререкайся не привык —
Стрелы или меча удар
Пусть выбирает Аллаяр.

— Ну что ж, — промолвил Аллаяр, —
Я выберу стрелы удар,
В единоборстве и в бою
Я стрелы острые люблю.

Уговорилися враги
Отмерить по степи шаги,
Чтобы лежало меж стрелков
Не больше двадцати шагов,
И прямо в сердце бить стрелой,
И начинать немедля бой.

* * *

Вот на расчищенный майдан¹
Калмыцкий выезжает хан.
Как карагач² болотный, он
Космат, усат, обличьем черн,
Остры припухших глаз зрачки
И кровью залиты белки,
Он красногуб и чернорук,
В руках, как в крючьях, медный лук.
Такой шайтан, урод такой
На Аллаяра вышел в бой.
Навстречу едет Аллаяр,
Широкоплечий, как чинар.

---

¹ М а й д а н — площадь.

² К а р а г а ч — лиственное дерево.

И лук, как месяц молодой,
Сверкает под его рукой.
Припомнив прежние бои,
Победы прежние свои,
Родной народ закрыв собой,
Он едет на неравный бой.
Он — как луна из серебра,
А враг — как черная гора.

* * *

Вот съехались враги, молчат.
Вот оба подались назад,
Как два кучкара среди степей
Перед отарою своей.
От ярости едва дыша,
Лук поднимает Суртайша;
Готовя недругу удар,
Лук поднимает Аллаяр.
И оба, шурясь в синеву,
Натягивают тетиву.
Калмык был со стрельбой знаком,
Считался неплохим стрелком.
Стрелу свою издалека
Нацелив в сердце старика,
Он первым свой нанес удар.
Но жив отважный Аллаяр:
В цель не попав, в песок вошла
Врага смертельная стрела.

Тут озверевший Суртайша
Рычит, гигантский лук кроша,
К ногам его швыряет он,
Лук медный разбивает он,
Кричит: — Шайтан ты или бай,
Твоя удача — ты стреляй!

Вновь престарелый Аллаяр
Готовит недругу удар,
Стреляет!.. Но его стрела
Врагу вреда не принесла —

Лишь золоченая джигга
Упала с головы врага.

Хан заорал: — С коня сойди,
На рукопашный бой иди!
Как мышь, тебя я раздавлю,
Усядусь на твоей груди!

Услышав это, Аллаяр
Взъярился, вспыхнул, как пожар,
Он говорит: — Эй, Суртайша,
Будь проклята твоя душа!
С презренным извергом таким
Борьба любая хороша.

Сошел он с черного коня,
Умылся, голову склоня.
Рубахи ворот разорвал,
Врагу навстречу зашагал.
И Суртайша с коня сошел,
Он по лицу рукой провел
И цепью бедра повязал
И к Аллаяру зашагал.

* * *

И поглядеть на этот бой
Войска подходят чередой:
Калмыки — с правой стороны,
Саркопцы — с левой стороны.
Мечи кривые остудив,
Сраженье приостановив,
Рядами войны стоят,
На вожаков своих глядят.
Безмолвно, затаивши дух,
Глядят войска становищ двух,
Как, лютою враждой горя,
Схватились два богатыря.
Схватились богатыри,
Сцепились богатыри —
Им рук уже не оторвать,
Смертельной хватки не разжать.

Друг другу гнут они крестцы,
Кусаются, как жеребцы.
Их силища сейчас равна,
И прибывает все она.

Так борются богатыри
Два дня, две ночи до зари,
И снова день, и снова ночь...
И одолеть врага невмочь,
И рук железных не разнять,
Смертельной хватки не разжать.
Клубами к небу пыль летит,
Земля колеблется, дрожит.
Качается степной простор,
Сдвигаются громады гор,
И под подошвами врагов
Разглажены ряды бугров.
И ямы продавились в той
Земле под каждую ногой.

* * *

А на седьмой сраженья день
Закрыла небо тучи тень.
Хан по-собачьи завизжал,
Он туловище бая сжал,
Он ребра все ему сломал...
Тут руки Аллаяр разнял,
И, как подрубленный чинар,
На землю рухнул Аллаяр.
На черной он земле лежит,
Он, умирая, говорит:

— Горько-горько небу жалуясь я,
Кровь мою глотает черная земля...
О, не убивай меня, злобный Суртайша,
Дай еще взглянуть мне на свои края.

Коль зима приходит, то и снег идет,
И под белым снегом роза не цветет...
О, не убивай меня, злобный Суртайша,
Дай еще взглянуть мне на родной народ!

Будь здорово, племя смелое мое!
Пусть к тебе вернется счастье твое,
Пусть саркопец каждый жертвует собой
За твою победу, за твое житье!

Оставайся с миром, дружная семья!
Сыновья, здоровья вам желаю я!
Храбрые приятели, сверстники мои,
Оставайтесь с миром, добрые друзья!

Дочь моя, звезда моёй жизни Гульаим!
Ты еще не знаешь, что с отцом твоим...
Гульаим! Убил меня злобный Суртайша —
Отомсти ты хану, рассчитайся с ним!

В ком душа народа — отомсти ему!
В ком жива свобода — отомсти ему!
Бедствия на голову изверга обрушь!
Бейся год от года — отомсти ему!

Тут Суртайша нанес удар...
Так умер старый Аллайр,
Так умер он богатырем,
И помнит родина о нем.

Ах, поскорей бы Гульаим
Вернулась к пастбищам своим!
Вдали почуяла б она,
Как страждет милая страна!
Ах, кто-нибудь сказал бы ей,
Что средь родных ее степей
Царит, победою горда,
Врагов поганая орда,
Что их войска, как злой потоп,
Уже врываются в Саркоп.

* * *

И был в пароде великан,
Кузнец саркопский Отбаскан.
Родившийся богатырем,
Скучал он в городе родном,

Все по плечу врага искал,
Все саблю по руке ковал.
Коль на его помотришь стан,
Ты скажешь: этот Отбаскан
Прекрасен, как огромный нар¹
Над морем вспененных отар.

Коль разозлится Отбаскан,
Ты скажешь: шумный океан
Не сможет, гнев его вместить,
Волнами гнев его залить.

А улыбнется Отбаскан,
Ты скажешь: солнце сквозь туман
Свои рассыпало лучи
И уж не скроется в ночи!

Был он радушен и не горд,
Любил его степной народ.
Всех лучше сабли он ковал,
Всех звонче песни распевал:
И день и ночь работал он,
Трудом веселым увлечен.
Ковал проворный молоток
Металла пламенный поток.
И песни и лучи неслись
Из кузницы в ночную высь.
Он десять лет свой меч ковал,
И дни и ночи он не спал.
И вот на глиняной стене
Блестит сталью при луне
Саркопский богатырский меч —
Краса и гордость новых сеч.
Исполнив дело, наш герой
Погладил светлый меч рукой,
Вдруг понял, что устал, вздохнул
И сел на землю. И уснул.
И день он спит, и ночь он спит,
И год, закрывши очи, спит.

---

¹ Нар — одногорбый верблюд, отличающийся большой силой и выносливостью.

Придет заря, уйдет заря,
Рассыпав зерна янтаря, —
На стенке тихо меч висит,
А богатырь у стенки спит,
Не зная о большой войне,
Что прокатилась по стране.

Вот люди окружили дом,
Взломали двери топором.
Богатыря от сна подняв,
О всех событиях рассказав,
Они на бой его зовут,
На бой за родину... И тут
Свой исполинский меч надев,
На скакуна гнедого сев,
Повел на бой народный стан
Кузнец саркопский Отбаскан...
Глядит на битву Суртайша,
Печалится его душа —
Боиется, что саркопец тот
На поединок с ним пойдет.
Он десять тысяч войск собрал,
На Отбаскана их послал.

Семь суток, в битве смел и рьян,
С врагами бился Отбаскан.

А на восьмое утро он,
Ударом страшным оглушен,
Упал, и свет померк в очах.
Враги же на его плечах,
Как змеи на скале, висят
И в очи самые шипят.
И как ни отбивался он,
И как ни вырывался он, —
Цепями руки заковав,
Цепями ноги заковав
И шею цепью обкрутив,
Конец той цепи прикрепив
К хвосту гнедого жеребца,
Враги пленили кузнеца.

И, миновав последний ров,
В Саркоп ворвалась тьма врагов.

Тут Суртайша попировал!
Он все жилища обобрал,
Добро саркопское горой
Сложил в степи перед собой.
Потом в неистовстве своем
Поджег в Саркопе каждый дом,
И город, как большой костер,
Над степью пламя распростер.

Песня одиннадцатая

К

лубится по дороге пыль,
Печально шелестит ковыль.
Народ измученный земле
Свою рассказывает быль.

С казною караван идет,
С бархана на бархан идет,
Стада идут, а вслед народ —
Пленный великан — идет.

Идет народ, со всех сторон
Калмыцким войском окружен.
Саркопцев Суртайша ведет
В далекий, чуждый край, в полон.

Ах, гусь с просторов Айдын-куль,
С родного озера взлетал,
И, сброшен бурей с облаков,
Он крылья смелые сломал!

Ах, золоторозовый скакун
В степи гамдынской выросал —
Алмазные копыта он
О камни острые стоптал!

Ах, стала черною земля
И расколосась пополам.
С родными разлучились мы,
И вместе не собраться нам!

Отцы зовут детей своих,
Рыдают матери о них,

Рыдают жены о мужьях
И дочери о матерях.

Идут, согнувшись, старики,
Скупые слезы их горьки.

Скорбь черной тучей, грозовой
Висит над каждой головой.

Безмолвные ряды мужчин
Гремят цепями средь долин.
И каждый в землю прячет взор —
Его гнетет страны позор:

Считает каждый из мужчин,
Что бед причина — он один.

С народом тем путем степным
Мать богатырши Гульяим
Идет. Она едва идет.
Как гору, скорбь свою несет.
Враги веревкой шерстяной

Скрутили руки за спиной,
Отчизну отняли враги.
Она идет... Шаги, шаги,
Шаги, шаги... О, этот путь —
Не оглянуться, не вздохнуть!

Степной дорогой вьется пыль,
Шуршит, шуршит сухой ковыль.

Нет, не глазами мать глядит —
Слезами вдаль она глядит.

Таит ее смятенный взор
Саркопской крепости позор,

Смерть Аллаяра. Скорбь родной
Земли под вражеской пятой,
И казнь шести ее сынов,
Убитых сворою врагов...

Быть может, помутился ум
От ужасов, от трудных дум?

Как будто бы удивлена,
Степным путем идет она

И не рыдает, не кричит —
Губами тихо шевелит:

— По дороге пыльной мы идем, идем,
Тяжкую мы ношу на себе несем —
Города руины, улицы в огне
Мы несем, сгибаясь, на горбе своем.

Мы идем куда-то из родных степей
С мертвыми телами наших сыновей,
Всех родных могилы на себе несем...
С каждым шагом эта ноша тяжелей.

Дочь моя, звезда моей жизни Гульаим,
Где ты? Мчись, как ветер, по следам моим!
Выви нас из плена, отомсти за нас,
Отомсти злодеям, недругам твоим!

Чуть слышен материнский стон,
Но все сердца волнует он,

О родине народ скорбит,
За матерью народ твердит:

— О Гульаим, приди, приди,
Из плена нас освободи!

И горестные голоса
Летят чрез горы и леса.

Не пленники — земля зовет,
И крик о помощи растет...

Клубится по дороге пыль,
Печально шелестит ковыль.

По раскаленному песку
Несет народ свою тоску.

Песками пленники идут,
Степями пленники идут.

Едва ступают ноги их —
Длинные, длинные дороги их.

И кружится над ними зной,
Как ястреб яростный степной.

Пески, пески... Следы, следы...
Ни тени, ни глотка воды.

Клубится по дороге пыль,
Печально шелестит ковыль.
Народ измученный земле
Свою рассказывает быль.

С казною караван идет,
С бархана на бархан идет,
Стада идут, а вслед народ —
Плененный великан — идет.

Три месяца, три дня он шел..
Окончился пустынный дол,
И на чужбину Суртайша
Саркопских пленников привел.

Над лунным озером среди гор
Широк безветренный простор,
И месяц там не потому ль
По синим водам Айна-куль
Плывет, как лебедь золотой,
До блеска вымытый волной?
На шелковистом берегу,
Поросшем травами лугу,
Шатры стоят, костры горят
И сорок девушек сидят.
И тихо молвит Гульаим
Отважным сверстницам своим:

— Мои подруги! Минул год,
Как мы отправились в поход.
Закрыв ворота Мевали,
Уехав из родной земли,
Проехали просторы мы,
Перевалили горы мы,
И реки переплыли мы,
И силы накопили мы!
Теперь мы знаем, что сильны,
Что быстры наши скакуны.
Что можем мы в седле сидеть
И путь любой преодолеть,
Мы знаем... А теперь — домой
Дорогой самую прямой.

Степями скакуны идут,
Луной озарены, идут.
Их шерсть, светлее серебра,
Лоснится, словно у бобра.
Покусывая удила,
Скрипя подпругою седла,
До звезд небесных, до луны
Подпрыгивают скакуны.
Горами скакуны идут,
Подковами о скалы бьют,
По склонам Чагирлинских гор
Они летят во весь опор,
И вот ограда Мевали
Пред ними высится вдали.

Ой, рады, рады скакуны!
Весельем девушки полны —
Как хорошо к себе домой
Вернуться из страны чужой!

* * *

Но что это? Простор степей
В бесчисленных следах коней,
И нет ни стад, ни пастухов
Средь черных, вымерших холмов.
Но что это? Земля... она
Как бы огнем обожжена,
Как будто дьявола кинжал
Ее просторы искромсал!

Средь черной вздыбленной земли
Одна ограда Мевали,
Неколебимая, стоит,
И как повешен, так висит
На тех чугунных воротах
Замок о десяти ключах.
А на поверхности стены:
Следы чужих мечей видны —
Здесь враг жестокий побывал.
Пусть в Мевали он не попал,
Зато... И косы Гульаим
Покрылись инеем седым.
Бедой неожиданной сражена,
Стоит пред крепостью она.
Подъехали подружки к ней
И плачут все сильнее, сильнее:

— Мы от своей земли вдали
Мечи для битвы берегли,
А враг, как вор, пришел войной
И разорил наш край родной!

И закричала Гульаим
Звенящим голосом стальным:

— Нет, не надо плакаты!.. Соколы, за мной,
Чтоб врагов настигнуть на тропе любой!

Туже подтяните пояса свои,
Саблями взмахните, выезжайте в бой!

Знаю, кто причина горьких наших бед,
Вижу я: калмыцких это сабель след...
Беркуты! Стальной стаяей полетим
За врагом в погоню, по пути побед!
Может быть, на помощь нас Саркоп зовет,
Может быть, с врагами бьется наш народ!
В Мевали оружие наше заберем
И, не медля мига, на врага, вперед!

Я скажу пред боем вам, богатыри:
Береги оружие, за конем смотри!

Без копья стального нет богатыря,
Без коня лихого нет богатыря!

Без стрелы ретивой нет богатыря,
Без земли родимой нет богатыря!

Верностью народу мы богатыри,
Битвой за свободу мы богатыри!

* * *

И едут девушки степной
В Саркоп ведущую тропой,
И им являет каждый шаг
Опустошенья, смерти мрак.
И вот среди пустынных троп
То место, где стоял Саркоп.
Домов развалины лежат,
Деревья свалены лежат,
Тяжелый, смрадный дым кругом
Гигантским кружится орлом,
И кровь, не взятая землей,
Багряной запеклась корой.
Весь город — камни и зола,
Не уцелело в нем угла,
Травинки нету ни одной
В сожженном городе живой.
О город, где богатыри?
Где женщины нежней зари?

Звенящие, как соловьи,
Где дети милые твои?

Безмолвно едет Гуляим
Пустынным городом родным
И видит: около реки
Стоят седые старики.
Табуты¹ опустивши с рук,
Стоят, печальные, вокруг,
И погребальной песни стон
Протяжным эхом повторен.
Увидев Гуляим вдали,
К ней старики те подошли,
Упали вдруг к ее ногам,
Дав волю горестным слезам,
Все плачут, плачут, и подряд
Они про горе говорят:

— Ох, доченька! Повремени
И на беду свою взгляни...
Твои все братья вшестером
Согнули шею пред врагом.
Вложив в ножны мечи свои,
Они, как вражьи холуи,
Забыли, что на свете есть
И честь, и мужество, и месть.
Людьми их даже враг не счел,
Им смерть постыдную нашел:
Повесил сразу шестерых
Он на арканах шерстяных. ♪
И вот они, все шесть подряд,
В табутах на земле лежат...

Ох, доченька! Народ родной
По-богатырски принял бой.
Любой из наших молодцов
Сразил не меньше ста врагов.
Серпами женщины дрались,
Крюками старики дрались,
А мужественный твой отец
(Хвала душе твоей, храбрец!),

¹ Табут — погребальные носилки.

Загородив Саркоп собой,
С калмыцким ханом принял бой.
Семь дней и семь ночей прошло,
Пока единоборство шло,
Но одолел калмыцкий хан,
И седовласый великан
В руках злодея умирал,
Тебя он перед смертью звал.

Отважно дрался наш народ,
Бесстрашно дрался наш народ!
Про нашу трудную судьбу,
Про нашу тяжкую борьбу
Тот, кто останется живым,
Расскажет правнукам своим.
И если песню он споет,
То песня эта не умрет.

Ох, доченька! А Суртайша
(Будь проклята его душа!)
Все деньги, все добро забрал,
Людей он в цепи заковал,
В далекий, чуждый край, в полон
Увел людей саркопских он.
Я видел мать твою. В цепях,
В лохмотьях грязных на плечах,
Она, оглядываясь, шла —
Тебя ждала, тебя звала...
А мы оберегаем их,
Погибших земляков своих,
Скитаемся среди холмов
И погребаем мертвецов.

Вот что у высохшей реки
Тогда сказали старики.
Они почтительно стоят,
В упор на Гульбаим глядят.
А та от горя вся дрожит,
Вся черным пламенем горит...
Вот зубы стиснула она
И повернула скакуна
На путь, куда враги ушли,
Где кровь не высохла в пыли.

И сорок девушек за ней,
За богатыршею своей,
Все повернули скакунов
На запад, в сторону врагов.
Вмиг оторвутся от земли
Они и скроются вдали.

* * *

Но седовласый аксакал
За стремя Актамкера взял,
Сказал: — Ты видишь, здесь лежат,
В табутах черных, к брату брат.
Вы вскормлены соском одним,
Горячим молоком одним —
Засыпь же их тела землей,
Отдай им долг последний свой!
А там, под камнем гробовым,
Отец твой... Попрощайся с ним!
Ведь он всегда тебя любил
И баловницею растил.
Ведь твой отец погиб в бою
За нас, за родину твою!
Ты торопиться подожди
И на могиле посиди..
Отдай последний долг ему,
Отцу родному своему!

И отвечает Гульяим
Сурово старикам седым:
— О старцы! Головы склоня,
Не осуждайте вы меня.
Не стану я смотреть на них,
На этих трусов шестерых!
Не стану братьями их звать,
Землей не стану засыпать:
Изменникам родной страны
Обряды наши не нужны!
Когда б они в орду врагов
Вонзили молнии клинков,
Когда бы копьё их рука,
Как колья, вбила в грудь врага,
Когда б за родину в бою

Они пролили кровь свою, —
Тогда б, о старцы, лишь тогда
Была б я братьями горда!

Мне тот лишь человек родной,
Кто дорожит моей страной!
А их... не погребайте их,
Землей не покрывайте их.
Без погребенья пусть гниют,
Пусть очи вороны клюют,
И, прах тлетворный шевеля,
Пусть проклинаят их земля.

И зарыдала Гульаим,
С коня упала Гульаим,
Рыдая, просит стариков
Вести ее под тихий кров,
Туда, где глиняный мазар,
Где спит в могиле Аллаяр.

* * *

Вот возвышаются, как строй,
Могилы серой чередой.
Здесь в землю тихую ушли
Все те, что из земли пришли.
Ушли... И серый строй могил
Однообразен и уныл.
И старец Гульаим обнял,
Гранит ей молча показал.
И горько плачет Гульаим,
Склонясь над камнем гробовым:

— Ах, отец! Смешала я свои пути,
К битве опоздала. Ты меня прости!
Кланяется низко дочь твоя, отец,
Этот грех невольный ты ей отпусти.

Баловал меня ты, ты меня любил...
Ах, зачем ты очи без меня закрыл!
Подними седую голову, отец,
Над твоей могилой я сижу без сил.

Ой, тяжел и черен камень гробовой!
Ой, темно и душно под сырой землей,
Если враг презренный победил тебя,
Если на тебя он наступил ногой!

Мой отец! Мне силы передай свои,
Мужество и ярость мне отдай свои,
Выйди из могилы, богатырь-отец,
На священный подвиг дочь благослови!

Ухожу в поход я из страны родной,
Суртайшу свою задушу рукой,
Отомщу жестоко за тебя, отец,
И народ саркопский приведу домой!

Подыми, отец мой, голову свою,
Слушай мою клятву: иль паду в бою,
Иль на путь счастливый выведу народ,
Воскрешу из пепла жизнь в родном краю.

Свой меч двуострый Гульгаим
Взметнула к небесам родным,
И сорок девушек за ней
Взметнули молнии мечей.

Был грозен яркий блеск мечей
И гнев саркопских дочерей.
Они отправились в поход
Освобождать родной народ.

Песня двенадцатая

х, мой дутар! Рыдай и пой
О дальней стороне, чужой,
Где желтая луна встает,
Где серая полынь цветет,
Где обездоленный народ
Под игом Суртайши живет!
Пропой, дутар послушный мой,
Быль о чужбине той степной,

Где не были ни ты, ни я,
Где жили пленные друзья.

Когда захватчик Суртайша,
Шелками красными шурша,
На черном вспененном коне
К своей подъехал стороне,
Во все он трубы загудел
И в барабаны загремел —
На празднество созвал гостей
Со всех сторон, с округи всей.

Орда разбойничья поет,
И мясники свежуют скот,
И жаркие костры горят,
И туши сальные шипят...
О празднестве услышав весть,
Спешат любители поесть —
Летят наездники верхом,
Спешат затейники пешком.
Канатоходцы и певцы,
И крутобедрые борцы,
И тут же ламы¹ впопыхах,
В остроконечных колпаках,
Халата подоткнув полу,
Садятся к ханскому котлу,
Мослы горячие грызут
И мозг из косточек сосут.

А рядом пленные стоят,
В оковах, бедные, стоят,
Глаза голодные из мглы
Глядят на полные котлы.
И гости опускают взор
И обрывают разговор,
Увидев за своей спиной
Народ голодный и больной.
Одни, насупившись, молчат,
Другие хану говорят:

---

¹ Л а м а — духовное лицо.

— Эй, Суртайша! Хан Суртайша!..
Все на земле живут греша.
Скажи нам, за какой же грех
Так наказал людей ты тех?
Зачем ты их сюда пригнал?
Зачем их в цепи заковал?
Зачем голодных бедняков
Поставил ты вокруг котлов?
Скажи нам, хан, в чем их вина?..
Нет, нам не наливай вина,
Не будем пить, не будем есть,
Быть у тебя в гостях — не честь,
Здесь человечиною несет,
Вино здесь кровью отдает.

И земледелец говорит:
— Ты важен, хан, и знаменит,
И кровь у нас с тобой одна,
Но я не буду пить вина.
Зачем ты на Саркоп напал,
Степные травы растоптал,
Пастушьи разметал шатры,
Селенья обратил в костры?
К чему тебе земля нужна,
Что кровью вся напоена?
Ты, хан, калмык, и я калмык,
Но я к злодейству не привык.
Не гость я средь орды твоей,
Зови к себе других гостей!

И оружейник говорит:
— Мой меч о доблести звенит
В руках у воина. Позор,
Когда мечом владеет вор.
Как вор, ты на Саркоп напал,
Добро чужое ты забрал,
Сломал ты горны кузнецов,
Убил саркопских мастеров.
Подумай, разве человек —
Летающий гусь над синью рек,
Что ты, увидя чуть кого,
Из лука целишься в него?

Ты, хан, калмык, и я калмык,
Но я к убийству не привык.
Не гость я среди орды твоей,
Детоубийца и злодей!

Услышав эти голоса,
Народ вокруг хана собрался
И грозно говорит ему:
— Ответь, правитель, почему
Бесмысленно из года в год
Ты истребляешь свой народ?
Когда у нас ты ханом стал,
То весь наш край зинданом¹ стал.
От каждой двойни у овцы
Ягненка забираешь ты,
От каждой двойни у козы
Козленка забираешь ты.
Ты и в своем краю злодей
И самый худший из людей.
Сейчас мы просим все тебя:
Страну чужую погубя,
Не множь жестокости своей,
Не истребляй ее людей.
Голодных пленных угости,
Обратно с миром отпусти.
Им холодно, о Суртайша,
В сырую ночь без шалаша.
Ты цепи тяжкие разбей,
На волю отпусти людей.
Дай им в далекий путь еды,
Огня в дорогу и воды,
Свободу им, несчастным, дай!
О Суртайша, свой гнев взнуздай!

Но разъярился Суртайша,
От злости взвился Суртайша.
Огромный, как пещера, рот
Он открывает и орет:

---

¹ Зиндан — тюрьма.

— Эй! Празднество остановить,
Гостей нагайками избить! —
Он воинов своих позвал,
Гостей, как уток, пострелял.

* * *

А как же пленный великан,
Кузнец саркопский Отбаскан?
Он жив. Но жизнь его страшна...
Он понял, что она трудна,
Что богатырь не только тот,
Который бой мечом ведет,
Что и закованный в цепях
Герой врагу внушает страх.
Он без меча разит его
Величьем сердца своего.

Могуч он и упорен был,
И подлости он не любил.
Ни разу он не застонал,
Ни разу духом не упал,
В оковах был, как лев, силен
И ободрял уставших он.
Так молвил людям Отбаскан:
— Проглянет солнце сквозь туман!
В плену страдания и тьмы
Свои отточим зубы мы,
И горло мы перегрызем
Тирану, если не умрем!
Не плачьте, добрые друзья,
Храните гнев в груди, как я,
Чтобы обрушиться горой
На эту голову с джигой,
Чтобы, когда пора придет,
Разбить насильников оплот!

И во дворце прослышал хан:
Мутит народ весь Отбаскан.

На пышном троне хан сидит,
Своим придворным он велит

Немедля привести его,
Смутьяна пленного того.
Спесиво Суртайша сидит,
На дверь, прищурившись, глядит.
И, заслонивши дверь собой,
В цепях заржавленных, нагой,
Идет красавец Отбаскан,
Идет саркопский великан.

Его увидев, хан дрожит,
Змеею черною шипит,
Гадюкой, свившейся клубком,
На троне красно-золотом.
И с непокрытой головой,
В цепях заржавленных, босой,
Но выпрямив могучий стан,
Стоит красавец Отбаскан.
Стоит он бронзовой горой
Перед шипящею змеей.

— Ты думаешь, — кричит тиран, —
Что коль ты ростом великан,
То силы нет у нас такой,
Чтобы сравняться мне с тобой?

Он двести палачей позвал,
Бить Отбаскана приказал.
Гранита глыбу он схватил,
На спину кузнецу взвалил,
И пальцем юноше грозит,
И в очи самые шипит:

— Вот видишь, глупый Отбаскан,
Согнул я твой могучий стан.
Напрасно говорит народ,
Что непокорен ты и горд.
Эй, гордый! Хочешь, кровь твою
По капле на землю пролью?
Эй, непокорный! Хочешь, я,
Как олово, сомну тебя?
Смирись, кузнец! Скорей смирись,
Пред победителем склонись!

Пойди к народу моему,
Смиренно расскажи ему,
Что Суртайша, как лев, силен,
Что даже ты им покорен.
Тогда я все тебе прощу,
Озолочу и отпущу!

Хан замолчал, ответа ждет
От пленника... Под камнем тот,
Под лезвиями ста мечей,
Под ржавой тяжестью цепей,
Но, как пожар степной, горит
И вот что хану говорит:

— О, если стану я рекой
Кровавой, то своей волной
Тебя настигну, обовью,
Тебя, насильник, удавлю.

О, если стану я горой,
Горою мертвой, я собой
Тебя, насильник, сокрушу,
Тебя собою придушу.

Пусть палачи меня убьют,
Пусть ветры прах мой разнесут,
Я стану бурей степной
И черный прах развею твой.
Ты разве человек? Ты пес,
Лакающий потоки слез!

Ты пасть набил костями их,
Чужих народов и своих.
Собрав к себе собачий сброд,
Ты разоряешь свой народ.

Как нищий, руку тянет он,
Куда идти, не знает он,
Попить захочет — нет воды,
Поесть захочет — нет еды,
Поспать захочет — крова нет,
Сказать захочет — слова нет.

Не человек ты — пес большой
В одежде ханской золотой!
Настанет день — тебя, урод,
Восставший сокрушит народ.
Востанут узники твои,
Саркопцы, родичи мои,
Сломают сталь цепей своих
И гвозди сделают из них,
И в пятки их тебе забьют,
И труп твой бросят на табут.
Я пред тобой стою в цепях —
Но нету слез в моих глазах!

Я на спине держу гранит —
Но я живу, я не убит!
Несчастлив ты, а я счастлив,
Я даже мертвый буду жив!
Я знаю: запылает даль,
И рубящая камень сталь
Сверкнет, как месяц в тьме ночной,
Расколет череп круглый твой!
Я вижу смелых молодцов,
Освобожденных от оков.
Они разрушат твой дворец —
Придет тебе, тиран, конец!
Так будет! И тогда среди них
Одним я буду из живых.

Испуганный, едва дыша,
Сидит на троне Суртайша.
Он слугам подойти велит
И им сквозь зубы говорит,
Чтоб Отбаскана увели,
Живым под землю погребли,
Чтоб в сорок сажен шириной
И сорок сажен глубиной
Колодец вырыли ему
И бросили его во тьму.

Большие барабаны бьют,
Гостей глашатаи зовут.
Пирует хан, и сыт и пьян.

Не видит, что ночной туман
Сгущается, к дворцу ползет,
Что Отбаскан туман ведет.

Пирует хан, и пьян и сыт.
Не слышит, как песок шуршит,
Как надвигается бархан,
А за барханом — Отбаскан.

Нависло небо над дворцом,
Растрескалась земля кругом,
И дышит пасмурная ширь,
Как перед битвой богатырь.

Песня тринадцатая

Теперь послушай, мой народ,
Про красный солнечный восход,
Как тучи серые плывут,
Дороги солнцу не дают,
А солнце, тучи разогнав,
Улыбкой яркой просияв,
Восходит, зарумянив их
Пылением лучей своих.

Не солнце всходит над землей,
А едет Гуляим тропой
На сером в яблоках коне,
На быстроногом скакуне.

И сорок девушек за ней,
Как сорок солнечных лучей,
Летят, рассеивая тьму,
Помочь народу своему.

Коня торопит Гуляим.
С отрядом доблестным своим
Она минует гор хребты
В часы полночной темноты,
Когда и юркая лиса
Бойся пробежать леса.

Она спешит по тем степям,
Где ночью страшно и волкам,
Где даже ни один шакал
Не бродит у пустынных скал.

Она летит по тугаям,
Густорасгущим камышам,
Где даже ястреб не летал —
Он крылья бы свои сломал.

И вот пред нею степь черна.
Дорога через степь видна,
А по краям дороги той,
Не взятые сухой землей,
Тела иссохшие лежат,
Орлы над трупами кружат.
И скачут девушки быстрее
Наперерез степных путей.
И ночи длинные и дни —
Уж месяц ехали они.
И степь, колышущая мглу,
Уперлась в белую скалу,
А за грядою белых гор
Открылся им морской простор.

— Ну что же! — молвит Гульаим. —
Поедем берегом крутым,
Ворвемся в недра древних гор,
Избороздим земной простор
И проплывем громаду вод.
За мной — кто любит свой народ!

* * *

Так едут день и едут шесть,
И вот, как бы о чем-то весть,
Пыль вдалеке и барабан —
Идет навстречу караван.
И к каравану Гульаим
Помчалась беркутом степным.
Дыханья не переводя,
Путь каравану преградя,
Пред караван-баши¹ стоит,
Стоит она и говорит:

— Снег на землю может лишь зимой сойти.
Как же без дороги вы смогли пройти?
Приостановись ты, караван-баши,
Мне промолвить слово разреши в пути!

Люди каравана! Что за люди вы?
Что за кладь везете на верблюде вы?
Вас куда-откуда хан послал какой?
Служите чьей воле, чьей причуде вы?

Отвечай мне правду, караван-баши, —
Ты старик и лживым словом не гречи!
На верблюдах желтых золото везешь,
Чью казну везешь ты по степной глуши?

И важный караван-баши,
Увидевший в степной тиши
Красавицу на скакуне,
В золотокованой броне,
Не сводит с девушки очей,
Любезно отвечает ей:

---

¹ Караван-баши — начальник каравана; буквально: голова каравана.

— Девушка, ты лучше пери красотой!
Я пойду повсюду, пери, за тобой.
Прежде поцелую белое лицо,
А потом отвечу на вопрос я твой!

Суртайша калмыцкий — наш почтенный хан.
Едем из Мушкиля в город Туркестан —
Мы добро саркопцев едем продавать
И грузить товаром новым караван.

Как молния из черных туч,
Как с ледниковых горных круч
Весной бегущая вода,
Горя от гнева и стыда,
Рванулась Гульаим к нему,
К врагу бесстыдному тому,
И за ворот его взяла,
И над собою подняла,
И, покрутивши над собой,
Швырнула оземь головой.
И сорок девушек за ней,
За богатыршею своей,
Как огнедышащий вулкан,
Накинулись на караван.
Врагов убили остальных,
Забрали золото у них
И схоронили до поры
В пещере меловой горы.

* * *

При караване пленник был.
Измучен, сторблен и уныл,
Он тихо в стороне стоял
И глаз своих не поднимал.
Он — без ушей и без ноздрей,
В рубцах кровавых от плетей,
В лохмотьях грязных нищеты,
Не прикрывавших наготы,
В проржавленных стальных цепях —
Едва держался на ногах,
Стоял, понурясь, на пути,
Не смея ближе подойти.

И взор мгновенный Сарбиназ
Прочел души его рассказ.
Она подходит к бедняку,
К измученному старику,
И говорит: — О бедный мой!
Скажи, где твой народ родной?
Скажи, как долго ты страдал?
И в рабство к хану как попал?
Какая у тебя вина,
Чем грудь твоя истомлена?
Какие ты прошел пути,
Куда захочешь ты пойти,
Проливший в пыль дорог степных
Озера горьких слез своих?
Скажи мне все, отец родной!
Как друг я говорю с тобой.

Услышав эту речь, как мел
Седой скиталец побледнел,
И поднял он на Сарбиназ
Взор молодых печальных глаз.
Он говорит чуть слышно ей:
— Сестра! Я из твоих степей.
Я не отец тебе, а брат,
Я юношей был в рабство взят.
В чужой стране не я один
Покрылся инеем седин..
А ты, прекрасна и добра,
Здорова будь, моя сестра!

Где мой народ?.. В плену народ.
Освобождения он ждет.
Земля?.. Нет у меня земли —
Мой город недруги сожгли.
Родня?.. Нет у меня родных —
Злодеи погубили их.
Куда идти?.. Да только в бой,
Освобождать народ родной!

Он тихо те слова сказал
И белым тополем упал,
Упал он в пыльную траву,
Раскинув руки, как листву.

И Сарбиназ и Гульяим
В слезах склонились над ним,
И девушки к нему бегут,
Разжали губы, пить дают.
И вот уже чуть дышит он,
Людскую речь чуть слышит он...

От уз его освободив,
На белый войлок уложив
И повелевши для него
Зарезать нара одного,
Аим заботливой рукой
Саркопца потчует шурпой¹.
Он отдохнул, поел, поспал,
Свободы радость вновь узнал.

А поутру, а поутру,
На резком солнечном ветру,
Вновь караван пошел в поход —
Освобождать родной народ.

Далекий путь, далекий путь!
Горячим ветром дышит грудь.
Идет в дорогу караван,
Гремит походный барабан,

Гарцуют кони впереди,
Идут верблюды позади,
И бубенцов верблюжьих звон
Пустынным эхом повторен.

То солнце, то луна встает,
Дорогой караван идет.
Саркопец караван ведет
Вперед, вперед, вперед, вперед....

Они, минуя гребни скал,
Перебрались за перевал,
У желтых моря берегов
Нашли селенье рыбаков

---

¹ Шурпа — суп.

И на рыбацких каюках
Скрываются в морских волнах.
И вот уж море за спиной
Играет синею волной,
А впереди — громады гор
И выжженный степной простор.
Сиянье солнца иль туман —
Идет дорогой караван.
Далекий путь, далекий путь!
Горячим ветром дышит грудь.

* * *

А на уступах встречных скал
Вооруженный пост стоял.
Поставил Суртайша стрелков
Закреть проходы от врагов,
Дорогу к крепости закрыть,
Всех, кто поедет, — истребить.
Высокой серою скалой
Сокрыт был лагерь боевой.

Но солнце над скалой встает,
Военный караван идет,
А со скалы летит грозой
Крылатых стрел свистящий рой.
Враги! И, повод дав коню,
Навстречу грому и огню,
На приступ Гульаим летит,
Как солнце, меч ее блестит!
И сорок девушек летят,
Как звезды, их мечи блестят!

Передние ряды разбив,
Через ту скалу перевалив
И как алмазный водопад
Обрушась с каменных громад
В долину, по долине той
Летят воительницы в бой.
Летят!.. И вот он был каким,
Бой первый, что достался им.

Представь, что ожила гора
Из меди или серебра,

Что на дыбы она встает
И на тебя она ползет, —
Ее ты можешь обойти,
Живым остаться на пути.
Но если камни той горы
Наточены, как топоры,
С огромной скоростью летят
И в голову тебя разят,
Ты их не сможешь обойти,
Ты мертвым ляжешь на пути.
С такой огромной быстротой
Вели воительницы бой,
Как будто каждый меч таил
Смертельных сорок тысяч сил.
Их было сорок и одна,
И битва их была страшна.

Заря вечерняя встает,
А войско вражье все ползет,
Несметное, как саранча,
Холмы покатые топча, —
Оно ползет, ползет, ползет,
Не уставая бой ведет.
И только девушки горды,
Сразив передние ряды, —
Из тыла вновь враги ползут,
И снова бой они ведут.
И только что отряд решил,
Что вражеский разгромлен тыл, —
Ряды передние встают,
И снова бой они ведут.
Так кровь смешалась с зарей,
Заря — с багряной кровью той.
Убитыми легло в песок
Калмыцких сорок тысяч войск,
И девушки упали три.
Прекрасные, как свет зари,
Жизнь отдали они свою
За счастье родины в бою.
И вот еще другие две
Недвижные лежат в траве.

THE BATTLE OF BATTLE

THE BATTLE OF BATTLE

Но тридцать пять подруг живых
Как бы вдохнули жизни их.
Не властна смерть, ее беда,
Их снова сорок — навсегда!

И Гульяим, рассвирепев,
Как раненый пустынный лев,
Стремится с новой силой в бой,
Ведя наездниц за собой.

И девять суток протекло...
Ой, сколько крови натекло!
Там и сейчас в теснинах гор
Кровава глубина озер.

И десять суток протекло...
Ой, сколько мертвыми легло!
Там и сейчас в глухих горах
Холмы теснятся на холмах.

Бьют стремена о стремена,
И сталью сталь раскалена!

Мечи стучатся о мечи,
И искры сыплются в ночи!

Кремень дробится о кремень,
И черным делается день!

И падающею звездой
Конь с крутизны несется в бой.

Гора из-под его копыт,
В пыль обратясь, за ним летит!

И на одиннадцатый день,
Чуть солнце разогнало тень,
Не устоял спесивый враг
И побежал трусливо враг,
Пред Гульяим мечи склонив,
Дорогу к крепости открыв.

* * *

В сиянье утренних лучей
Слезают девушки с коней
И, прислонив к стволу арчи
В крови, в зазубринах мечи,
Измучены, истомлены,
Сидят под кровом тишины...
Степных цветов, душистых трав,
Арчовых веток наломав,
Печально девушки плетут
Зеленый смоляной табут.
От крови мрамор тел омыв
И белым саваном обвив,
Подруги тихо на табут
Соратниц боевых кладут,
Что жизнь прекрасную свою
Отдали с недругом в бою.

Печально головы склоня,
Молчанье строгое храня,
Они пред сестрами стоят
И в очи мертвые глядят...
И на вершине вековой,
Что высится над всей землей,
Могилу вырыли они,
Зажгли в светильниках огни.

О сестры, спите вечным сном
В краю пустынном и чужом!
О сестры, павшие в бою
За землю милую свою,
Спокойно спите на заре
На белой мраморной горе!
Луна проглянет из-за туч —
Она пошлет вам первый луч,
Созвездья на небо взойдут —
Вам первые лучи пошлют.
И солнце, вспыхнув над горой,
Вас первых одарит зарей!

И памятники Гульаим
Воздвигла воинам своим.

И до сих пор там на заре
На белой мраморной горе
Увидеть путники могли б
Пять глыб гранитных, черных глыб.
Стоит незыблемый гранит
И золотую вязь хранит;
И годы и века пройдут,
Но эту надпись не сотрут —
На камне зóлотом она
Являет павших имена,
Вещает про великий бой,
Что шел под мраморной горой.
Пред камнем на колени встав
И камень тот поцеловав,
Тут написала Сарбиназ
Про сорок девушек рассказ.

А девушки у темных гор
Близ родника зажгли костер
И стали раны обмывать,
Доспехи бранные снимать.
В крови, в крови кольчуги их,
И плечи их, и руки их,
И груди белые, как мел,
В крови, в занозах черных стрел.
На гору Гульяим взошла,
Седого земляка нашла,
И говорит ему она,
Раздумья горького полна:

— Земляк, товарищ новый мой,
Ты видел этот трудный бой.
Страданья все запомню я,
Желанья все исполню я!..
А ты мне службу сослужи,
Свою мне дружбу окажи.
Смотри: с горы сейчас видны
Кровавые следы войны.
А за леском, в дали степей, —
Зубцы мушкильских крепостей.

Иди, мой брат, тропинкой той,
Спешь в Мушкиль, сокрытый тьмой.
К саркопским пленным проберись,
С вестями от меня явись.
Скажи народу моему,
Что Гульаим идет к нему,
Скажи, чтоб крепче зубы сжал,
Чтоб честь свою не продавал,
Чтоб, если завтра грянет бой,
Готов был весь народ родной,
Чтоб каждый, в ком хоть капля сил,
Себя для битвы сохранил
И, услышавши голос мой,
Встал за свою свободу в бой!

Так в добрый путь! — Идет джигит,
Полночной темнотой укрыт,
Спешит, невидимый в горах,
С арчовым посохом в руках.
В Мушкиль к саркопцам он идет,
Освобожденья весть несет.

Песня четырнадцатая

у, а теперь, мои друзья,
К Арслану возвращаюсь я.
Хорезмский богатырь Арслан;
Желт и морщинист, как шафран,
С той самой ночи колдовской
По свету рыщет сам не свой.
От потрясения он забыл,
Что раньше делал, кем он был.

Он бродит тенью по степям,
Скользит газелью по горам,
Он от людей, таясь, как крот,
В пустынной местности живет,
Живет отшельником в норе,
В пещере старой на горе.

* * *

И вот однажды поутру
Арслан взобрался на гору,
И в зарослях арчи, меж скал,
Над горным озером он спал...
Он спит. И слышит вдруг во сне,
Что где-то в горной глубине
Струится песенка. Она
То переливчато-нежна,
То делится сама с собой
Своей печалью и тоской.
И птичьи стаи с высоты
Летят на горные хребты
И слушают, окаменев,
Серебряный ее напев.
И из озерной глубины
На гладь зеркальную волны
Всплывают рыбы, осмелев,
И слушают ее напев.

Сквозь заросли глядит Арслан,
И вот что видит великан:

Над синим озером склонясь,
В него, как в зеркало, глядясь,
Косички девушки плетут
И песню тихую поют.
Как пери синей глубины,
Они, красивы и нежны,
Сидят на розовых камнях,
Черноволосые, в шелках,
И луч, минуя гор гранит,
Их лица нежно золотит.

И очарованный Арслан
Припоминает сквозь туман,

Что раньше слышал он не раз
Про сорок девушек рассказ.
Ужель они вот здесь поют
И косы черные плетут?
Проникла сквозь безумья мглу
Тоска по людям, по теплу.
Он вспомнил матери ладонь,
Родного очага огонь...
Но, нерешительности полн,
Приблизиться боится он.

Ну пусть бы сорок светлых рыб
На берег из волны взошли б
И сбросили бы все подряд
С себя чешуйчатый наряд
И, в девушек оборотясь,
Пошли по берегу смеясь, —
Он бы чешуйки их украл
И девушек к себе позвал.

Ну пусть бы сорок лебедей,
С лазурных опустья зыбей
На желтый берег, все подряд
Лебяжий сбросили наряд
И, в девушек оборотясь,
Пошли по берегу смеясь, —
Он их бы перышки украл
И девушек к себе позвал.
А тут как быть? Как подойти?
Какие отыскать пути,
Чтоб не спугнуть девичий хор
Отшельнику пустынных гор?

Так думая, Арслан сидит,
Сквозь заросли арчи глядит.
И вдруг из-за горы — пред ним —
К веселым сверстницам своим,
Как бы поверх земли и вод,
Виденье новое идет.

Не рыбка — нет! Не лебедь — нет!
Идет дарующая свет,
Алмазноликая луна.

Вся в белом, шелковом она,
А косы — как индийский нард¹,
Над белым, черные, парят.

Так сорок первая пришла,
Она подруг подозвала,
Им тихо что-то говорит.
Арслан внимательно глядит
И понимает: Гульаим,
Его любимая, пред ним
В наряде белом поутру
Стоит на солнечном ветру.

А девушки меж тем встают,
Вверх по ручью они идут
Тесниною. За ними он
Идет, взволнован и смущен.

Тропинка узкая вела
К долине, что меж гор была,
А в той долине, у горы,
Из белых войлоков шатры.
Там сабли грудю лежат
И рукоятками блестят,
И на траве у тех шатров
Пасутся сорок скакунов;
Копыта их шатров белей,
И ножниц ушки их острей.

Сокрылись девушки в шатры.
Арслан остался у горы.
Он много, мало ли стоял,
Он много, мало ль размышлял —
И наконец рукой махнул,
Шагровый войлок отвернул,
На спящих девушек глядит
И, радуясь, так говорит:

— Девушки! Вы спите в войлочном шатре,
Схожи вы с лучами солнца на заре.

---

¹ Нарды — игра, в которой часть шашек черного цвета. Выражение «косы — как индийский нард» — значит «черные косы».

Черные, бобровые косы уложив,
Спите вы, оставив сабли на горе.

Среди вас, красавиц, мне одна видна,
Как с горы сбежавший ручеек она.
Как в зеркальном озере плавающий гусь,
Белизны чистойшей девушка полна.

Я подумал — месяц! Да ведь рот у ней.
Я подумал — солнце! Да красу очей
Девушка открыла, смуглою рукой
Завитки откинув с розовых ушей.

Девушки, проснитесь! Отвечайте мне,
Как вы оказались в этой стороне?
На печальный голос сердца моего,
Сестры, отзовитесь! Отвечайте мне!

Услышав речь, вскочили вдруг
Все сорок доблестных подруг,
Решив, что враг их подстерег.
Не чуя под собою ног,
Мечи схватили — и бегом
На волю. А перед шатром
Смущенный великан стоит,
С улыбкою на них глядит.

Всех отстранивши, Сарбиназ,
Огнем неустрашимых глаз
Из-под бровей своих горя,
Зовет на бой богатыря.
А тот, не ласков и не груб,
Смеется уголками губ
И молвит мужественно ей,
Лихой обидчице своей:

— По весне и гуси полетят с озер
И потоки хлынут с ледниковых гор.
Подожди немного — может, мы с тобой
Без единоборства свой закончим спор.

Будь жива-здорова, пери Сарбиназ!
О тебе нередко слышал я рассказ,
Об уме, о славном мужестве твоём...
Рад тебя я видеть, Мевали алмаз!

Будь жива-здорова, пери Гульаим!
Много лет знаком я с именем твоим.
Сколько б непогоды ни было в пути,
Я всегда, как солнцем, согревался им.

Удальцы, вложите сабли вы в ножны!
Я не волк, дерущий ночью табуны.
Если враг найдется — будем воевать,
А сейчас нам сабли вовсе не нужны!

Словам любезным удивясь,
В ответ пришельцу поклонясь,
Застыли девушки пред ним,
Они глядят на Гульаим.
И молвит пери, помолчав,
Слова-кораллы нанизав:
— Снег зимой покроет зеркало озер,
Белые бураны заметут простор.
Вам промолвить слово разрешите мне,
Богатырь, сошедший нам навстречу с гор.

Как известна стала вам моя страна?
Как известны стали наши имена?
Если о весне вы речи повели,
Расскажите сами — ваша где весна?

В битве не уставши, трудно отдохнуть,
Ветер не догнавши, трудно им вздохнуть.
Прежде чем о нашем спрашивать пути,
Расскажите сами — ваш откуда путь.

Арслан глядит на Гульаим,
Не веря, что она пред ним.
Услышав девушки вопрос,
Припомнил землю он, где рос,
Хорезм лазурный, золотой,
Степную крепость над рекой,
И все пережитое им
Он вспомнил перед Гульаим.
Он потемнел, он задрожал
И тихо так ей отвечал:

— По вершинам горным мой проложен путь.
Шел я, отступаясь, и не мог вздохнуть —

Пропасть предо мною черная лежит...
Расскажу подробно после как-нибудь.

Скакуном скакал я и копыта сбил,
Соколом летал я и крыло сломил,
Я в горах скитался, разум потеряв,
Позабыв, что делал, кем на свете был.

Озарил мне очи образ милый твой,
Солнцем среди ночи — ты передо мной...
Слушай, солнце жизни, слушай, Гульаим:
Синий край Хорезма — край родимый мой.

Я свой край покинул, гневом обуян,
Омрачил мне душу вражеский дурман.
Слушай, солнце жизни, слушай, Гульаим:
Пред тобой хорезмский богатырь Арслан.

Не сводит Гульаим очей
С Арслана: он ужель пред ней?
А сердце Гульаим стучит,
Как солнце летнее горит,
И раскрывает для любви
Оно объятия свои.

Нет! Сердце — моря глубина.
Лазурная его волна
С алмазной пеною встает
И словно соловей поет.

Но сдержанно аим молчит
И как стояла, так стоит.
Она к Арслану не идет,
Любви своей не выдает,
Лишь улыбается она,
Лишь больше прежнего бледна.

Арслан навстречу к ней идет,
Арслан ей руку подает.
Соединились руки их,
И радости, и муки их.
Арслан, притронувшись к руке,
Губами тянется к щеке,
Но встrepенулась Гульаим,

И отвернулась Гульаим.
Насмешлива и холодна,
Арслану говорит она:

— Чуть успела руку я тебе подать,
Ты решил, что можно в щеку целовать?
Сердце растопили мне твои слова,
А за это разве можно обижать?

Думала я — друг ты, а ты — недруг мой.
Что ж, давай сразимся на мечях с тобой!
И не в поцелуях, а в лихом бою
Покажи мне пыл ты богатырский свой!

От слов жестоких, как от ран,
Мгновенно изнемог Арслан,
На четверть в землю он вошел,
Глаза открыл, слова нашел:

— Права ты, Гульаим, права!
Моя горела голова,
Мне показалось — от руки
Так недалеко до щеки...
Мой грех! Его ты отпусти,
Меня, беспечного, прости!
Во сне тебя я увидал,
Я много лет тебя искал.
Какой бы ты ни шла тропой,
Пойду повсюду за тобой.
Об этом — всё. А о другом
Я говорю с богатырем.

Я вижу: у подруг твоих
Рубцы от схваток боевых.
Я вижу: острые мечи
Еще от битвы горячи.
Я слышу: скакуны храпят,
Жестокой битвы вновь хотят.
Твоя земля — моя земля,
Где будешь ты, там буду я.
Народ твой — твой народ и мой,
Я за него поеду в бой,

И в богатырском том бою
Я заслужу любовь твою!

Вот вся моя об этом речь...
Зачем ты выхватила меч?
Ужели не прощаешь ты
И друга прогоняешь ты?
Обиду женскую забудь,
Разумной, как мужчина, будь,
Прости меня, как я простил,
И не бросай на ветер сил.

Но и сурова и темна
В шатер к себе ушла она.

* * *

Седлают девушки коней,
С долины собирают всей
Поклажу... Грузят караван...
И, как чужой меж них, Арслан
В недоумении стоит,
На сборы быстрые глядит.
Но сборы кончены. И вот
Готовы всадницы в поход.

Узлами косы завязав,
Коней горячих оседлав,
Все в одеянии мужском
И в снаряженье золотом,
Они, подставив ветру грудь,
Готовы снова в трудный путь.

А впереди на скакуне,
В золотокованой броне,
С алмазным выгнутым мечом,
С подобным молнии копьем —
Вождь смелых всадниц Гульбаим
Сверкает взором огневым.

Вот бровью повела она,
Рванула повод скакуна,
Хотела ехать. Но Арслан
Встал перед нею, как бархан,

Взял за уздцы ее коня
И молвит, голову склоня:

— Постой, попридержи коня,
Послушай и пойми меня!

Чтоб в битве быть богатырем,
Чтобы расправиться с врагом,
Причуды нужно позабыть,
Друзей и слушать и ценить.
Ты своевольна и горда,
Как с гор бегущая вода,
Но если, друга не узнав,
Его в бою не испытав,
Сочтешь его врагом своим,
То ты не вождь, не Гульаим!

Во мне сокрыто много сил,
Сейчас поток их забурлил.
Позволь мне на коня вскочить,
Меч богатырский наточить,
Позволь отправиться с тобой
В любой поход и в бой любой!

И отвечает Гульаим:
— Кто богатырь — мы поглядим!
Мне говорили старики
Над пепелищем у реки,
Что право быть богатырем
Дается лишь в бою с врагом.
Без мести — нет богатыря,
Без чести — нет богатыря,
Нет без копья богатыря,
Нет без коня богатыря!

А как же верить мне тебе
В суровой будущей борьбе,
Когда нет у тебя копья
И нету верного коня!
Ты хочешь ехать? Поезжай!
Помочь мне хочешь? Помогай!
Сил много? Силы покажи,
Мое доверье заслужи! —

Арслан ни слова не сказал,
Лишь взор отвагой заблестал.
Протяжно свистнул богатырь —
Откликнулась степная ширь.
И вот земля кругом дрожит
И конь копытами стучит.

Светящийся роняя пар,
Летит темногнедой тулпар
С волнистым золотым хвостом
И с алобархатным седлом.
А на седле закреплены
Меч длинный — с правой стороны
И пика — с левой стороны,
Наточены, заострены.

Тулпар Арслана увидал,
Пред ним как вкопанный он встал.
Стремглав в седло вскочив, Арслан
Расправил богатырский стан,
По выжженным путям степным
Он едет рядом с Гульаим.

Клубится пыль из-под копыт,
На длинных пиках луч блестит.
Сиянье дня сменяет мрак,
И с каждым шагом ближе враг.
Вдали уж видят храбрецы
Мушкильской крепости зубцы.

Песня пятнадцатая

Наутро в городе Мушкиль,
Как поднятая ветром пыль
Под блеском солнца золотым,
Несется слух про Гульаим,
Пришел гонец ее, пришел,
Своих сородичей нашел!
Придет ли ночь, сверкнет ли день —
Скользя по городу как тень,

То там, то здесь он промелькнет,
Не посидит, не отдохнет,
Средь узких улиц бродит он,
Друзей везде находит он.
В кругу внимательном стоит
И вот что людям говорит:

— Эй, слушайте, мои друзья,
Весть радости привез вам я!

Внимайте, старики-отцы,
И вы внимайте, молодцы,
Внимайте! Я во мраке жил,
Луч света мрак тот озарил,
И солнце справа надо мной,
И месяц слева надо мной!
Давайте суюнчи, друзья,
Весть радости принес вам я!

За мною, по моим следам,
Свет солнечный струится к вам.
Нет, то не солнце над землей —
То едет Гульаим тропой
На сером в яблоках коне,
На быстроногом скакуне,
И сорок девушек за ней,
Как сорок солнечных лучей.

Послушайте, какой наказ
Мне Гульаим дала для вас:

«Скажи народу моему,
Что едет Гульаим к нему.
Скажи, чтоб крепче зубы сжал,
Чтоб честь свою не продавал,
Чтоб, если завтра грянет бой,
Готов был в бой народ родной!»

И пленники мечи куют
И Гульаим призыва ждут.
А тот саркопец молодой
Со стариковской бородой

И с калмыками речь ведет,
Ему отвечает народ:

— Пусть Гульаим сюда придет,
Пусть Суртайшу она убьет.
Мы с ней не будем воевать,
Мы все ей будем помогать.
Узнает хан, как горячи
Народных мстителей мечи!

* * *

Однажды вечером заря
Блеснула, яхонтом горя, —
Из-за горы, из-за зари
Являются богатыри.

Ведет их грозный великан,
Хорезмский богатырь Арслан,
И сорок всадниц Гульаим,
И Гульаим сама за ним.
Отточенные, как лучи,
Блестят богатырей мечи,
Тулпары потные храпят,
«Чап-чап» — копыта их стучат.

Вот эта крепость, вот она,
И неприступна и темна.
Окружена она стеной,
Из красной меди отлитой,
В двенадцать сажен вышиной,
В двенадцать сажен шириной.
Огромна медная стена,
А ворота из чугуна.
Богатыри у той стены
Толпятся, ярости полны,
Клинками о чугун стучат —
Отскакивают те назад.
Мечами медь они разят —
Отскакивают те назад.
Из луков стрелами палят —
И те, не долетев, — назад!
А тут, как средь песков буран,

Завыла крепость. Барабан
Тревогу бьет. Из всех бойниц
Со свистом, словно стая птиц,
Калмыцких стрел пернатых рой
Слетает на песок степной.

Саркопцы в город не вошли,
Сломать ограду не смогли.
Остановившись до поры,
Они раскинули шатры,
Решили крепость осаждать
И способ, чтоб войти, искать.

Когда закрыла землю мгла,
К ограде Гуляим пришла,
Присела, голову склонив,
К ограде ухо приложив,
И слушает... А за стеной
Протяжный, жалобный такой
Иль ручеек в камнях журчит,
Иль голос плачущий звучит.
Узнав тот голос, вместе с ним
Рыдает пери Гуляим.
А ручеек слышней журчит,
А голос явственней звучит:

— Ой, гусь с просторов Айдын-куль,
С родного озера, вспорхни,
Над нашей черною тюрьмой
Крылами белыми взмахни!

Ой, слезы горькие бегут,
А дни идут, идут, идут...
Ой, цепи тяжкие гремят,
А дни летят, летят, летят...

Прижавшись телом всем к стене,
Как в ураган на крутизне
Травинка средь гранитных плит,
В рыданиях Гуляим дрожит:
То голос матери родной,
То мать томится за стеной...

Бессилья слезы солонь,
Колочей горечи полнь.
Когда они терзают грудь,
Не в силах человек вздохнуть;
Когда они в глазах кипят,
Глаза тускнеют, не глядят.
И каждый, кто хотя б на миг
Несчастье этих слез постиг, —
Навек разучится рыдать,
Чтоб никогда уж не узнать,
Как тяжела, как солонь
Слезь бессильная одна.

Пред Гульаим стоит тюрьма,
Ее гнетет и давит тьма.
И вдруг из темноты ночной
Ей голос слышится живой:

— Отрада сердца Гульаим!
Зачем, унынием своим
Отягчена, рыдаешь ты?
Иль сил своих не знаешь ты?

Чем шире сердцем человек,
Тем он трудней живет свой век,
Тем больше славных дел пред ним,
Тем больше он людьми любим.
Возлюбленная, посмотри:
Уж недалеко до зари.
С зарею в крепость мы войдем,
Твердыни вражьи разобьем!

И голос слышится другой:
— Ты не одна — друзья с тобой.
На спутников своих взгляни,
Очами смелыми сверкни.
Ведь с сотворения земли,
В глуби веков, в седой дали,
Всегда богатырей судьба —
Скитанья, подвиги, борьба!

Моя подруга! Посмотри —
Уж недалеко до зари.
С зарей мечи мы обнажим,
Родной народ освободим.

Аим открыла звезды глаз —
Пред ней Арслан и Сарбиназ.
Ей стыдно за унынья миг,
За слез пролившийся родник.
Она печаль превозмогла,
Героям руку подала,
И к ним из крепости ночной
Донесся вдруг напев такой:

— Пой, мой дутар, рыдай и пой
О стороне своей родной,
Чтоб вспомнили отчизну мы
В тюрьме глухой, в стране чужой.

Здесь желтая луна встает,
Здесь серая полынь цветет,
Здесь обездоленный народ
От плена избавленья ждет.
И нету на земле на всей
Таких темниц, таких цепей,
Чтоб наше мужество убить,
Поработить богатырей!

Родная песня из тюрьмы
Возникла средь полночной тьмы.
Она летит, зари светлей,
Встречает трех богатырей.
И тихо говорит Арслан:
— О нет! Не сломлен великан!
Покуда песни наш народ
На языке родном поет,
Он, даже скованный, могуч,
Он от тюрьмы имеет ключ!

* * *

А между тем в тюрьме одной
Саркопский юноша седой

С отрядом храбрых от оков
Освобождает земляков.
Освободившись, земляки
Сломали на дверях замки
И, стражников своих убив,
Темницу в крепость превратив,
Встречают ханских слуг стрелой,
Мечом, кипящею смолой.
Мушкиля жители меж тем
Сочувствовали смелым тем:
Кто в крепость хлеб тайком несет,
Кто бурдюки с водой везет,
Кто лук, кто меч подарит им,
Кто сам придет с мечом своим.

Однажды в город весть пришла,
Что Гульаим уже дошла
До города, в степи стоит,
Ворота тяжкие дробит.
Тогда решили бунтари,
Не дожидаяся зари,
Коней взнуздав, мечи подняв,
Мечей нет — камни в руки взяв,
С войсками хана в бой вступить,
Ворота крепости открыть.

О, пусть подобная луне
На сером в яблоках коне
Приедет Гульаим сюда!
Она для Суртайши — беда,
Для бедняков она — оплот.
Откроем перед нею вход!
Но, выйдя из толпы, сказал
Один столетний аксакал:

— Друзья мои, мои друзья!
Хочу совет подать вам я:
Есть правило, что сгоряча
Не надо вынимать меча.
Стрелков мы ханских не сразим,
Лишь бросимся на пики к ним,

А исполинских тех ворот
Ни меч, ни пика не пробьет.
Народ — строитель тех ворот,
Секрет их где-нибудь живет.
Совет мой: отыскать ключи,
А после обнажить мечи!

Еще скажу, друзья: в одном
Глубоком склепе потайном
Сидит, тоскуя по родным,
Мать богатырши Гуляим.
Все говорят — она мудра,
Все говорят — она добра.
Давайте башню ту возьмем,
Тюремных стражников уьем,
Освободим седую мать.
Она нам будет помогать.

* * *

К тюремной башне угловой
Ползут они во тьме ночной.
И, стражников передувив
И дверь скрипучую открыв,
По шаткой лестнице сырой
Идут джигиты под землей.
Так узницу они нашли...
Увидев огонек вдали,
В цепях стальных не в силах встать,
Ползет во тьме седая мать.
Оковы тяжкие разбив,
От плена мать освободив,
Идут джигиты вместе с ней
На белый свет, к толпе людей.

И вот над замершей толпой
Едва стоит седая мать.
От ветра заслонясь рукой,
Вокруг глядит седая мать,
Рассветом белым над землей
В слезах дрожит седая мать.

Расколота над головой
Зловещей тучи чернота,

Освобожденной синевою
Над ней блистает высота,
Земля сверкает под ногой,
Одета в яркие цвета.

И лето с зорькой золотой
И степи перед ней шумят,
И с милой стороны родной
К ней гуси-лебеди летят,
И люди все наперебой
Ей о событиях говорят.

Став от волненья молодой,
На всех глядит седая мать,
Любовью спасена людской,
Благодарит седая мать.
И людям в час счастливый свой
Так говорит седая мать:

— Спасибо вам, мои друзья,
Опора верная моя!
В холодной каменной тюрьме,
В подземной непроглядной тьме,
В цепях, от слез дыша едва,
Одним лишь я была жива:
Я верила душою всей
В святое мужество людей.
Я знала: будет свет во тьме,
Коль живы люди на земле!
Однажды в тишине ночной
Мне стон слышался глухой,
И я ответила ему,
Людскому голосу тому.
Два узника, две жертвы тьмы,
Сквозь стены говорили мы.

В соседнем склепе потайном,
В колодце узком и сыром,
Ученый заключен старик.
Он написал немало книг,
И даже в темном склепе том
Перед таинственным огнем

Гвоздем по камню пишет он,
Наукой только дышит он.

Друзья, старик ученый гот
И выдумал секрет ворот.
А нечестивец Суртайша —
Будь проклята его душа! —
Под землю старца заточил,
Чтоб он секрет вам не открыл.

Скажите старику тому,
Что я послала вас к нему.
Освободите мудреца,
Сотрите пыль с его лица,
И он, строитель тех ворот,
Ключи вторые вам скует.

* * *

И под покровом черных туч
По выступам гранитных круч
Ползут две тени — два гонца
Спешат в темницу мудреца.
Конец веревки опустив,
Другой к граниту прикрепив,
Спустились по веревке той
Они в колодец потайной.
А в глубине, в холодной мгле,
Как старый коршун на скале,
Мудрец, ссутулившись, сидит,
Железом по стене стучит,
И письменами вся стена
Тюремная испещрена.
Пред старцем камешек лежит,
И, как светильник, он горит,
И борется с подземной тьмой
Светильник каменный живой.
А старец? О, несчастный вид!
Он худ, он черен, как гранит,
В кудрях не видно седины —
От пыли каменной черны.
Как мех кузнечный, дышит он,
Не уставая пишет он.

Из-под насупленных бровей
Сверкают молнии очей.
Закроют веки пламень глаз —
И камешка огонь погас.
А снова старец поглядит —
И снова камешек горит.

Джигиты к старцу подошли,
Приветствия произнесли,
А тот — не слышит, не глядит.
Всё письма свои чертит.
Писал, писал и наконец,
Закончив долгий труд, мудрец
Рассказ джигитов услышал,
И так в ответ им он сказал:

— Я знал про вас, мои друзья.
В тюрьме для вас работал я
И потому не умирал,
Что вашего прихода ждал.

Хан Суртайша — народа враг,
Всего людского рода враг.
Он путь учености благой
Гранитной преградил горой.
Всех мудрецов он изловил
И в подземелья посадил.

А я и под землей живу —
Пишу десятую главу
Великой книги «Вахт-намэ»¹.
Она рождается во тьме,
И до людей дойдет она,
И землю потрясет она,
Землетрясеньем загремит
И зло земное сокрушит.

Во весь свой рост ученый встал,
Светильник каменный он взял,
Костлявой узкою рукой
Скалы коснулся вековой.

---

¹ «Вахт-намэ» — «Книга времени».

И словно ожил тот гранит,
Кривыми знаками изрыт.
И книги каменной слова,
Задвигавшись едва-едва,
Вдруг заструились от руки
Ученого, как ручейки,
Дробя гранит, сжигая тьму,
Стремясь к народу своему.

Мудрец сказал: — Да, тех ворот
Ни меч, ни пика не пробьет.
Секрет ворот известен мне,
И здесь, в подземной глубине,
Могу расплавить я мечи
И выковать для вас ключи.
Но сторожит тот вход злодей
С ордой военной своей.
Вам силы той не победить
И те ворота не открыть.
Друзья мои! Внемлите мне:
В закатной солнца стороне
Есть в эту крепость вход другой,
Он скрыт глубоко под землей.
Там тоже медная стена
С воротами из чугуна.
Для тех ворот, для тех дверей
Есть триста шестьдесят ключей.
Ключи я эти вам дарю,
Свободу, дети, вам дарю!

И вот тропюю потайной
Джигиты и мудрец седой
Идут к товарищам своим,
Несут ключи спасенья им.
По кручам юноши скользят,
Вокруг внимательно глядят.
Старик идет по гребню гор,
От звезд не отрывая взор.
В его глазах лучи блестят,
В его руках ключи звенят.

Вдруг — шум и стрел свистящий рой
Навстречу им из тьмы ночной.
И сразу оба удалца
Собой закрыли мудреца.
А тот чуть слышно говорит:
— Я ранен... кровь струей бежит...
Хан Суртайша про нас узнал,
За нами воинов послал.
Берите, юноши, ключи,
Ползите, спрятавшись в ночи...
Вы молоды, вам жить и жить,
Ворота к воле вам открыты!
А я уже свой прожил срок,
А я уже свершил, что мог.
Окончен труд ученый мой
Не точкой — вражеской стрелой!
Идите, дети, добрый путь!

Он голову склонил на грудь.
А недруги уже близки,
Уж слышно, как звенят клинки...
И молодой джигит один,
Отважного Саркопа сын,
Ключи товарищу дает.
— Беги! — велит ему. И тот
Сокрылся тенью в тьме ночной...
А первый молодой герой
Меч богатырский обнажил,
Собой товарища прикрыл,
Рванулся прямо на врагов,
На смерть, на острия клинков.
Он жертвой за свободу пал,
А старец в плен к врагам попал.

Как Суртайша терзал его,
Как Суртайша пытал его!
Он сам железо раскалял,
Живое тело в клочья рвал,
Он очи выколол ему,
Седому мудрецу тому.

Так умер старый человек,
Что изучал течение рек,

Движенье звезд, пути Земли,
Сокрытые в седой дали...
Он умер, хану не сказав
О том, что средь кустов и трав
Тропинкой крадется джигит
И на груди ключи хранит.
Он сохранит их и дойдет —
И людям волю принесет!

* * *

Пришел джигит к друзьям своим,
Вручил ключи стальные им.
Слез не стирая с жарких глаз,
О старце он повел рассказ,
О книге каменной в земле,
О друге, что погиб во мгле,
О новом ходе потайном,
Что им указан мудрецом.

Сурово головы склонив,
Мечи кривые обнажив,
Клянутся люди отомстить —
Иль умереть, иль победить.
И вторят грозной клятве той
Весь в звездах небосвод ночной,
Земной разбуженный простор,
И волны рек, и камни гор!

Мать богатырши Гульаим
Советует друзьям своим
Бумажный змей соорудить,
На нем тот вход изобразить
И выпустить в тиши ночной
Тот змей над крепостной стеной.

Варрак¹ — шумящее письмо,
К богатырям лети само!
Богатыри тебя прочтут —
На помощь к пленникам придут.
А мы навстречу к ним пойдем,

---

¹ Варрак — лист бумаги; здесь: бумажный змей.

Ключами двери отопрем.
И силы мы соединим
И вместе хана победим!

О мой дутар, поведай быль,
Что среди города Мушкиль,
Средь ханской крепости большой,
Есть крепость, бывшая тюрьмой.
Костер возмездья в ней зажжен,
И виден он со всех сторон.
Вокруг костра стоит народ
И против хана бой ведет,

Песня шестнадцатая

ад медной крепостной стеной
Зари сиянье золотой.
Стоят на страже у зари
Саркопские богатыри.
Стоят, на пики опершись,
Глядят в безоблачную высь;
Стоят и думают, как быть,
Как эту крепость сокрушить.

Стоят... А толк какой стоять?
Не спят... А толк какой не спать?
Всё думают... А думать что ж,
Ведь крепость думой не возьмешь!

И вдруг над самой головой,
Как будто белый гусь степной,
Варрак — бумажный змей — кружит,
«Варр-рак, варр-рак», кружась, шуршит.
Арслан на цыпочки привстал,
Варрак рукою он поймал
И вскрикнул: — Ах, дошло само
Народа пленного письмо! —
И над известьем дорогим
Они склонились с Гуляим,
Читают: «В полдень, в самый час,
Когда идут творить намаз ¹,
По солнцу путь держите вы,
И крепость обойдите вы.
Увидев на пути тугай,
Его пройдя из края в край,
Найдите дерево одно —
Грозой расщеплено оно.
От дерева вокруг скалы
Идите в сторону кыблы ².
Там башня. А под башней той —
Вход в нашу крепость потайной.
Что дальше — вам самим узнать...
Мы вас у входа будем ждать».

Обрадовавшись, Гуляим
Велит соратницам своим
Шатры собирать, коней седлать
И наготове полдня ждать.

Как солнце медленно плывет,
Как необъятен небосвод!..
За озаренной высотой
Следит в поход готовый строй,
И обнаженные мечи

¹ Намаз — молитва.

² Кыблы — то-есть по направлению к городу Мекке (Аравия).

Обратно ввысь стремят лучи.
О, наконец-то!.. Полдень — вот!
И Гульаим знак подает.
И двинулся оживший строй
Дорогой солнца золотой —
За Гульаим вперед, вперед,
Освобождать родной народ!

Свершило солнце путь дневной
И закатилось за горой;
И месяц по небу прошел —
Он тоже за гору зашел;
И звезды яркие за ним,
Вождем сверкающим своим,
На небо синее взошли
И тоже за гору зашли.
Друзья всю крепость обошли
И башню круглую нашли;
Под сводом древней башни той
Вход им открылся потайной.
Как нелегко тот вход найти,
Так нелегко в него войти —
Извилист, узок этот вход,
Как щель, что вырывает крот.

С коня слезает тут Арслан,
Меч обнажает великан
И говорит: — Мои друзья,
Дорогу вам расчищу я.
Я жил отшельником в норе,
Я проберусь в любой горе.
А коль пути не отыщу,
По камню гору расташу.

* * *

И как ушел он, так идет.
За поворотом — поворот,
За переходом — переход.
Плечами расширял он свод;
Затылком в крышу упершись,
Плечами в стены упершись,
Арслан дорогу расчищал,

Руками гору раздвигал,
Ногами землю уминал...
Он много, мало ли шагал,
И встала перед ним стена,
И дверь в стене — из чугуна.
Арслан не знает, как тут быть,
Как дверь чугунную открыть...
Он меч свой в скважину воткнул —
Раздался скрип, разнесся гул!
И голос за стеною той
Ему послышался людской:

— Остановись, куда идешь?
Откроешь дверь — и вмиг умрешь:
Тебя я пальцем раздавлю,
Как червяка, в гору вдавлю.

Расправив богатырский стан,
Расхохотался наш Арслан:
— Ха! Если ты силач такой,
Зачем таишься за стеной?
Не бойся, двери отвори,
С кем хочешь драться — посмотри!

И отворилася она,
Литая дверь из чугуна.
Привратник перед ним предстал,
Огромный, как горы обвал.
Он полуслеп, почти оглох,
И волосы на нем, как мох,
Но так рука его сильна,
Что может раздавить слона.
Арслан, отвагою горя
И лишних слов не говоря,
За плечи старика схватил,
И в гору он его вдавил.
Гора трещит, старик хрипит;
В земле по пояс, он кричит:

— Постой, постой! Откуда ты?
Кто — человек иль чудо ты?

Меня пришел ты погубить
Иль весь народ мой истребить?
Зачем идешь? Куда идешь?
Ответь, потом меня убьешь!

И отвечает великан:
— Я из Хорезма. Я — Арслан.
Зачем тебя мне убивать,
Зачем народ твой истреблять!
На помощь к родичам своим
Пришел я вместе с Гульаим.
А враг здесь у меня один —
Хан Суртайша, твой господин! —
Привратник прохрипел седой:
— Он господин, и враг он мой —
Он моего отца убил,
Меня под землю посадил.
Он моего народа враг,
Всего людского рода враг!
Иди, Арслан, иди скорей,
Убей, Арслан, его, убей!
Я от тринадцати дверей
Тринадцать дам тебе ключей.
Ключами двери открывай
И стражников ты убивай...
А подойдешь к другим дверям —
Что дальше, угадаешь сам.

За поворотом — поворот,
За переходом — переход.
Все глубже мрак, все шире свод.
Арслан идет, идет, идет...

Достал тринадцать он ключей,
Открыл тринадцать он дверей,
И снова перед ним стена
И снова дверь из чугуна...

А той порой родной народ
Встречать богатырей идет.
За поворотом — поворот,
За дверью дверь во тьме встает.

Открыл народ рукой своей
Уж триста сорок пять дверей,
Но раздаются за спиной
И выстрелы, и крик, и вой:
Саркопцев выследив в тиши,
Идут джигиты Суртайши,
Чтоб в подземелье их поймать
И всех в потемках пострелять.

Арслан же дверь дробит мечом,
Теснит чугуном своим плечом.
Огнем горят его глаза,
Он слышит чьи-то голоса.
Ключ кто-то в двери повернул,
Дверь пред Арсланом распахнул.
Стоит Арслан, глядит Арслан —
Пред ним вооруженный стан:
И юноши и старцы тут,
К нему, счастливые, бегут.
И женщина среди них одна;
Она степенна и стройна,
И держит факел огневой
Она над головой седой.
— Эгей! — кричит Арслан тогда. —
Сюда, богатыри, сюда!
Эй, Гульаим, спеши за мной!
Встречает нас народ родной! —
Услышав этот клич, назад
Метнулся ханских слуг отряд.
А по пробитому пути,
Где можно уж с конем пройти,
Навстречу родичам своим
Пришла, как солнце, Гульаим,
С ней сорок девушек пришли,
И озарилась глубь земли.

Как в раннем детстве, вся в слезах,
В любимых матери руках,
Целуя их, прижавшись к ним,
Забыла горе Гульаим.
Ах, только тот, кто сам страдал,
Кто сам разлуку испытал

И встретился с любимым, — тот
Душою чуткою поймет,
Что нет прекрасней ничего,
Чем этой встречи торжество!
Мушкильцы повели друзей
К тюремной крепости своей.
Идут свободно бунтари,
Идут среди них богатыри.
За ними вслед бежит народ,
Благословляя их приход.
И на знакомом скакуне,
На сером в яблоках коне,
За войском едет за своим
Мать богатырши Гульяим.
А Гульяим пешком идет
И повод скакуна несет,
Румяной прислонясь щекой
К колену матери родной.
Со стороны другой Арслан
Идет, победой осиян.

* * *

Но вдруг звучит протяжный стон.
Все резче, все слышнее он.
Обеспокоенная им,
— Что это? — молвит Гульяим.
Ей говорят: — То Суртайша,
Злодейства новые верша,
Людей на площади казнит.
Он в золотом дворце сидит,
Охраной защищен своей,
А палачи казнят людей.
Здесь до сих пор хозяин он...
То с места казни слышен стон.

Вся кровь вскипела в Гульяим,
И побледнела Гульяим.
Она сказала: — Сарбиназ,
Отправься к хану ты сейчас.
Моим послом к нему езжай
И приказанье передай:
Пусть Суртайша, калмыцкий хан,

На шею привязав колчан —
Покорности военной знак, —
Ко мне сюда направит шаг.
А не захочет сдаться он,
Задумает сражаться он —
Пусть принимает нынче бой,
Единоборства ждет со мной!

Так отправляйся, Сарбиназ,
И торопись! А мы сейчас
На место казни поспешим
И пленников освободим!

Песня семнадцатая

реми, дутар, звени, дутар,
Неси народу песню в дар!
Сейчас друзей ведет певец
В мушкильский золотой дворец,
Где хан калмыцкий Суртайша
(Будь проклята его душа!)
Лежит и дремлет, пьян и хмур,
На ложе из овечьих шкур.

Перед дворцом его сейчас
Остановилась Сарбиназ.
В золотокованой броне,
На белоногом скакуне
Перед дворцом она стоит,
Грозя копьем, она кричит:

— Эгей, калмыцкий хан, вставай,
Посла саркопцев принимай!
Услышав Гульаим приказ,
Его, не медля, исполняй!

Эгей, воители пришли,
Народа мстители пришли —
Не просто девушки сюда,
А победители пришли!

Кремнями наточив мечи,
Подобны звездам мы в ночи.
Взгляни на эту руку, хан, —
Она в мозолях от камчи!

Сдавайся в плен, калмыцкий хан!
На шею привязав колчан —
Покорности военной знак, —
В саркопский отправляйся стан.

А не сдаешься — битвы жди,
На поединок выходи,
И Гульаим двуострый меч
В твоей окажется груди!

Услышав грозный голос тот,
Со шкуры Суртайша встает.
Он видит: в золотой броне,
На белоногом скакуне,
В лучах зари перед дворцом
Красавица с большим копьем.

Хан Суртайша храпит, как нар,
Из глотки извергает пар.
Он весь топорщится ежом,
Он извивается ужом.

Огромный, как пещера, рот
Он открывает и орет:

— Проезжай, девчонка!.. Мимо проезжай!
Попусту сорокой глупой не болтай!
Не пастух я нищий, чтоб меня будить, —
Хан я знаменитый! Спать мне не мешай!

— Ну что ж, — сказала Сарбиназ, —
Услышал ты вождя приказ.
А поступить как — сам решай,
Сам смерть свою ты выбирай.
Предупреждаю: смерть близка,
Погибнут все твои войска,
Погибнешь ты... Готовься к ней,
Готовься к гибели своей!

Копьем злодею погрозив
И скакуна поворотив,
Блистающая, как алмаз,
В степи исчезла Сарбиназ.
Исчезла, будто не была,
Лишь пылью хана обдала.

Назад вернувшись, Сарбиназ
Про Суртайшу ведет рассказ.
Побагровела Гульаим,
Рассвирепела Гульаим,
Вскочила на коня она!
Арслан поводья скакуна
Рукой могучею схватил
И всадницу остановил:

— Нет, Гульаим, остановись,
Пред битвою не горячись —
Хан Суртайша, как тигр, хитер,
На всякое коварство скор.
А ты держи себя в руках,
Не делай дела впопыхах,
Смири огонь в своей груди,
Что будет дальше — подожди.

— Что дальше, — вскрикнула она, —
Лишь я сама решать вольна!

Подруги! Сядьте на коней,
Взметните лезвия мечей,
Темницы растворите вы,
Людей освободите вы!
И на земле и под землей
Народ ищите пленный мой,
До одного всех земляков
Освободите от оков.

Подруги с юной Сарбиназ
Помчались выполнять приказ.
Арслан на Гульаим глядит
И ей с укором говорит:

— Девушка, прошу я — соскочи с коня,
Милая, прошу я — выслушай меня.
Почему Арслана обижаешь ты?
Холодней со мною день ты ото дня...

От всего я сердца дал тебе совет,
Почему же, слова не сказав в ответ,
К сорока подругам обратилась ты,
Будто бы Арслана и на свете нет?

Полюбил тебя я всей своей душой,
Следую повсюду тенью за тобой,
Ты же не посмотришь глаза уголком...
Если я не нужен, отпусти домой.

Не поцеловала ты меня еще,
Не склонилась нежно на мое плечо...
Если я не нужен, если не любим —
Отпусти! Люблю я слишком горячо...

Я забыл, что, глупый, на земле стою,
Что рукою месяц в небесах ловлю...
Месяц мой прекрасный! Отпусти меня,
Если безнадежно я тебя люблю.

Взглянула глаза уголком
И, нежным засияв лицом,
Как месяц с облака, сошла
Аим с высокого седла,

К Арслану медленно идет
И речь вполголоса ведет:

— Богатырь прекрасный! Ты меня прости.
Конь — и тот собьется на крутом пути...
Пропасть перед нами черная лежит.
Перейдем — и легче будет нам идти.

Если мы с тобою пропасть перейдем,
Счастье и славу родине вернем.
Если же сорвется с крутизны нога —
И костей с тобою мы не соберем.

Девушкой меня ты нынче не зови
И не говори мне о своей любви.
С родиной любимой я разлучена,
Я повсюду вижу тень отца в крови.

Я исполню клятву! Отомщу врагам,
Радость принесу я дорогим друзьям.
Мой Арслан, тебя я всей душой люблю.
Трудный долг исполнив, жизнь тебе отдам!

А в это время Суртайша
(Будь проклята его душа!),
Решив взглянуть на Гуляим,
Вдруг подъезжает прямо к ним.

Могуча, как меча удар,
Грозна, как в камышах пожар,
Разгневанная Гуляим
Стоит пред недругом своим.
Хан смотрит, страх в груди горит,
Но он хвастливо говорит:

— Впервые, пери Гуляим,
Любуюсь я лицом твоим.
Поцеловать бы мне разок
Тебя в прищуренный глазок...
Давай-ка бросим воевать,
Давай-ка миром спор решать.
Смириться женщина должна:
Ты будешь мной побеждена.

Могучи у меня войска,
Победа над тобой близка.
Так что ж тебе позора ждать
И кровь напрасно проливать?
Перед могуществом моим
Сдавайся, пери Гульаим.

И говорит ему она,
Вся выпрямившись, как струна:
— Впервые, ненавистный враг,
Твоих очей я вижу мрак.
Как ты со мной заговорил,
Ты, что мой город разорил
И степи тихие мои
В народной утопил крови!..
Убивший моего отца,
Воителя и храбреца,
Угнавший на чужбину мать,
Ты смеешь предо мной стоять!
О мире смеешь говорить,
Привыкший кровь людскую лить!

Саркопский мирный наш народ
В степях широких обитал,
Растил посевы, пас он скот,
Такой войны еще не знал;
Цвели деревья в Мевали,
И красный мак там расцветал.
Сгубил ты цвет моей земли,
Ее посевы растоптал.

Покрыта кровью и черна,
Со мною мстить пришла она!

Ты, хан, как вор, на нас напал.
На отчий край позор упал,
И кладбищем мой город стал,
Пожарищем мой город стал.
А тех, кто замертво не пал,
Ты на чужбину в плен угнал,
Детей, старух и стариков
Скрутив цепями, как рабов, —

Будь проклята твоя душа
За это, злобный Суртайша!..

Ты уж не хочешь воевать,
Ты хочешь миром спор решать?
Грабитель! Все, что взял, верни,
На золото все оцени.
Саркоп, разрушенный тобой,
Ты вновь из мрамора отстрой;
Все двери башен городских
Из слитков сделай золотых,
По обе стороны дверей
Из драгоценных ты камней
По два светильника поставь —
Их тоже золотом оправь;
Сор с улиц пыльных подмети
И плитками их замости;
В сухих садах цветы взрасти
И соловьев в сады пусти;
Саркопцев всех освободи,
На скакунов их посади
И в новый город по степям
Их проводи смиренно сам.

Не сделаешь, как я велю, —
В крови тебя я утоплю,
Разрушу город твой, твой край!
Все зло, что сделал, испытай!

Хан молвит глухо: — Я с врагом
Борюсь не словом, а мечом.
Каков я есть — таков и есть,
Но за свою поспорю честь.
Семь дней дай сроку. На восьмой
Приму я богатырский бой.

И отвечает Гуляим
Звнящим голосом своим:

— Семь дней пройдет, и на восьмой
Ты выходи на смертный бой!

И отвернулась тут она,
Вскочила гордо в стремена,

Блеснул под солнцем круглый щит,
Сверкнул песок из-под копыт.

* * *

А в подземелье потайном,
В колодце узком и сыром,
Какой-то узник заключен,
И жив еще иль умер он,
Никто не знает. Солнца свет
К нему не проникает, нет.
Лишь страж, горбатый и немой.
Тряся седою головой,
Проходит по крутой горе
И пригибается к норе.
И узнику лишь раз в семь дней
Спускает он рукой своей
С водой и пищею аркан.
Кто этот узник? Отбаскан!

Он испытал, что значит тьма,
Сходил, но не сошел с ума,
От голода он умирал,
Обедом крошку хлеба звал,
От холода он замерзал
И солнцем тень луча считал;
От жажды грудь изнемогла —
И капля пиршеством была.
В холодный камень заключен,
Казалось, с камнем слился он.
Но в сердце каменном кремня
Таится жаркий блеск огня,
И Отбаскан живет во тьме,
В подземной каменной тюрьме,
Цепями ржавыми стучит
И сам с собою говорит:

— Пусть надо мной нависла тень, —
Чем гуще мрак, тем ближе день:
Не может солнце не взойти,
Не может утро не прийти!
Хан Суртайша, перед тобой
Я не склоняюсь головой!

Пусть я в плену, закован я,
Опора мне — мои друзья!
Пусть я умру в тюрьме, во мгле,
Они на воле — на земле!
Пусть горсткой праха стану я,
Не сдамся стае воронья.
Друзья укроют прах землей,
Друзья с тираном примут бой.
Эй, хан, они тебя убьют,
Твои темницы разнесут!
Не буду мертв я! Среди них
Одним я буду из живых!

А Сарбиназ идет горой
И слышит голос под собой.
Тот голос, как подземный гул,
Вершину горную встряхнул,
Песок по камню закружил
И Сарбиназ остановил.
Волненья жаркого полна,
Подземный ход нашла она.
Скалу от входа отвалив,
Колодец каменный открыв,
В него спускается. И вот
Пред нею Отбаскан встает.
Он жив, но словно неживой.
Цепь свившейся в кольцо змеей
На шее высохшей висит,
Цепь на ногах его гремит.
Босые ноги не стоят,
На солнце очи не глядят.
В лицо он девушке глядит
И медленно ей говорит:

— По весне с далеких голубых озер
Гуси прилетают и шумит простор.
Солнечного света, воздуха струя
Наконец проникли в недра этих гор.

Сарбиназ! Явилась ты ко мне сейчас —
Сабля из алмаза, и сама алмаз...
Будь благословенен светлый твой приход,
Будь жива-здорова, пери Сарбиназ!

Пред Сарбиназ стоит герой!
Непокоренной красотой
Взор впалых глаз его горит...
И Сарбиназ так говорит:

— Ржавыми цепями твой закован стан,
Но врагам не сдался гордый великан,
Не склонил пред ними головы своей.
Будь здоров и славен, брат мой Отбаскан!

Протяни мне руку, богатырь, свою,
Я твои оковы саблей разобью.
Выходи на волю, славный Отбаскан,
Возвратим тебе мы родину твою!

Нагнулась Сарбиназ к цепям,
Разорвала их пополам,
За плечи юношу взяла,
Наверх, на волю повела.
Умыла свежеею водой,
В наряд одела боевой,
Сама кольчугу поднесла
И саблю другу подала.

И обнялись богатыри,
И поклялись богатыри
В любви и верности большой —
В великой дружбе боевой.

* * *

Когда настал полдневный час,
То солнце скрылось из глаз.

То бури были облака
Иль черной пыли облака!

Они, сближаясь с двух сторон,
Собой закрыли небосклон.

Навстречу саблям — сабель строй
Сверкнул серебряной рекой,

Блеснули лезвия лучей,
Блеснули лезвия мечей,

Они скрестились... Грянул бой,
Качнулось небо над землей.

Снег с неба хлопьями упал,
Он сделался от крови ал.

И этот снег, впитавший кровь,
К вершинам гор взметнулся вновь.

И пошатнулась тут земля,
У неба помощи моля:

Не ядра — головы людей
Летят по воздуху над ней.

Мечи щербатые скрипят,
А кони пятятся назад,

И ужас в их глазах застыл,
И пена падает с удил.

Им некуда ступить ногой —
Повсюду мертвецы горой.

Но впереди своих полков
Летит, разя мечом врагов,
Топча врагов конем своим,
Душа победы — Гульаим.

Могучий богатырь Арслан
Идет пред войском, как таран,

То в небо он врага швырнет,
То в землю, словно кол, вобьет.

А Сарбиназ гремит мечом
Над полем, как небесный гром.

А знаменитый наш храбрец,
Саркопа славного кузнец —
Прекрасный Отбаскан в бою
Свободу празднует свою.
За слезы женщин и детей,
За смерть родных богатырей,

За горести, каких не счесть,
Вершит он праведную месть.

За Гуляим вослед идет
В сраженье весь простой народ.
За ней не только земляки —
За ней страны той бедняки:
Они, на Суртайшу восстав,
Мечи и пики в руки взяв,
С тираном-ханом бой вели
За счастье своей земли.

Кто эту дружбу сокрушит,
Пред этой силой устоит?
Никто! И Суртайши звезда
Погаснет скоро навсегда!

* * *

Семь дней отсрочки не прождав,
Исподтишка войну начав,
Ярится злобный Суртайша
(Будь проклята его душа!)
Всю силу озверелых орд
Он бросил на простой народ.

Но девять страшных дней прошло,
И счастье Суртайши ушло
С пролитой кровью в глубь земли.
А силы Гуляим росли —
Со всех кочевок и степей
Простой народ стекался к ней.

* * *

И на десятый битвы день,
Чуть прояснилась ночи тень,
Пред станом выехав чужим,
Провозгласила Гуляим:

— Конец войны! Конец войны!
Победа нашей стороны!
А не согласен кто со мной —
Пусть примет богатырский бой.

Откроем бой богатырей,
Единоборство силачей.

Вставала желтая заря,
Роняла зерна янтаря.
И в тишине хрустят шаги —
То расступаются враги.
Вся площадь освобождена,
Песком посыпана она,
Просторна, словно небосклон...
Войска враждебных двух сторон,
Разбившись надвое, стоят,
На силачей своих глядят.
Пред первым войском — Гульяим,
Хан Суртайша — перед вторым.

Вот солнце в красный бубен бьет,
На площадь богатырь идет,
Мушкильский чудо-великан
Выходит первым на майдан.
Назвать горой его нельзя,
Он семигорьем был, друзья:
На две горы крутые ног
Горою туловища лег;
Не руки — горных два хребта
Держали гору живота;
И голова его была,
Как лысая гора, гола.
И волосата грудь его
Была до горла самого.
Он темнокрасен был лицом,
Ах, он ужасен был лицом!
Глаза, как грязные кырма¹,
Одни могли свести с ума.
А на запястьях красных рук
Звенят бубенчики вокруг...
Такой страшила-великан
Бороться вышел на майдан.
Он кружит по песку, как волк,
Два войска смотрят на него.

---

¹ Кырма — круглый скребок для очистки котлов.

В саркопском войске — тишина,
В мушкильском — похвальба слышна.

Тогда выходит на майдан
Хорезмский богатырь Арслан.
Вот он пред чудищем стоит,
С презреньем на него глядит.
Прекрасен богатырь Арслан,
Могуч его высокий стан.
Под полукружьями бровей —
Два солнца черные очей,
На коже загорелых щек —
Легчайший бронзовый пушок.
Под глазом родинка видна,
И бархатиста и черна,
А кудри — ночи небеса.
Народа древнего краса,
Хорезма удаль вышла в бой
С косматой нечистью земной.

Как беркуты, враги хрипят,
Схватить друг друга норовят.
Взмахнул ручищей великан,
Но увернулся вдруг Арслан,
И чудище ударил он —
Тут покачнулся небосклон,
Потрескалась земля вокруг...
Враги прошли, сцепившись, круг,
И потащил врага Арслан,
Свалил, убил врага Арслан.

Войска мушкильские молчат,
Саркопские — хвалу кричат.

Вот солнце в желтый бубен бьет,
Вот богатырь еще идет.
Идет хозяин черных гор —
Непобедимый дэв¹ Қанхор,
Тот, что владеет силой сил,
Что дэвов шестьдесят свалил.

---

¹ Дэв — злой дух.

Как зверь, от головы до пят
Он был щетинист, был лохмат.
Не шерсть росла на нем, а лес,
Нечистый сброд оттуда лез,
И своры дикие волков
Сновали меж его усов.
Когда он пасть приоткрывал —
В лес бороды волков сгонял,
А клык его — в шесть четвертей! —
Пугал животных и людей.
Вот дэв какой, урод какой
На богатырский вышел бой!

Кто сладит с чудищем таким?
Кто выйдет на сражение с ним?

В саркопском войске тишина,
В мушкильском — похвальба слышна!

Бьет солнце в бубен золотой —
То Отбаскан идет на бой,
Идет из храбрецов храбрец,
Саркопа славного кузнец.
Хрустят размеренно шаги,
Уже сближаются враги...
Схватились! Рук не оторвать,
Смертельной хватки не разжать.
Хрипя, не разнимая рук,
Идут они за кругом круг.
Клубится под ногами прах,
И злоба ширится в очах.
Вот чуть подался дэв Канхор,
Вот пятки в землю он упер,
Богатыря хватает он,
И вверх его кидает он...

И люди в небеса глядят,
Закинув головы стоят.

Расставил ноги дэв Канхор,
Уставил в небо мутный взор.

Как жаворонок, Отбаскан
Сокрылся в облачный туман.

Весь облетел он небосклон,
И грохнулся на землю он.

И словно свет сокрыла тьма,
На землю вдруг пришла зима,
Сады осыпались кругом,
Задержались потоки льдом.
Не поднимают люди век...
И Сарбиназ, бела как снег,
Как первый снег — предвестник зим,
Упала перед Гульаим.
Она склонилась до земли,
Сказала: — В бой меня пошли! —
Та разрешение дала,
И словно прояснилась мгла.

Бьет солнце в белый бубен свой —
Выходит Сарбиназ на бой,
Канхора-дэва в бой зовет,
И тот навстречу ей идет.

Народ в преданьях сохранил,
Как этот бой происходил,
Как лапы черные простер
Навстречу Сарбиназ Канхор,
Как твердых рук своих алмаз
К врагу простерла Сарбиназ
И, первой сделав три шага,
Схватила за спину врага.

Сошлись богатыри, сошлись,
Друг другу в позвонки впились,
Один другому кости мнет,
Один другому спину гнет
И норовят сломать хребты,
Окончить бой до темноты.

Но ночью, так же как и днем,
Они стояли на своем.
И ночь, собравши звезд родню,
Дорогу уступила дню.
У дня струится пот со лба,

Но все же кончена борьба —
Ведут борцы смертельный бой...
Земля под каждою пятой
Вдавилась, трещины пошли
По телу черному земли.
Три дня, три вечности, прошло,
А на четвертый — рассвело,
И сила новая влилась
В грудь богатырши Сарбиназ.
Она, не разнимая рук,
Противника тряхнула вдруг
И от земли оторвала
И над собою подняла.
Свой пыл теряет дэв Канхор,
Ослабеваеи дэв Канхор,
А Сарбиназ его берет
И головой об камень бьет.
Тут череп дэва затрещал,
Цветок в саду его завял,
У дэва вытекла слеза
И выскочили вон глаза.
А Сарбиназ стоит с мечом
Над издыхающим врагом.

Тут Суртайша, кровавый хан,
Сам выезжает на майдан.
Он, рот разинувши, орет,
На битву Гуляим зовет.

Не испугалась Гуляим,
Не отказалась Гуляим.
На знаменитом скакуне,
На сером в яблоках коне,
Она подъехала к нему,
Врагу сказала своему:

— Хан Суртайша, что сжег мой край!
Сам смерть свою ты выбирай:
Ты предпочтенье дашь стреле,
Чтоб пригвоздить тебя к земле,
Иль выберешь двуострый меч,
Чтоб голову тебе отсечь? —

Сейчас бы Суртайше понять,
Что с ней не стоит воевать,
Но он упрям был и силен,
Мечи для битвы выбрал он.

Он поясицу повязал,
С меча кривого пыль слизал,
Рубиться вышел на майдан
Спесивый кривоглазый хан.

А богатырша Гуляим,
Мечом саркопским боевым
Прорезав неба высоту,
Убив ворону на лету,
Уже стоит перед врагом,
Уже грозит ему мечом.

Скрестились острые мечи,
Как два самума горячи.
Как ласточки, они быстры,
Как лисы старые, хитры.

Шумит сражение, как пожар.
Удар ложится на удар —
И треск стоит, и лязг, и гром,
И искры сыплются кругом,
И вспышки солнечных лучей
Горят на лезвиях мечей...

Вот наступает Гуляим,
Но Суртайша неколебим.
Хан наступает, но она
Не менее его сильна.

Рубились так богатыри
Три долгих дня и ночи три.
Щербины уж на их мечах,
Как на иззубренных серпах,
А все неясно, чья возьмет,
Каков сражения исход.
Вдруг гулко хрустнули мечи —
Их поломали силачи.

Такого Суртайша не ждал.
Он цепь на пояс повязал
И, подготовившись к борьбе,
Пошел по глинистой тропе.
Трудна для юной Гульаим
Борьба с чудовищем таким,
Но, беспощадна и смела,
Она все силы собрала.
В далекий край она глядит,
Она неслышно говорит:

— Моя далекая земля!
К тебе сейчас взываю я.
Наполни сердце мне огнем
И помоги в бою с врагом!

Моя бурливая река!
Блесни волной издавека,
Свои все силы напруги,
В бою с врагом мне помоги!

Мои погибшие друзья!
За вашу честь сражаюсь я.
Пусть ваша сила оживет,
В мои пусть руки перейдет!

Отец мой! На меня взгляни,
Сейчас мне руку протяни.
В бою последнем, роковом
Даруй победу над врагом!

Пошли противники, сошлись,
За пояса они взялись,
И руки каждого борца —
Как два чугунные кольца.
Борясь, качаются они,
С мест не сдвигаются они,
Но все тесней обхват руки,
Все уже по полю круги.
Шесть дней прошло, а на седьмой
Хан Суртайша кончает бой:
Он тяжело на пятки встал,
Аим от глины оторвал,

На пальцев кончиках держа,
Перед собой ее кружа,
Толкает правою рукой,
Бросает в небо над собой!
Тут вздрогнул синий небосвод,
От ужаса застыл народ...

А Гуляим назад летит,
Как птица в воздухе кружит.
Крылами руки протянув,
Лебяжью шею повернув,
Она спускается. И вот —
Живая, на ноги встает,
Встает она пред Суртайшой.
— Нет, — говорит, — не кончен бой!

Хан Суртайша разинул рот,
Как бешеный верблюд, ревет:
— Эй, кто ты — женщина иль дэв?
Как уцелела, вверх взлетев?
Ты дэв, ты чудо-богатырь,
Но мне степей подвластна ширь.
С тобой ее не разделю,
Тебя, как мышку, раздавлю!

И, как кузнечный мех дыша,
Раскинул руки Суртайша.
Сомкнул он рук своих кольцо,
Надул он наглое лицо,
Всем весом навалясь своим
На богатыршу Гуляим.

Но сколько он ни нападал,
Но сколько сил ни набирал,
Она узнать ему дала
Про богатырские дела!
Она его приподняла
И от земли оторвала,
На пальцев кончики взяла
И перед войском пронесла
И, покруживши над собой,
Швырнула оземь головой.

Так хан кровавый Суртайша
(Будь проклята его душа,
Проклятье всем его делам!)
Все испытал, что делал сам.
Злодей, что сеял смерть и страх,
В ничтожный превратился прах.

На сером в яблоках коне,
На тонконогом скакуне,
Мечом сверкая боевым,
Пред войском едет Гуляим.

* * *

Войска саркопские пошли
С боями в глубь чужой земли,
За горы Кара-Тау, вдаль,
К калмыцкой крепости Кашаль.
Разбили падишаха трон,
Установили свой закон.
Темницы растворили там,
Людей освободили там,
Все золото, все серебро,
Все падишахское добро
Они раздали беднякам.
Довольны стали люди там,
И славной Гуляим хвала
Из края в край земли текла:

«Ой, стоит большая крепость на горе,
Как алмаз, блистает в лунном серебре.
Крепости хозяйка, пери Гуляим,
Хороша, как белый розан на заре.

Сорок смелых сверстниц вместе с ней живут,
Косы заплетают и мечи куют.
Сорок чернооких девушек-подруг
На горе высокой песенки поют.

Хороши их очи, косы хороши,
Родинки на лицах — радость для души.
Богатырской силой девушки слывут —
Свергнули тиранство хана Суртайши.

Ой, стоит большая крепость на горе,
Как алмаз, блистает в лунном серебре.
Крепости хозяйка, пери Гульаим,
Хороша, как белый рѳзан на заре».

* * *

Над горной крепостью Кашаль
Плывет луна в ночную даль,
И соловьи в саду поют,
И розы летние цветут.

Кругом покой и тишина,
Но не стоит в тиши луна —
Светить повсюду нужно ей,
Идти дорогою своей.
Прекрасен этот тихий сад,
Но путь прекраснее стократ.

В саду том Гульаим сидит,
Она вослед луне глядит.
Она молчит, и все сильнее
Тоска сжимает сердце ей.
Подходит к девушке Арслан,
И молвит тихо великан:

— Этот сад прекрасен — что же ты грустна?
Чем ты недовольна? Отчего бледна?
Поделись со мною думою своей —
Перестанет сердце тяготить она.

А Гульаим в ответ молчит
И на Арслана не глядит —
Следит, как звезды чередой
Плывут за белою луной,
Как проплывают облака
По небу синему слегка.
Но говорит Арслан опять,
Стремясь волнение сдержать:

— Что ж ты обижаешь друга, Гульаим?
Иль ты только в битве подруга, Гульаим?
Почему не хочешь душу мне открыть?
Иль трудна такая услуга, Гульаим?

И поднялась с земли она,
Как тополь молодой стройна,
Отбросив косы за плечо,
Заговорила горячо:

— Этот сад прекрасный для меня чужой,
Я истосковалась по земле родной.
К дальнему Саркопу, в милый Туркестан
Я стремлюсь отсюда жаркою душой.

Вот уж год и десять месяцев прошло,
Как в краю родимом села я в седло.
Мы недаром гнали боевых коней —
К нам пришла победа, счастье пришло.

Посмотри, к Саркопу движется луна,
Мрак и запустенье там найдет она.
Я должна родную землю возродить,
Чтоб счастливой стала милая страна!

...Луна за край земли зашла,
А ночь и без луны светла.
Костры веселые горят,
Подруги вокруг костров сидят.
Все рады радостью одной —
Пред ними путь к стране родной.

* * *

Наутро в крепости Кашаль,
Чуть солнце озарило даль,
На площадь главную, на сход,
Собрался весь простой народ.
Джигиты-храбрецы пришли,
Их матери, отцы пришли.
И старых всех и молодых —
Всех Гульаим созвала их
Совет держать, дела решать,
В поход саркопцев провожать.
Глубокой думою полна,
Так людям молвила она:

— О народ, живущий в крепости Кашаль,
О народ, с которым расставаться жаль!
Доброго совета твоего прошу,
Прежде чем уехать в путь, в степную даль.

На мою отчизну — милый Туркестан —
Ринулся с войсками Суртайша, ваш хан.
Он селенья наши в пепел обратил
И увел в неволю пленных караван.

Над могилой отчей поклялась я мстить
Суртайшу своею саблей поразить,
Отомстить за горе родины своей
И народ родимый свой освободить.

Люди! Вы видали, как в большом бою
Выполняла клятву Гуляим свою.
Свергла я тирана, злого Суртайшу,
Зажили спокойно вы в своем краю.

А теперь уехать мне пришла пора...
Если вы хотите, люди, мне добра,
Разрешите ехать мне в родной Саркоп!
В путь хочу собраться завтра же с утра.

Тут заволновался, зашумел народ,
Все заговорили — вместе и вразброд:
— Вождь наш благородный! Нас не оставляй!
Если хочешь ехать, нас возьми в поход.

Нас освободила от тирана ты,
И в душе народа расцвели цветы.
Те, кто увидали хоть в полглаза свет,
Больше не вернутся в царство темноты.

Если ты уедешь, снова хан любой
Над народом нашим учинит разбой.
Нет, на произвол ты нас не оставляй,
Все тебя мы просим — нас возьми с собой!

— Да будет так! — сказала им
В ответ на просьбу Гуляим. —
Но помните, что путь тяжел,
Что край мой разорен и гол,
Что край, разрушенный войной,
Трудолюбивою рукой
Должны мы к жизни возродить,
В цветник весенний превратить.

Большая нас забота ждет,
Большая нас работа ждет.
Лишь тот, кто к подвигу готов,
Кто не пугается трудов,
Борьбы, лишений, — пусть лишь тот
Под знаменем моим идет!

Сверкает солнце сквозь туман,
Гремит походный барабан,
Кричит раскатисто карнай,
Звенит торжественно сурнай.
И блеск щитов и шелк знамен
К степному небу вознесен.
И Гуляим ведет свой стан
В страну родную, в Туркестан.

* * *

Дни-ночи ехали они,
В свой край приехали они.
С верблюдов слезли и с коней,
Идут просторами степей.
К родной земле лицо склонив,
Ее слезами оросив,
Чуть слышно молвит Гуляим:
— Земля моя! К степям твоим,
В родные, отчие края
С победою вернулась я.
Окончен бой. Я здесь опять,
Опять с тобой, отчизна-мать!
Всю жизнь тебе я посвящу,
В сады пустыню превращу!

Идут саркопцы по своим
Степям весенним и родным.
Навстречу им в слезах бегут
Те люди, что остались тут.
Тут дочь приветствует отца,
Старик — джигита-храбреца,
Там прижимает мать детей
К измученной груди своей...

О, сколько возгласов вокруг,
Счастливых слез и добрых рук!
О, возвращенья торжество!
Как передать в словах его?

Запой в руках певца, дутар,
На помощь мне, певучий дар!
Пусть там, где не хватает слов,
Струна, звончее соловьев,
Поет про счастье людей,
Вернувшихся к земле своей!

И возвышаются вдали
Крутые стены Мевали.
Намел барханы вихрь степной,
Арыки заросли травой.
Аим к воротам подошла,
Замок тяжелый отперла,
И девушки за ней вошли
В родную крепость Мевали.
И стали жить да поживать,
Да к силе силу прибавлять.

* * *

И только здесь, в краю родном,
Блистая радостным лицом,
Как лалом, что румяней роз,
В оправе чернокудрых кос,
Людей собрала Гульаим
И молвила о свадьбе им.

У хауза¹ сошла она
С породистого скакуна,
С Арсланом рядышком стоит
И так народу говорит:

— Твоего совета я прошу, народ!
Коль победой нашей кончился поход,
Коль весна настала, — пламенный тюльпан
Разве на равнине вешней не цветет?

---

¹ Хауз — водоем.

Богатырь Арслан нам в битве помогал,
Кровь врагов он наших грозно проливал.
Сорок моих сверстниц это подтвердят —
Гордостью он наши души наполнял.

О народ! Сокрыта тайна здесь моя:
Богатырь тот — месяц, звездочка лишь — я...
Если разрешите, спутницей ему
Стану я, желанье сердца утоля.

Доволен девушкой народ,
Такой совет он ей дает:

— Коль весна настанет — расцветет тюльпан.
Коль тебя достоин богатырь Арслан,
Пусть он будет верным спутником тебе,
Пусть оберегает от врагов наш стан!

Гульаим, согласны с волей мы твоей!
Назначай ты свадьбу, приглашай гостей
И живи счастливо в Мевали родном,
Думая о благе всех простых людей.

И на лазурных небесах
Созвездья яркие взошли,
Вся даль в огнях, вся степь в цветах —
В цветах и звездах Мевали.
Все победившие в боях
На праздник в Мевали пришли,
Они на выгнутых мечах
Огни победы пронесли.

Там собрался, врагам на страх,
Народ со всей степной земли.
Богатыри там о боях,
О славе грозной речь вели.
И песня поднималась там,
Вздымалась песня к небесам
О справедливой Гульаим,
Народа дочери родной,
Непобедимой Гульаим,
Владевшей силою мужской;
О горделивой Гульаим,
Владевшей нежною душой;

Той, что прекрасна, как цветок,
Грозна, как выгнутый клинок,
Что в ласке, словно воск, мягка,
А в битве, как гранит, крепка.

Там про Арслана пел дутар —
Про сердца искреннего жар,
Которое любовь свою
И силу обрело в бою,
Про счастье любви такой,
Что закаляется борьбой.

То было ли, не знаю я,
Но песне в лад мечтаю я,
Чтоб горе горькое ушло,
Чтоб счастье светлое взошло...
О счастье! Пой сейчас со мной
Певучей самую струной,
К алмазу подбирай алмаз —
Про сорок девушек рассказ,
Про все, о чем мечтал в веках
Простой народ в глухих песках.

Песня восемнадцатая

мой дутар, запой, дутар!
Для друга песня — лучший дар
А для врага она — удар.
Пой, мой дутар, родной дутар!
Про настоящих пой людей,
Героев и богатырей,
Что жизнь народу отдают,
Для счастья родины живут.

Пропой, дутар, про их борьбу,
Про их прекрасную судьбу,
Про гордые тревоги их,
Про трудные дороги их.
Пусть голова богатырей
Ответствуют струне твоей,
Пусть сила их могучих рук
Исторгнет из дутара звук,
И станет песнь моя слышна,
И станет всем она нужна.

В высокой крепости своей
Среди испытанных друзей
Арслан и Гульаим живут.
Все радует их взоры тут:
И быстрый блеск Джаны-Дарьи,
И зорь весенних янтари,
И сад цветущий молодой
Под новорожденной луной.
Они живут в тиши садов,
Внимают песням соловьев.
Во всем согласные, они
За днями коротают дни.

Идет однажды Гульаим
Вишневым садом молодым.
Созревшей красотой полна,
Как солнце летнее она.
И сорок девушек за ней,
Как сорок солнечных лучей,
По саду тихому скользят.
Навстречу им шаги хрустят —
Тропинкою идет Арслан.
Сердит и мрачен великан,
Подруг он хочет обойти,
Чтоб снова одному идти.
Но тут дорогу перед ним
Загородила Гульаим,
Печально на него глядит,
Печально другу говорит:

— Мой Арслан! Не верю я сама себе:
Был ты верным другом в странствиях, в борьбе, —

Почему же счастьем недоволен ты?
Что еще, могучий, надобно тебе?

Если заскучал ты близ жены своей,
Подыши ветрами вольными степей.
Сядь на Актамкера, сокола возьми —
Сердцу молодому станет веселей.

Арслан седлает скакуна,
Он вскакивает в стремяна.
И сокол — на его руке,
И степь и горы — вдалеке.
Ласкает свежий ветер грудь,
Звенит покрытый галькой путь,
Стрела свистит. И снова он
Отвагой юношеской полн.

Охотился он целый день,
И сумерек спустилась тень,
И в этих сумерках Арслан
На тропке встретил караван.
— Путь добрый! — молвит он в тиши
Седому караван-баши.

Меж ними близ пустынных гор
Такой повелся разговор:

Богатырь промолвил: — Горы вижу я,
За горами теми — отчие края...
Эй, остановись ты, караван-баши!
Кто ты? Где, проезжий, родина твоя?

На чужбине дали путникам тесны,
Волны рек, как слезы, горько-солоны...
Расскажи мне, путник, повидавший свет,
Ты откуда едешь, из какой страны?

Я проехал горы, степи, города,
Но в отчизне только нам сладка вода.
С тысячью верблюдов, караван-баши,
Расскажи, откуда едешь и куда. —

Караванщик молвил: — Добрый путь, сынок.
Кто людей встречает, тот не одинок!
Из Хорезма ходит этот караван,
Падишаха кладь он возит на восток.

Падишах наш носит имя Надир-шах,
Он богат, торгует в разных он краях.
Из страны хорезмской в Туркестан идет
Караван, тобою встреченный в горах.

Тут Арслан воскликнул: — Мой земляк родной!
Как я рад, что нынче встретился с тобой...
Расскажи скорее про родной Хорезм.
Что с моей страной? Что с моей сестрой?

Надир-шах враждою окружил меня,
Стали мне тюрьмою отчие края.
Я уехал... Что же стало с Алтыной?
Что моя голубка, что сестра моя?

И ответил старец, выпрямив свой стан:
— Если ты хорезмский богатырь Арслан,
Знай: Надир разграбил милый наш Хорезм.
Вот какие вести... Слушай, великан!

Надир-шах обманом Алтыной поймал,
Белый щит руками черными сломал,
И народ наш в рабство обратил Надир
И Алтын, бедняжку, в цепи заковал.

Вот какие вести... Ждет тебя Алтын,
Пленницей скитаясь среди степных долин,
Ждет твоей защиты родина твоя,
Если богатырь ты и Хорезма сын.

Уходит встречный караван,
И вслед ему глядит Арслан.
Померкло все. Во тьме восток.
Арслан один среди дорог.

Ударивши коня камчой,
Помчался вскачь Арслан домой...

Скакал он, думал он, как быть —
Как Надир-шаху отомстить,
Спасти из плена Алтыной,
Освободить Хорезм родной.

Смятением горестным своим
Он не тревожит Гуляим,
Печали ей не выдает,
Смеется, мед душистый пьет,
Ведет приятный разговор,
А в глубине души — раздор.
Раскаянье, и боль утрат,
И ярость грудь его теснят.

Арслан всю эту ночь не спал,
Смотрел на Гуляим, молчал,
И вдруг вздохнул он. И она
В тот миг очнулась ото сна.
Поворотясь к нему слегка,
Как яблоко от ветерка,
Вдруг замечает Гуляим,
Что друг ее тоской томим.
С постели тут встает она,
Печально речь ведет она:

— Мевали воздвигла я в пятнадцать лет,
На войну ходила я в шестнадцать лет.
Одержав победу, богатырь, тебе
Сердце подарила я в семнадцать лет.

В мирном Туркестане ты живешь, Арслан,
Гуляим женою ты зовешь, Арслан..
Думала ль я раньше хоть когда-нибудь,
Что со мною рядом ты вздохнешь, Арслан!..

Если в грозной битве богатырь сражен,
Недруг торжествует, веселится он.
Может быть, другую полюбил Арслан,
Что я вздох печальный слышала сквозь сон?

Мевали воздвигла я в пятнадцать лет,
На войну ходила я в шестнадцать лет.

А перед рассветом, в мирной тишине,
Мне печаль разбила сердце в двадцать лет...

Заговорил тогда Арслан,
И вот что молвил великан:

— Не томись, подруга добрая моя.
Все, что есть на сердце, открываю я:
Отдал тебе душу богатырь Арслан,
Но души дороже отчие края.

Мой Хорезм родимый без меня скорбит,
Алтыной оковы по степям влачит.
В нищете и рабстве родина моя.
Я смеюсь, а в сердце плач ее звучит.

Обижать людей я шаху не давал,
Защищал я бедных, слабых защищал.
А когда удар мне Надир-шах нанес,
А когда из дому прочь я ускакал,

Кызыл-баши¹ отчий захватили край,
В мрак и запустенье превратили рай...
Своего народа скорбь узнала ты —
Моего народа тоже скорбь узнай.

Вздых перед рассветом ты слыхала мой.
Это, разлученный со своей страной,
Выдохнул я пламя сердца, Гульаим,
Отягчен заботой, опален тоской.

Страданьем поделюсь своим,
Уснул Арслан. Но Гульаим
Не спит, стремительно встает,
В покои к Сарбиназ идет
И говорит сурово ей,
Отважной сверстнице своей:

— Мне двадцать лет — мир тесен мне.
В рассветной этой тишине
Задумала я в бой идти
На помощь дружеской стране.

---

¹ Кызыл-баши (дословно — «красноголовые») — так по головному убору и обычаю красить бороды хной назывались иранцы (персы); здесь в смысле — враги.

В Хорезм мы голубой пойдем,
На падишаха в бой пойдем,
Соседней дружеской стране
Мир и спокойствие вернем!

Эй, Сарбиназ! Коня седлай
И кликни клич на весь ты край.
Саркопский собери народ,
Ему известье передай.
Скажи: подобен камню тот,
Кто в бой за друга не идет!
Скажи: друзей освобождать
Зову я земляков в поход!

Вот сорок девушек верхом,
В простом наряде боевом,
Коней ретивых оседлав,
Уздами косы завязав,
Они собираются в поход,
А вместе с ними весь народ —
И стар и млад в поход спешат,
Коней камчами горячат.
В Хорезме братья у кого,
Сестра иль сватья у кого,
Кто там бывал и не бывал —
Призыв военный услышал.

Так десять тысяч поднялось
И в путь-дорогу собралось.
И молвит войску Гульаим,
Щитом сверкая боевым:

— Десять тысяч войска! Дети храбрецов!
Эй, не пожалейте выгнутых клинков!
Эй, освободите родственный Хорезм,
В бегство обратите воинство врагов!

Щит над головою золотом блестит,
Верный конь копытом валуны дробит.
Яростная битва — честь для храбрецов.
Тот, кто храбр и честен, в битве победит!

Эй, на Надир-шаха злобного в поход!
Эй, на падишаха черного в поход!
За страну Арслана, за родной Хорезм,
Эй, не медля мига, на врага вперед!

И в полдень выехало в бой
То войско на простор степной.
Знамена пестрые шумят,
Мечи двуострые блестят,
И многоводная река
Манит волной издалека,
И на пути уже Арслан
Нагнал военный этот стан.
Он от волненья весь кипит
И Гуляим благодарит.
Он едет рядом с Гуляим
Навстречу пастбищам родным.
Пред ними — выжженный ковыль,
За ними — степью вьется пыль,
За ними — войско, к ряду ряд.
Мечи звенят, глаза горят,
Карнаи по степи звучат,
Шесть пушек по степи гремят.
В короне краснорозовой,
В кольчуге белой боевой,
В косичках, в черных завитках
На смугло-розовых щеках,
Степями Гуляим идет
В страну Хорезмскую в поход.
А с нею — верный сердцу друг
И сорок девушек-подруг —
Их двадцать с правой стороны
И двадцать с левой стороны,
И войско храброе за ней
В звенящих молниях мечей.
Остановившись над рекой,
Она поникла головой.
К Саркопу обратила взгляд,
Сказала, посмотрев назад:

— В дни войны сверкает щит над головой.
От отца одна я — памяткой живой.

Если я в родные не вернусь края,
Оставайся с миром, Туркестан родной!

В дни войны конь скачет по степным
цветам,
Смертный час далек ли — неизвестно нам.
Оставайся с миром, родина моя,
В трудный час прощенье ниспошли сынам.

Может быть, погибнет много силачей,
Мать не поцелует мертвых их очей...
Оставайтесь с миром, матери, отцы,
По весне встречайте перелет гусей.

К Хорезму повернув коней,
Помчалось воинство за ней.
Дни-ночи ехали они,
Пески проехали они.

Согнулись спины у коней,
Рты пересохла у людей.
Вот горы на пути видны,
Они пустынные и темны.
Идут тулпары по горам,
«Дынг-дынг» — ступают по кремням,
Их очи кровью налиты,
И втянуты их животы.
Зубами седоки скрипят,
От жажды, от жары хрипят.
Но за горой среди песка
Сверкает белая река.
Тут воины с коней встают,
Речную воду жадно пьют.
И Актамкер из Ак-Дарьи
Пьет с шумом пенные струи.

Опять поехали они,
Недолго ехали они,
И вот уж видят храбрецы
Хорезмских крепостей зубцы.

* * *

Запой в руках певца, дутар!
Для друга песня — лучший дар,

А для врага она — удар.
Пой, мой дутар, родной дутар!
Про настоящих пой людей,
Героев и богатырей,
Что жизнь народу отдают,
Для счастья родины живут.
Пропой, дутар, про их борьбу,
Про их прекрасную судьбу,
Про гордые тревоги их,
Про трудные дороги их.
Пусть голоса богатырей
Ответствуют струне твоей,
Пусть сила их могучих рук
Исторгнет из дутара звук,
И станет песнь моя слышна,
И станет всем она нужна.
Пусть голоса богатырей
Ответствуют струне моей!
Пусть их широкие следы
Сверкают, как лучи звезды!

Я вижу: богатырь Арслан
Въезжает на степной курган.
Храпит под ним могучий конь
И мечет из ноздрей огонь,
И серый сокол на руке
Добычу чует вдалеке.
И едут тем путем степным
Джигитов сорок вместе с ним.
Как сокол, каждый горделив,
Как сокол яростный, красив.
В степи охотятся они,
За дичью носятся они.

Пылает неба синева,
Сухая стелется трава.
Над степью выжженной, пустой —
Великий солнечный покой.
Объехали они простор,
Лежащий между двух озер —
От глади озера Багыр
До глади озера Чагыр.

Арслан от спутников отстал,
На берегу Чагыра встал.
Пьет конь студеную волну,
А всадник смотрит в глубину.
Озерная прозрачна гладь —
Все камешки на дне видать.
Сиянья влажного полна
Полуденная тишина.
Лишь рыбка в глубине мелькнет,
На солнце чешуей сверкнет
И снова скроется в тиши.
Лишь ветер тронет камыши.

Арслан над озером стоит,
Задумчиво он вглубь глядит.
И тут далекой песни звук
Его ушей коснулся вдруг.
Тот голос тонок был и чист,
Как соловья далекий свист.
То трелью заливался он,
То плачем задыхался он,
Как будто бы на помощь звал
И, не дождавшись, затихал.
Арслан поводья натянул,
Коня на голос повернул
И тихо едет, сам не свой,
Тропинкою береговой.
А там, на заливном лугу,
На чагыр-кульском берегу,
Пастушка нищая идет,
Овец чесоточных ведет,
Идет и тащит за спиной
Травы прибрежной сноп сырой.
Простоволосая, она
Степным лучом обожжена,
С былинкой схожа худобой,
Гонима горькою судьбой,
Пустынным берегом идет
И, причитая, слезы льет.
Шуршит камыш, хрустит песок,
Все ближе тонкий голосок:

— Ах, какую долю мне дала судьба!
Ах, как бесполезна горькая мольба!
Не услышит небо жалобы твоей,
Нищая пастушка, бедная раба..

Я была чинарой — кто мой ствол свалил?
Ласточкой была я — крылья кто сломил?
Девушку, что раньше звали Алтыной,
Надир-шах проклятый в рабство обратил.

Слезы мои, слезы, как ручьи, бегут,
Цепи мои, цепи руки-ноги трут!..
Где ты, брат любимый, богатырь Арслан?
Знал бы ты, как тяжело я страдаю тут!

Брат мой, брат любимый! Жив ты или нет?
Знаешь ли, как много непосильных лет
Нищая пастушка ждет на берегу,
Чтоб принес ей ветер от тебя привет!

Рыдая, вдаль она глядит,
А за спиной камыш хрустит —
Арслан бежит к сестре своей,
Протягивает руки к ней.
Тропы не видя, он бежит,
Он, слов не слыша, говорит:

— Алтыной, травинка тонкая моя!
Алтыной, росинка звонкая моя!
Жизнь готов отдать я за твои уста,
Что сказали «брат мой», ласточка моя!

Видно, возле ханов людям нет житья,
Ханы, словно волки, людям не друзья...
Жизнь готов отдать я за твои уста,
Что сказали «брат мой», ласточка моя!

За тобой приехал в эти я края,
С Надир-шахом щедро рассчитаюсь я..
Жизнь готов отдать я за твои уста,
Что сказали «брат мой», ласточка моя!

Цепи твои, цепи разбиваю я,
Слезы твои, слезы осушаю я!
Пусть же улыбнутся алые уста,
Что сказали «брат мой», ласточка моя!

Алтын, тот голос услышав,
Сквозь слезы брата увидав,
Рванулась, чтоб к нему идти,
Но вдруг застыла на пути.
Сам богатырь к ней подбежал,
К своей груди ее прижал,
Руками добрыми обвил,
Слезами горе растопил.
И зарыдала Алтыной,
Прильнула к брату головой.
И горьких слез ее поток,
Как пламя, грудь Арслана жег.
Гнев на себя его теснит,
Раскаянье его томит.

Все понимает Алтыной,
Так утешает Алтыной:

— Не огорчайся, милый брат,
Что было — не придет назад.
Тоска и боль теперь в былом,
Теперь с тобою мы вдвоем.

Вновь обнимаются они,
И улыбаются они.
К щеке — щека, к руке — рука,
Стоят они, как два цветка.
В глаза друг другу всё глядят,
И полон радости их взгляд.

Когда озерною водой
Умылась пери Алтыной,
Пастушье рубище сняла —
Румяна стала и бела.
Ей подает любимый брат
Расшитый золотом халат,
Сапожки надевает ей,
Косички заплетает ей.

Переодевшись, Алтыной
Вновь схожа с золотой луной.
Не затуманит уж слеза
Ее прекрасные глаза.
Арслан меж тем костер зажег,
Раздул веселый огонек,
Фазана лучшего достал,
Цветные перья ощипал,
Шашлык поджарил на костре
И подал ласково сестре.

Над озером взошла заря,
Вечерним золотом горя, —
Тут янтари, рубины там
Летают по седым волнам.
В сиянье тихой той зари
Вдали видны богатыри,
Арслана спутники видны,
Их крики: «Эй, Арслан!» — слышны.
Он подзывает их рукой,
Знакомит со своей сестрой.
Богатыри удивлены,
Ее красой потрясены.
И, отраженная в волне,
Как зорька в темной глубине,
С Арсланом едет Алтыной
Тропинкою береговой.
Спешат они путем степным
К стоянке пери Гуляим.

* * *

Вот белые шатры стоят,
Вот яркие костры горят.
И Гуляим идет тропой
Навстречу юной Алтыной.
Она с приветом подошла,
Сойти с коня ей помогла,
В шатер приезжую ведет
И сорок девушек зовет.

Вошли те, смотрят — ну, Арслан!
Лишь тоньше и нежнее стан,

Круглее щеки, розовой,
Острее уголки очей,
Но так же добрый взор открыт,
Как будто в душу он глядит.
Глядят они исподтишка
И замечают, что крепка,
И справедлива, и добра
Арслана младшая сестра.

Потом все отдыхать ушли.
Ночь над просторами земли,
Лишь Гуляим с Алтын вдвоем
Не спят в безмолвии ночном.
Хозяйка доброю рукой
Постель постлала Алтыной,
Подушку лучшую дала,
Косички на ночь расплела.
И рядышком они сидят
И без умолку говорят
Про все скитания свои,
Про испытания свои.
За словом — слово, как алмаз,
Как ожерелие — рассказ,
Улыбка там и слезы тут
В алмазах, как лучи, сверкнут...
Горят глаза и губы их,
Близки во многом судьбы их.
Алтын мечтанья Гуляим
Всем сердцем чувствует своим
И сердце отдает свое
Под покровительство ее.
А Гуляим — та рядом с ней
Вдруг кажется себе сильней,
Ей нравится Алтын учить,
Заботиться, руководить,
И обе рады, что вдвоем
Пойдут теперь одним путем.

Арслан неслышно подошел,
Взглянул в шатер к ним и ушел,
Увидев, что средь тишины
Они беседуют, дружны.

В потемках улыбнулся он:
Шатер похож на небосклон,
Пред ним на небосклоне том
И солнце и луна вдвоем.
Задумчивая Алтыной
Луне подобна молодой,
И схожа пери Гульаим
С полдненным солнцем золотым.

Так сорок девушек сестрой
Своей признали Алтыной.
Она уж с Сарбиназ вдвоем
Летает на конях верхом
И, в скачке выехав на луг,
Не отстает уж от подруг.
Подобно им, она сильна,
Отвагой им она равна,
Как будто с ними век жила,
Во всем участницей была...

Однажды рано поутру
Подходит Алтыной к шатру
В кольчуге белой, в сапогах,
С алмазной саблею в руках,
Идет к Арслану с Гульаим
И молвит, обращаясь к ним:

— Слишком долго в голых я жила степях —
Потому ль мне тесно в войлочных шатрах?
В ожиданье битвы истомилась я,
Саблю наточила недругам на страх.

Слишком долго в рабстве мучилась душа —
Потому ль без мести жизнь нехороша?
Гульаим-сестрица, братец мой Арслан,
К вам пришла, с великой просьбою спеша!

Надир-шаха войско — воч за тем леском.
Разрешите ехать мне к нему послом,
Мне, освобожденной вами от оков,
Разрешите шаху пригрозить мечом!

Эту честь страданием заслужила я --
Надир-шаха цепи износила я.
Воином возмездья перед ним представ,
Все б свои мученья искупила я.

На то согласие получив,
Свой меч до блеска отточив,
В седло вскочила Алтыной
И в путь помчалася стрелой.

* * *

Вот шахский бархатный шатер
Стоит в ложбине между гор.
Павлиньи перья над шатром
Цветным колышутся дымком.
Трава свежа и зелена,
Согрета солнцем тишина.
Вдруг слышен дробный стук копыт --
То всадник по степи летит.

Вот конь у шахского шатра,
Вот всаднику сойти пора,
Но он задумчиво стоит,
Алмазный меч в руках блестит.

— Кто ты? Когда ты в гости зван? --
Спросил махрам¹ Абдуррахман.

— Эй, кто ты, молодой джигит? --
Издалека сам шах кричит.

И молвит всадник молодой:
— Ношу я имя Алтыной!
Эй, выйди из шатра, Надир,
Эй, выйди на смертельный бой!

Не только любопытство — страх
Испытывает Надир-шах,
Но, любопытством побежден,
Свой нос высовывает он,

---

¹ Махрам — телохранитель, доверенное лицо.

На гостя чудного глядит.
А тот с презрением говорит:

— Эй, падишах-мучитель! Что ж
Рабыню ты не узнаешь?..
Припомнишь ты меня, злодей,
Когда сам в рабство попадешь!

Я слезы горькие лила,
Овец чесоточных пасла...
Я цепи сбросила твои
И отомстить тебе пришла.

За мною — богатырь Арслан
И Гульяим военный стан.
Пастушка с озера Чагыр
Теперь сильнее тебя, тиран!

Тут Надир-шах ее узнал,
Как лист осенний задрожал.
Махрамов он своих зовет:
— Лови ее! Держи! — орет.

Они садятся на коней,
Они бросаются за ней,
Но, словно ветерок степной,
Умчалась пери Алтыной,
Исчезла, будто не была,
Лишь пылью шаха обдала.

Глядит вослед ей Надир-шах,
И пламя мечется в очах:
Ой, как прекрасна, как горда!
Сама приехала сюда...
Ах, если бы ее сломить,
Меня заставить полюбить...
Тут знак он войску подает,
Тут начинается он поход.

* * *

И едет с воинством своим
Навстречу шаху Гульяим.
И все длинней, длиннее шаг,
И с каждым шагом ближе враг.

Вихрь наступленья храбрецов
Был беспощаден, был таков,
Что недругов с пути сметал,
Дыханьем пламенным сжигал.

Мечи блестят, обнажены,
Над головами взнесены,
И шелк воинственных знамен
Весь обвивает небосклон.
Навстречу — красных шапок строй,
Как кровь, плывущая волной:
То кызыл-баши бой ведут,
Красноголовые идут.

Но кызыл-башей слаб удар,
Им не сломить степной пожар:
Ничто они, когда народ
Поднялся в боевой поход!

Кто видел этот грозный бой,
Тот, онемев, стал сам не свой.

Кто видел Гульаим полки,
Тот скажет: желтые пески,
Взметнувшись выше облаков,
Огнем осыпали врагов.

Завяли тут врагов цветы,
Пропали тут врагов мечты.
Махрамы падишаха все,
Блиставшие в своей красе,
Лежат мертвы в траве степной,
Зарывшись в землю головой.

Вдруг видит богатырь Арслан —
Бежит махрам Абдуррахман,
Махрама гонит Алтыной
И бьет по голове камчой.
Арслан подъехал быстро к ним,
Махрама захватил живым,
И руки за спиной связал,
И в плен перед конем погнал.

А Гульаим и Сарбиназ
Рукою твердой, как алмаз,
Врагов безудержно разят.
Сердца богатырей бурлят,
Как в половодие река,
Смывающая берега.

О, тот, кто видел этот бой,
Тот онемел, стал сам не свой!

* * *

Победа к Гульаим пришла.
Тут шах решил кончать дела,
С полей Хорезма убежать,
В стране иной приют искать.
— Пусть разберутся без меня, —
Сказал он, устремив коня
К Ирану... Мчится впопыхах
Бежавший с поля битвы шах...
Узнав, что Надир-шах исчез,
Арслан ему наперерез
По степи выжженной летит.
Пыль. Ветер. Гулкий стук копыт.
Вдаль мчится конь с богатырем,
Арслан пригнулся над конем.
Вот настигает он врага,
Опережает он врага.
Но в сторону метнулся шах,
Исчез из глаз в глухих песках.
— Отцу проклятье твоему! —
Вскричал Арслан вослед ему.
И вновь по вражеским следам
Летит по выжженным пескам.
Камчами оба седока
Хлестают скакунов бока.
Конь шаха мчится со всех ног
(В сраженье силу он сберег!),
Вперед рванулся он, заржал
И вновь в пыли из глаз пропал.
Арслан остался позади
С бессильной яростью в груди.

Ночь наступает. Степь молчит.
Все глуше, глуше стук копыт...

Тут подскакала Сарбиназ,
На помощь подошла как раз.
Вдвоем летят богатыри
За шахом в сторону зари.
У Сарбиназ скакун гнедой,
Он рвет просторы головой.
Во весь опор коня пустив,
Коня гнедого раскалив,
Как зерна ячменя в котле,
Исчезла Сарбиназ во мгле.

Летит она, как ураган,
Она дорогу, как аркан,
В клубок мотает на скаку —
И все короче путь к врагу.

Вот перед нею Надир-шах —
Прыжок коня и пики взмах!
Силен был Надир-шах, хоть стар,
Он отразил ее удар:
Он поднял медный щит рывком,
И пику он сломил щитом.

Тут меч свой Сарбиназ берет,
Кривым мечом Надира бьет.
Но Надир-шах был в битве яр —
И этот выдержал удар.
Он снова щит подставил свой,
Сломал им меч он боевой.

Тут недруги, скрестивши взор,
Ведут безмолвный разговор.
Сверкают молнии из глаз
Прекрасной пери Сарбиназ.
Глядит, прищурясь, Надир-шах —
Красавица пред ним в песках.
Пылают очи горячо,
Коса упала на плечо,
Обезоружена она,
В глухих песках пред ним одна.

Коня он вдруг поворотил,
Поймать он девушку решил.
И от него помчалась та...
В песках сгустилась темнота...
Опять погони шум в песках,
Но уж преследователь — шах
Коня он гонит что есть сил
И думает: «Я шахом был,
Но как бы ни был я велик,
Своих желаний не достиг.
А нынче, беглецу в песках,
Послал удачу мне аллах.
Добычу эту надо взять
И с пленницей в Иран скакать!»
Он догоняет Сарбиназ,
Он настигает Сарбиназ.
Догнав, вцепился пятерней
Он в девушку, как ястреб злой,
За волосы ее поймал,
С седла высокого сорвал.
Упали слезы Сарбиназ,
Завяли розы Сарбиназ,
Она, как месяц в облаках,
Дрожит в Надировых руках.
Добычу шах свою берет
И поперек седла кладет
И, горяча коня камчой,
Спешит в Иран тропой ночной.

* * *

Хватилась Гульаим друзей,
Оглядывает ширь степей —
Нет Сарбиназ, Арслана нет!
В глазах ее померкнул свет:
«Ужель, пока сражалась я,
Погибли милые друзья?
О горе!..» А ретивый конь
В пустыню рвется, как огонь.

Тиха ночная синева.
Под ветром клонится трава,

Тревожно серый конь храпит,
По выжженным пескам летит.
Сам путь он выбирает свой,
Сам скачет по тропе ночной
Туда, где степь уже светла,
Грызет он гневно удила,
Едва касается земли...
И вьется пыль в степной дали.

На пыль ту Гульаим глядит,
За пылью вьющейся летит.
Мчит Актамкер, прекрасен он,
Горячей скачкой раскален
Он, как пшеница на углях.
Звездой падучею в песках
Летит с бархана на бархан,
Простор пустынный, как аркан,
В большой клубок мотает конь —
Арслана настигает конь.

Догнав Арслана, Гульаим
Остановилась перед ним,
Воскликнула: — Где Сарбиназ? —
Смущенно тот повел рассказ:

— Мы за Надиром с ней гнались,
Огнем и дымом мы неслись,
И стала Сарбиназ огнем,
А дымом — я с своим конем.
Отстали мы. Ее следы
Чуть видны под лучом звезды...

Вскипела Гульаим огнем,
Обрушила на друга гром.
Вслед за сорагницей своей
Пустили вновь они коней.

Осенней ясности полна,
Над степью выплыла луна.
Под лунным голубым лучом
Степь искрится солончаком,
И, вытянувшись на скаку,
Две тени мчатся по песку.

И наконец уже видна
Надира круглая спина —
Коня он хлещет, мчится вскачь.
И наконец уж слышен плач.
Плач горький бьется ручейком
И приглушается песком:

— Ой, как одинока, как несчастна я!
Где моя отвага, сила где моя?..
Ах, услышь мой голос, богатырь Арслан,
Пленницей я еду в дальние края...

В скачке я настигла своего врага,
Но сломила меч мой злобная рука...
Ах, услышь мой голос, пери Гульайм,
Прилети на помощь ты издалека!

О, как тяжело мне безоружной быть,
Мне, что всех умела доблести учить...
О, позор! Настигнув своего врага,
Вражеской я крови не смогла пролить!..

Плач этот слыша, горячей
Торопят всадники коней.
Надир услышал стук копыт,
Вдаль без оглядки он летит.
Дыхание чужих коней
Конь чует за спиной своей.
И степь качается — она
Погонею потрясена.

А Сарбиназ друзей зовет,
Веревку в ярости грызет.
Шах бьет ее в лицо камчой,
Но смерть его уж за спиной.
Арслан взмахнул своим копьём —
Оно сверкнуло над врагом.
Но шах копыа услышал свист,
Он поднял Сарбиназ, как щит,
Закрылся пленницею шах...
Удар пришелся ей впотьмах.

Она согнулась, словно лук,
Кольчуги все порвались вдруг,
И слезы брызнули из глаз
Несчастной пери Сарбиназ.

Тут замахнулась Гульгаим
Мечом на шаха боевым.

А шах, меча услышав свист,
Вновь поднял Сарбиназ, как щит,
И телом пленницы своей
Опять укрылся шах-злодей.

О, как страдает Сарбиназ!
Но боль скрывает Сарбиназ,
И кровь неслышную струей
Стекает на песок степной.

И тут на Сарбиназ из туч
Упал блестящий лунный луч.
Арслан при свете увидел,
Что в девушку копьем попал,
Что вся в крови она, бледна.
Что тяжело ранена она.
Он скакуна поворотил,
Копье в грудь шаху устремил,
Но изогнулся тот дугой,
Укрылся от удара тьмой.

Что делать дальше? Как тут быть?
Как Сарбиназ освободить?
Богатыри во тьме молчат,
А кони жаркие храпят.
Бой прекратился лишь на миг.
И в этот миг звенящий крик,
Крик Сарбиназ рванулся к ним,
Зажег он сердце Гульгаим:

— Эй, друзья! Пусть ваша не дрожит рука!
Цельтесь на мой голос, в сердце старика.
Эй, Арслан, удара твоего прошу!
Коль убьешь ты шаха, мне и смерть сладка!

Гульаим, ты верным другом мне была,
Ты сама мне это мужество дала...
Твоего удара я сейчас прошу,
Чтоб своею смертью я людей спасла.

Эй, друзья! На голос прямо цельтесь мой!
В плен врага возьму я мертвою рукой,
Кровь за кровь возьму я, жизнь за жизнь возьму,
Мертвой став, я этот выиграю бой.

Тут Гульаим, как с неба гром,
На шаха ринулась орлом,
Рванула шаха из седла,
От Сарбиназ оторвала,
Швырнула шаха на песок
И — к девушке... Та, как цветов,
Склонилась к Гульаим на грудь,
Душа в ней теплится чуть-чуть...

Рубашку Гульаим сняла,
На лоскуты разорвала;
Соратницу перевязав,
Кровь тяжких ран ее уняв,
В объятьях держит Сарбиназ,
Не отрывая глаз от глаз.
За шахом бросился Арслан,
Накинул на него аркан,
К себе за шею подтащил
И руки за спину скрутил.
Так вот тебе какую, шах,
Удачу ниспослал аллах!

Так шах (проклятие ему!)
К Хорезму, к войску своему,
Перед Арслановым конем
Идет не шахом, а рабом,
Идет дорогою беды,
И топчет конь его следы.

* * *

Заря блеснула в небесах,
Рассыпав янтари в песках,

И просыпается народ
И видит: падишах идет
Перед Арслановым конем
Трусливым, сгорбленным рабом.
Кто видел — разум тот терял,
Тот Гуляим хвалы слагал.
Хорезмцы шумною толпой
Идут, кричат: — Окончен бой!
Коль заарканен падишах,
Настанет мир у нас в краях!

А туркестанские войска,
Услышав весть, издалека
Навстречу Гуляим бегут
И в барабаны громко быют.
И молвит пери Гуляим
Отважным воинам своим:
— Друзья мои! Окончен бой,
Трубите битве вы отбой.
Пусть знает, что войне — конец,
Хорезмский весь народ простой.

Мы не с народом бой вели —
Мы с шахским сбродом бой вели,
Хорезмский край освободить
Походом мы сюда пришли.

Хорезма люди — нам друзья,
Народы все — одна семья.
Пусть радостно живет народ,
Цветет хорезмская земля!

Друзья! Мы выиграли бой —
Трубите битве вы отбой
И приглашайте всех людей
К нам на большой победный той!

И войско, услышав ту речь,
В ножны вложило острый меч.
Хорезмцы к Гуляим пришли
И поклонились до земли.

Два войска, тут соединясь,
Своим содружеством гордясь,
Идут шеренгою одной
И гонят шаха пред собой.

* * *

Пой, мой дутар, родной дутар!
Для друга песня — лучший дар,
А для врага она — удар.
Друзьям служи струной, дутар!

Звеня напевом золотым,
Пой о победе Гульаим,
Про то, как оживал Хорезм,
Под солнцем расцветал Хорезм!
Басовой прогудев струной,
Рассказ про шаха кончи свой.
Бывало имя «Надир-шах»
Вселяло ужас в кишлаках,
Но вот народ схватил его
И, суд творя, казнил его.

Шах пушку для войны отлил —
Народ ту пушку зарядил,
Он к дулу шаха прикрепил
И дуло к небу устремил
И выстрелил... Так падишах
В ничтожный обратился прах.

Так все, подобные ему,
Тьмой рождены, уйдут во тьму.
День рассыпает алый свет,
И падишаха нет как нет.

Тюльпаном алым день цветет,
Дутар красу его поет.
В хорезмском городе большом,
В родном краю отрадном том
Арслан и Гульаим живут,
Покой народа берегут.

Двенадцать месяцев прошло,
За ними десять дней прошло —
Созвала Гульаим народ
На площадь, на великий сход.
Сошлись все роды, племена,
Им всем так молвила она:

— О народ Хорезма! Долг исполнив свой,
Я хочу вернуться в Туркестан родной.
Выберите сами вы себе вождя,
Чтобы справедливо правил он страной.

Гуси, незнакомый облетев простор,
Возвратятся в гнезда у родных озер.
Человек жить должен на своей земле,
Без родного солнца потускнеет взор.

И отвечал ей так народ,
Собравшийся на этот сход:

— Гульаим, мы слышим, что сказала ты,
Мы довольны этим словом доброты.
Ты спасла от шаха злобного Хорезм,
От беды кровавой, тяжкой нищеты.

Гульаим с Арсланом, вы — народа цвет,
На земле живите тысячу вы лет!
Коль хотите ехать, ехать вы вольны.
Только бы Хорезма не померкнул свет!

Только б не вернулась к нам в Хорезм зима —
Виселицы, пытки, шахская тюрьма.
Гульаим! Того, кто шахом может стать,
Выбери из лучших, назови сама.

С Арсланом, с другом боевым,
Советуется Гульаим.
Тот долго думает, молчит.
Подумавши, так говорит:

— Надир-шах — проклятье вечное ему! —
Край наш благодатный превратил в тюрьму...

Нет, не выбирайте шаха вы себе:
Каждый шах — народу недруг своему.

Племени четыре на земле моей —
Четверых мудрейших выберем вождей.
Пусть они Хорезмом правят сообща,
Равными правами наделив людей.

Средь каракалпаков славится Алим,
И Вали узбекский всем народом чтим,
И Кексе казахский, и туркмен Сақыр, —
Самых справедливых выбором почтим.

Пусть живут народы дружною семьей.
Если ж иноземец к вам придет войной,
Посылайте сразу в Туркестан гонца —
Мы окажем помощь силой боевой.

Решили так богатыри,
Разумно это, посмотри:
Народам жить одной семьей,
Совместно управлять страной.

О, Гульаим с Арсланом, знать,
Ума нигде не занимать!..
И с ними согласился сход,
И был доволен весь народ.

* * *

Вот утро новое встает,
В дорогу караван идет.
Все трубы медные гремят,
Рожки победные звенят,
Знамена вьются в небесах,
Лоснятся в солнечных лучах.

Пред славным воинством своим —
Победы солнце Гульаим
На сером в яблоках коне,
На тонконогом скакуне.

С ней прямодушный великан,
Хорезмский богатырь Арслан.
И сорок девушек за ней,
Как сорок солнечных лучей, —
Их двадцать с правой стороны
И двадцать с левой стороны.

Средь них сверкает Сарбиназ —
Сказанья нашего алмаз.
Средь них блистает Алтыной,
Луне подобна золотой.

Степями караван идет,
Песками караван идет,
Под горною грядой идет,
Над бурною рекой идет,
Идет привольною землей
В зеленый Туркестан родной.

Дни-ночи ехали они,
В Саркоп приехали они.
Им травы, как в Саркоп вошли,
Коврами под ноги легли!
Цветы, как в Мевали вошли,
На всех деревьях расцвели!

Так возвратилась Гуляим
В свой Туркестан, к степям родным
И стала жить да поживать
Да к силе силу прибавлять.

* * *

Все ль было так, не знаю я,
Но песне в лад мечтаю я,
Чтоб горе все с земли ушло,
Чтоб счастье светлое взошло.

Пой, мой дутар, послушный мой,
Певучей самую струной!
Про все, о чем мечтал в веках
Простой народ в глухих песках.

Пой, мой дутар, певучий мой,
Пой самой звонкою струной,
Народу преданно служи,
Его советом дорожи,
Правдивые слагай слова,
И будет песнь твоя жива
В сердцах народа, мой дутар,
В устах народа, мой дутар!

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

На берегу Аму-Дарьи, в колхозе «Обком» Турткульского района, живет певец и сказитель Курбанбай Тажибаев — семидесятилетний старик из рода Мангыт, посвятивший всю свою жизнь сбору и обработке народных песен и сказаний.

Под аккомпанемент струнного музыкального инструмента, носящего название кобуз, он поет сказания, повествующие о народных богатырях, сказания, озаренные давней мечтой всех простых людей — мечтой о свободе и независимости, о содружестве народов.

Курбанбай Тажибаев рассказывает не только сказание о «Сорока девушках», насчитывающее в полной записи больше двадцати тысяч строк, — он знает наизусть десять других сказаний. Отсюда можно составить представление об изумительной памяти этого знатока народного творчества.

Курбанбай Тажибаев не является автором эпоса. Создался эпос безымянными народными певцами на протяжении столетий. Эти певцы были представителями своеобразной школы народного творчества. Мастер народной песни передавал накопленные им в течение жизни песни своему ученику. Курбанбай Тажибаев говорит, что эпос «Сорок девушек» связан с именем сказителя Жиен Тагая-улы, жившего около двухсот лет назад.

Так из поколения в поколение, как песенная эстафета, передавалось сказание о девах-воительницах, вставших во главе народа, победившего ханов и иноземных захватчиков и построившего свою жизнь на справедливых началах.

Но если автором сказания «Сорок девушек» является сам народ, то сказитель Курбанбай Тажибаев не только простой его исполнитель. Он, как и многие народные певцы, по-своему осмысливает, изменяет и дополняет но-

выми красками старое сказание, говорит о своем отношении к героям и событиям эпоса, а значит, и сам творчески участвует в его трактовке.

Курбанбай Тажибаев выступает в колхозах и городах республики как импровизатор и мастер рассказа, как певец и музыкант. Он то поет, сам аккомпанируя себе на кобузе, то рассказывает.

Полный текст эпоса «Сорок девушек» был записан на каракалпакском языке в 1940 году со слов Курбанбая Тажибаева сотрудниками Каракалпакского научно-исследовательского института языка и литературы. Потом он был направлен в Узбекистан, где и началась работа по его переводу на узбекский и русский языки.

Эпос «Сорок девушек» дорог сердцу советского человека своим демократизмом, тем, что его главным героем является народ, борющийся за свою свободу и независимость, тем, что чувства и поступки его положительных героев подчинены служению народу и борьбе с его врагами.

Особенностью эпоса «Сорок девушек» является то, что его герои — женщины, независимые, свободолюбивые богатырши, вставшие во главе народа, борющегося с ханами и шахами, и победившие в этой борьбе.

Прекрасен этот эпос своими устремлениями к дружбе народов. Он клеймит позором кровавых поработителей народов — хана Суртайшу и шаха Надира — и противопоставляет им свободолюбивых богатырей Сарбиназ, Отбаскана, Алтыной, Арслана и, наконец, Гульаим, которые ведут войну не против народов, а против ханов и шахов.

Освободив Хорезм от иранских захватчиков, Арслан, по просьбе Гульаим, говорит собравшемуся на сход народу:

Нет, не выбирайте шаха вы себе:
Каждый шах — народу недруг своему.

Племени четыре на земле моей —
Четверых мудрейших выберем вождей.
Пусть они Хорезмом правят сообща,
Равными правами наделив людей.

В этих строках, в этом высоком гуманизме выражена страстная и сокровенная мечта народа о счастье и дружбе народов.

Конечно, и эпос «Сорок девушек», как многие памятники большой давности, не свободен от следов религиозных верований и феодальных воззрений, но не это является для него характерным.

Принципом моей работы, предназначенной для юношества, являлся не дословный, текстуальный перевод записи сказания, а сокращенный вольный перевод, или, вернее, творческий пересказ. Не меняя основной сюжетной линии подлинника и используя его изобразительные средства, я сокращала все нехарактерное для большой патриотической идеи эпоса, стремясь сохранить в этом (более чем в три раза меньшем) объеме его художественное единство.

Для передачи рассказа я выбрала ямб — широко бытующий в русском народном творчестве стихотворный размер, наиболее соответствующий звучанию подлинника, ибо в каракалпакском языке, как и во всех тюркских языках, большинство слов имеет ямбическую стопу, например: «байра́к», «алты́н», «дува́л», «ага́», «юрта́» и т. д.

Песни же эпоса переведены хорейской строкой, тоже, как мне кажется, близкой ритмическому характеру каракалпакских народных песен.

Ставя своей задачей сделать стихотворный язык эпоса максимально доходчивым, я в то же время вводила в него обороты, выражения и даже отдельные слова, бытующие в каракалпакском языке, объясняя их значение в общем контексте фразы. Не могу не сказать, что теория перевода эпосов народов Востока еще не разработана и все наши творческие попытки являются, по существу, разведкой в области этого большого и трудного дела.

Хочу закончить эти короткие замечания к моей многолетней работе обращением к читателю.

Дорогой друг, юный читатель этой книги!

Сейчас ты вместе со всей Советской страной внимательно следишь за сообщениями с мыса Тахиа-Таш, откуда возьмет свое начало Главный Туркменский канал.

В недалеком будущем ты сможешь из столицы нашей Родины — Москвы на пароходе проехать к Каспийскому морю, до древней реки Аму-Дарьи и оттуда по новой

величественной водной магистрали — до возрожденной советской Кара-Калпакии.

На этих берегах ты можешь заметить развалины старых крепостей, и сейчас носящих в народе название «Кырк кыз», что значит «сорок девушек».

На этих берегах живет народ, в древности сложивший эпос о сорока девушках — сказание о богатырях, борцах за свободу и независимость своей родины. Лучшие мечты и чаяния каракалпакского народа претворены в жизнь под солнцем Сталинской Конституции, под гениальным руководством вождя народов товарища Сталина.

Светлана СОМОВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Л К л и м о в и ч. Предисловие . . .</i>	<i>5</i>
<i>Песня первая . . . . .</i>	<i>19</i>
<i>Песня вторая . . . . .</i>	<i>29</i>
<i>Песня третья . . . . .</i>	<i>41</i>
<i>Песня четвертая . . . . .</i>	<i>49</i>
<i>Песня пятая . . . . .</i>	<i>55</i>
<i>Песня шестая . . . . .</i>	<i>63</i>
<i>Песня седьмая . . . . .</i>	<i>77</i>
<i>Песня восьмая . . . . .</i>	<i>100</i>
<i>Песня девятая . . . . .</i>	<i>111</i>
<i>Песня десятая . . . . .</i>	<i>123</i>
<i>Песня одиннадцатая . . . . .</i>	<i>135</i>
<i>Песня двенадцатая . . . . .</i>	<i>148</i>
<i>Песня тринадцатая . . . . .</i>	<i>157</i>
<i>Песня четырнадцатая . . . . .</i>	<i>170</i>
<i>Песня пятнадцатая . . . . .</i>	<i>181</i>
<i>Песня шестнадцатая . . . . .</i>	<i>197</i>
<i>Песня семнадцатая . . . . .</i>	<i>205</i>
<i>Песня восемнадцатая . . . . .</i>	<i>234</i>
<i>От переводчика . . . . .</i>	<i>267</i>

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор А. Кравченко.
Художественный редактор Н. Яцкевич.
Технический редактор Т. Добровольнова.

Корректоры

Е. Кайрукштис и С. Локшина.

Сдано в набор 2/1 1952 г. Подписано к печати 3/VII 1952 г. Формат 84×108 $\frac{1}{2}$ ₂—4,25 бум. = 13,97 п. л. (14,07 уч изд. л.). Тираж 30 000 экз. А04283. Заказ № 3391. Цена 5 р 25 к. Номинал — по прейскуранту 1952 года.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49.

Цена 5 р. 25 к.

0